

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ,
ПРАКТИКА,
НАУКА

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в июле 2004 года
Выходит 6 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В. Ф. Яковлева»
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, д. 21

РЕДАКЦИЯ

В. В. ДОЛГАНИЧЕВ, главный редактор
К. С. ПУТУШКИНА, редактор
И. В. ЛЕДНЕВ, ответственный
секретарь

АДРЕС РЕДАКЦИИ

620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 23, каб. 209.
Адрес для корреспонденции:
620137, Екатеринбург,
ул. Комсомольская, 21.
тел./факс (343) 375-58-47,
<https://rospravojournal.usla.ru>
e-mail: rp@usla.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной
службе по надзору в сфере связи, информа-
ционных технологий и массовых коммуника-
ций, свидетельство ПИ № ФС 77-55438 от
17 сентября 2013 г.

Использование материалов возможно то-
лько с письменного согласия редакции

Фотографии, использованные в номере, пре-
доставлены авторами статей, героями
интервью и организаторами мероприятий

Журнал распространяется по подписке;
придерживается независимой политики.
Мнения авторов могут не совпадать
с мнением редакции

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

- Саликов М. С.**
Региональный конституционный контроль
в России: возможен ли ренессанс? 4
- Карасев А. Т., Мещерягина В. А.**
Защита конституционного права на жилище
в исполнительном производстве 12
- Басова А. В.**
Проблемы соблюдения конституционных
прав граждан при практическом обучении
студентов-медиков 19

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Малинова И. П., Домченко А. С.**
Идеологические факторы социального
конструирования в правовом измерении.
Противодействие антисоциальным
идеологиям 30
- Куликов М. А.**
Противодействие манипулированию целями
и средствами в правовом регулировании:
концепция и механизмы 38

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Лунёв А. А.**
Права человека и юридические лица:
парадокс реализации в международном
праве 49

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- Костин А. А.**
Извещение российского ответчика
по электронной почте в рамках иностранного
судебного разбирательства 61

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, Л. Н. Берг, В. С. Белых, А. В. Брызгалин, В. А. Бублик, А. В. Винницкий, Д. В. Винницкий, Б. М. Гонгало, В. В. Гошуляк, Е. Ю. Грачева, Д. А. Гришин, И. Г. Дудко, Т. Д. Зражевская, В. Б. Исаков, А. Я. Капустин, И. Я. Козаченко, Ю. В. Козубенко, Г. А. Кокурин, Г. Н. Комкова, А. Н. Костюков, В. В. Круглов, В. И. Крусс, А. М. Куренной, А. А. Ливеровский, Н. А. Мехренцева, А. Н. Митин, А. Н. Мочалов, Е. И. Носырева, В. В. Полянский, А. Д. Прошляков, И. В. Решетникова, В. Н. Руденко, М. С. Саликов (председатель), Н. М. Саликова, А. С. Смыкалин, С. Д. Хазанов, А. М. Хлус, С. Н. Чернов, В. В. Ярков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

С. А. Авакьян, С. Н. Бабурин, В. В. Блажеев, А. К. Голиченков, В. В. Ершов, В. В. Игнатенко, Г. С. Казинян, Л. О. Красавчикова, П. В. Крашенинников, В. А. Малиновский, С. П. Степкин, Т. Я. Хабриева, Ю. Я. Чайка, Г. Н. Чепотарев, М. Ф. Чудаков, Ю. С. Шемшученко, Б. С. Эбзеев, Э. С. Юсубов

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО**Тескаро М.**

Наследование имущества государством
сквозь призму римской правовой традиции 69

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**Митин А. Н.**

Специфика преподавания в вузе
антикоррупционных дисциплин
с применением синергийных и персуазивных
технологий 87

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ**Курочкин С. А.**

Развитие теории административного
судопроизводства: несколько слов о монографии
М. Ю. Старилова «Меры предварительной
защиты по административному иску:
теория, судебная практика, проблемы,
эффективность» 93

Табаринцева-Романова К. М.

Рецензия на коллективную монографию
«The Shanghai Cooperation Organization.
Exploring New Horizons» 97

CONSTITUTIONAL LAW

Salikov M. S. Regional Constitutional Control in Russia: Is a Renaissance Possible?	4
Karasev A. T., Meshcheryagina V. A. Protection of the Constitutional Right to Housing in Enforcement Proceedings	12
Basova A. V. Problems of Observing the Constitutional Rights of Citizens in the Practical Training of Medical Students	19

THEORY OF STATE AND LAW

Malinova I. P., Domchenko A. S. Ideological Factors of Social Design in the Legal Dimension. Counteraction to Anti-Social Ideologies	30
Kulikov M. A. Counteraction to the Manipulation of Goals and Means in Legal Regulation: Concept and Mechanisms	38

INTERNATIONAL LAW

Lunev A. A. Human Rights and Legal Entities: the Paradox of Implementation in International Law	49
--	----

CIVIL AND COMMERCIAL PROCEDURE

Kostin A. A. Notification of the Russian Defendant by E-mail in Foreign Proceedings	61
---	----

CIVIL LAW

Tescaro M. State's Right to Escheat: Roman Law Perspective	69
--	----

LEGAL EDUCATION

Mitin A. N. Specifics of Teaching Anti-Corruption Disciplines in Higher Education with the Use of Synergistic and Persuasive Technologies	87
--	----

REVIEW

Kurochkin S. A. Administrative Proceedings Theory Development: a Few Words About M. Yu. Starilov's Monograph «Measures of Preliminary Protection for an Administrative Claim: Theory, Court Practice, Problems, Effectiveness»	93
Tabarintseva-Romanova K. M. Review of the Collective Monograph «Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons»	97

М. С. Саликов

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В РОССИИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ РЕНЕССАНС?

Автор анализирует ситуацию, возникшую после упразднения органов конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации, правовые основания данного решения, а также последствия для региональной власти в целом и для отдельных граждан в части защиты их прав и законных интересов.

Рассматриваются различные варианты «замещения» конституционных (уставных) судов, включая учреждение советов при законодательных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, возможность создания которых предусмотрена федеральным законодательством. Аргументируется тезис о преимуществах создания региональных комитетов конституционного (уставного) контроля.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционные (уставные) суды, толкование конституции (устава), судебная система, разделение властей, федеративное устройство

Для цитирования

Саликов М. С. Региональный конституционный контроль в России: возможен ли ренессанс? // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 4–11. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_4.

УДК 341.213.4

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_4

В период обсуждения проекта поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 г. гипотетически сохранялась возможность для продолжения функционирования конституционных (и уставных) судов субъектов Российской Федерации. Дело в том, что, несмотря на появление в ст. 118 перечня судов (в котором указанных судов не оказалось), эта же статья предусматривала, что судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Таким образом, можно было бы предположить, что конституционные (уставные) суды могут по-прежнему закрепляться законом о судебной системе. Однако Конституционный Суд Российской Федерации в своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 отметил, что приведенный в ст. 118 Конституции РФ «перечень судов является исчерпывающим (выделено мной. – М. С.), что не противоречит ст. 10 и 11 Конституции Российской

Федерации, иным положениям гл. 1 Конституции РФ и ее гл. 2 и 9». Таким образом, и эта возможность была утрачена.

Надо ли было указывать на то, что «перечень судов является исчерпывающим»? Думаю, подобной необходимости не было, поскольку задача Суда состояла в определении конституционности поправки в данную статью, а не конституционности перечня. Но именно это вытекает из анализа подп. 5.1 Заключения, причем никаких аргументов приведено не было (для сравнения: п. 7 Заключения, в котором рассматривается проблематика публичной власти, занимает пять страниц текста). Более того, перечень, установленный в данной норме, по сути, нивелирует первое предложение ч. 3 ст. 118 («Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом»), поскольку не оставляет места для закона, раз все установлено самой Конституцией. Ло-

гично было бы просто убрать упоминание о федеральном конституционном законе.

Конституционно-судебное «освящение» закрытого перечня судов, разумеется, повлекло необходимость изменения соответствующего законодательства. В развитие поправок, внесенных в 2020 г. в Конституцию Российской Федерации, был принят Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы». В соответствии с ним до 1 января 2023 г. все конституционные (и уставные) суды субъектов Российской Федерации должны быть упразднены.

Эти региональные суды играли важную роль в системе органов власти на уровне субъектов Российской Федерации. К сожалению, их ликвидация нанесла ущерб не только субъектам Федерации, но и России в целом, которая в Конституции провозглашена правовым демократическим федеративным государством. Основной закон в ч. 2 ст. 11 закрепляет, что государственную власть в субъектах РФ осуществляют образуемые ими органы государственной власти. Конституционные (уставные) суды, разумеется, являлись региональными органами государственной власти, а упразднение таких органов без учета мнения субъектов Российской Федерации решением федерального центра говорит о нарушении принципов федерализма. Вопросы ликвидации данных судов необходимо было решать самим субъектам, которыми они и были созданы [Salikov 2020].

Трудно не согласиться с В. А. Кряжковым, который отмечает, что упразднение конституционных (уставных) судов произошло достаточно неожиданно и без каких-либо обоснований [Кряжков 2021: 68]. Это, по нашему мнению, свидетельствует не только о нарушении принципов организации государственной власти в федеративном государстве, но и о нарушении другого конституционного принципа – равенства граждан перед законом и судом независимо от места проживания (ст. 19 Конституции Российской Федерации). Естественно, что «в тех субъектах Российской Федерации, где эти суды образованы и действуют, граждане получают двойной уровень судебной защиты» [Цалиев 2015: 38]. Как справедливо полагает Б. С. Эбзеев, «субъекты Российской Федерации, где имеются консти-

туционные (уставные) суды, находятся в более выгодном в отношении населения и обеспечения его прав положении, нежели абсолютное большинство субъектов, которые хотя и имеют должную законодательную базу, но не могут решиться на то, чтобы создать этот институт» [Эбзеев 2005: 15].

Действующий КАС РФ, где установлен порядок осуществления судопроизводства по делам об оспаривании нормативных правовых актов, не предусматривает возможности оспаривать акты на предмет их соответствия региональным учредительным актам – конституциям и уставам субъектов Российской Федерации. Таким образом, данного вида контроля в региональных правовых системах теперь нет, что вряд ли будет способствовать поддержанию качества законодательства субъектов Российской Федерации на должном уровне.

Отдельно стоит отметить, по сути, «отмирание» функции толкования региональных конституций и уставов. Отсутствие судов, имеющих право их толкования, может привести, как минимум, к отказу в толковании конституции (устава) в принципе (как это произошло в Свердловской области) или к передаче данной функции законодательному органу. В последнем случае, когда законодательный орган толкует нормы учредительного акта «и эти нормы он сам же обязан применить, или когда толкуемая норма является предметом конфликта законодательной и исполнительной власти, то такое толкование устава не может считаться правовым и справедливым. Оно неизбежно будет пристрастным» [Становление и развитие 2018: 50].

Думается, что такой подход не совсем верен. К примеру, в ст. 68 Устава Свердловской области говорится, что «Устав Свердловской области и законы Свердловской области официальному толкованию не подлежат». Причина появления этой формулировки понятна – упразднение Уставного суда области, у которого имелось полномочие по толкованию Устава. Однако представляется, что не следует оставлять данное полномочие вообще без субъекта, который бы мог осуществлять такое толкование. Как известно, причинами толкования правовых норм являются сложность юридического языка; наличие специальных терминов; особенности формулирования норм: четкость, лаконичность

(краткость), схематичность; использование специальной юридической техники и др.

Конституция (устав) субъекта Российской Федерации – основной закон субъекта РФ, обладающий высшей юридической силой в системе его законодательства, принимаемый в установленном федеральной Конституцией порядке, определяющий статус субъекта Российской Федерации и регламентирующий вопросы, отнесенные к его ведению Конституцией Российской Федерации. Конституция (устав) субъекта Российской Федерации выступает в качестве основы системы его законодательства. Это находит отражение во всех подобных актах в России. Просматривается

тех или иных норм данных основных законов, преодоления неопределенности в понимании их отдельных положений. Упразднение конституционных (уставных) судов не означает, что подобные ситуации не возникнут в будущем. Необходимо отметить, что и Конституционный Суд Российской Федерации не сразу получил право официального толкования Конституции Российской Федерации (оно было закреплено за ним лишь в 1994 г.). Конституцию толковал законодательный орган (осуществлялось так называемое аутентичное толкование, т. е. толкование органом, принявшим акт). Конституция РСФСР 1978 г. была принята Верховным Советом РСФСР, т. е. законодательным органом, отсюда его право на аутентичное толкование Основного закона.

Согласно ч. 2 ст. 66 Конституции Российской Федерации уставы краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов принимаются их законодательными (представительными) органами. Вполне логично, чтобы официальное толкование производили именно законодательные органы субъектов РФ. Представляется, что тот же подход следует применять к региональным законам, которые также зачастую объявляются не подлежащими толкованию.

Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ дает субъектам Российской Федерации право создавать конституционные (уставные) советы при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Станут ли такие советы, при условии их создания, полноценной заменой судам? Представляется, что нет. Поскольку советы не будут являться судами, а будут функционировать при законодательных органах субъектов Российской Федерации, постольку они будут зависимы от законодательной ветви власти. То есть окажется нарушен еще один краеугольный конституционный принцип – принцип разделения властей на региональном уровне.

В. А. Кряжков полагает, что создание конституционного (уставного) совета при законодательном (представительном) органе субъекта Российской Федерации «гарантирует совету большую защищенность и стабиль-

Региональные конституции и уставы не могут не толковаться, поскольку могут возникнуть ситуации, требующие официального разъяснения смысла и содержания тех или иных норм данных основных законов

совершенно определенная аналогия с местом Конституции Российской Федерации в системе федерального законодательства. «Конституции и уставы субъектов Российской Федерации, – писал судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке Н. В. Витрук, – находятся в одном ряду с Конституцией Российской Федерации и составляют высший уровень (ядро, фундамент) нормативно-правовой системы Российской Федерации и ее субъектов» [Витрук 1999: 32].

Рассматривая дело о проверке конституционности ряда положений Устава – Основного закона Читинской области, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 1 февраля 1996 г. № 3-П отметил: «Из статьи 66 (часть 2) Конституции Российской Федерации следует, что уставом определяется статус области. Это означает, что устав занимает особое, а именно высшее, место в иерархии нормативных актов, принимаемых законодательным органом области».

Таким образом, если проводить аналогию с Конституцией Российской Федерации, то видно, что и региональные конституции и уставы не могут не толковаться, поскольку могут возникнуть ситуации, требующие официального разъяснения смысла и содержания

ность функционирования, ориентирует на включенность, прежде всего в сферу законодательства, но не исключает его деятельность и за ее пределами. При этом „прописка“ совета при парламенте не может автоматически придавать ему консультативно-совещательное значение, а также не входит в противоречие с его характеристикой как самостоятельной государственной структуры» [Кряжков 2021: 71–72]. Такое развитие событий, по нашему мнению, возможно только в случае наличия политической воли у субъекта Российской Федерации, готового предоставить совету самостоятельный статус и наделить его широкой компетенцией в сфере конституционного (уставного) контроля.

В настоящее время функционирует Конституционный совет Республики Саха (Якутия), который был создан на основании конституционного закона Республики Саха (Якутия) от 26 мая 2021 г. «О Конституционном совете Республики Саха (Якутия)». Совет является постоянно действующим государственным органом Республики Саха (Якутия), осуществляющим деятельность в целях соблюдения верховенства Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) в системе законодательства Республики Саха (Якутия), прямого действия Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) на территории Республики Саха (Якутия), укрепления конституционной законности, сохранения и развития конституционных ценностей правового демократического государства в Республике Саха (Якутия) как субъекте Российской Федерации. Конституционный совет создается при Государственном собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия).

Согласно указанному закону Конституционный совет дает толкование Конституции, дает заключения о соответствии республиканской Конституции законов, нормативных правовых актов Государственного собрания (Ил Тумэн), главы, Правительства, иных исполнительных органов государственной власти Республики, уставов муниципальных образований, муниципальных нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Совет наделен полномочиями по осуществлению предварительного конституционного контроля. Так, по обращению главы Совет дает заключение о соответствии Конституции законов до их подписания и обнародова-

ния главой Республики Саха (Якутия). Кроме того, Конституционный совет дает заключение о соответствии Конституции проектов законов, предметом регулирования которых являются основы конституционного строя, а также национально-государственный статус и административно-территориальное устройство Республики Саха (Якутия).

Совет состоит из девяти конституционных советников, включая председателя, двух заместителей председателя и секретаря-советника, осуществляющих свои полномочия на профессиональной постоянной основе, иных конституционных советников – граждан, осуществляющих свои полномочия на непостоянной основе. Конституционные советники назначаются Государственным собранием (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) по представлению главы Республики Саха (Якутия).

Все вопросы внутренней организации, порядок деятельности, основания, форма, порядок обращения в Конституционный совет и порядок рассмотрения им обращений, а также порядок взаимодействия с главой, Государственным собранием (Ил Тумэн), Правительством Республики Саха (Якутия), иными органами государственной власти, органами местного самоуправления устанавливаются регламентом Конституционного совета. Нетрудно заметить, что Конституционный совет максимально приближен по статусу к ранее функционировавшему в Республике Конституционному суду. В самом законе не просматривается зависимость от республиканского парламента, который лишь назначает советников по представлению главы Республики, а решения (в форме постановлений и заключений) Совет принимает самостоятельно, они не подлежат утверждению законодательным органом. Однако в законе не установлен императивный характер реакции на решения Совета.

Согласно ч. 8 ст. 8 закона «Государственное собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), глава Республики Саха (Якутия), Правительство Республики Саха (Якутия), иные органы исполнительной власти Республики Саха (Якутия), органы местного самоуправления *могут* (выделено мной. – М. С.) внести изменения в законы Республики Саха (Якутия), иные нормативные правовые акты в случае, если решением Конституционного

совета установлено их несоответствие Конституции (Основному закону) Республики Саха (Якутия)». По нашему мнению, эта норма, по сути, нивелирует правовое положение Совета, поскольку закон не требует обязательного исполнения его решений. В любом случае необходимо, чтобы прошло время для того, чтобы судить о том, какое реально место отведено Совету в системе государственных органов в данном субъекте. Это можно будет проследить по решениям Совета и, главное, по реакции на них высших органов исполнительной и законодательной власти Республики. Опираясь на такой опыт, другие субъекты смогут принимать взвешенные решения относительно создания подобных органов у себя.

Большой интерес в связи с рассматриваемой проблематикой представляют органы, создаваемые в некоторых субъектах РФ с целью обеспечения качества регионального законодательства. Так, в Свердловской области с 1996 г. успешно функционирует Уральский институт регионального законодательства (УИРЗ)¹. Основные виды деятельности Института – разработка и доработка проектов законов и иных нормативных правовых актов области; правовая экспертиза проектов нормативных правовых актов; анализ федерального и областного законодательства; систематизация областного законодательства; сравнительно-правовой анализ законов субъектов Российской Федерации, на основе которого готовятся обзоры федерального и регионального законодательства.

Важным направлением деятельности Института является также инвентаризация полномочий субъектов Российской Федерации, предусмотренных в федеральных законах. Она позволяет готовить предложения по системному совершенствованию регионального законодательства в целях более полной реализации в нем правотворческой компетенции области, а также осуществлять анализ подзаконных нормативных правовых актов на предмет их соответствия федеральным и областным законам и выявлять пробелы в правовом регулировании вопросов, относящихся к компетенции соответствующих государственных органов области. Кроме того, Институт осуществляет правовое консульти-

¹ Уральский институт регионального законодательства: URL: <http://www.uirz.ru>.

рование по вопросам, представленным в обращениях депутатов Законодательного собрания области, органов исполнительной власти Свердловской области, администраций муниципальных образований; готовит ответы на письма губернатора и председателя Законодательного собрания Свердловской области по правовым вопросам.

За время своей деятельности Институт оказал существенное влияние на становление и развитие законодательства Свердловской области, его своевременное приведение в соответствие с федеральным законодательством, обеспечил необходимое качество законов Свердловской области. Неоценимую помощь в этом оказывает экспертный совет УИРЗ, в состав которого входят консультанты из числа ведущих правоведов. Необходимо отметить, что в процессе подготовки экспертных заключений совет анализирует проекты областных законов на предмет их соответствия не только федеральному законодательству, но и Уставу области. В этой части данная деятельность, по сути, дублировала усилия Уставного суда области. Поправки в Устав области также являются предметом предварительного рассмотрения экспертного совета. Кстати, совет дал положительное заключение на внесенную в Устав поправку об упразднении Уставного суда Свердловской области. Такого рода институты, разумеется, крайне важны для обеспечения качества регионального законодательства, однако они не могут заменить собой органы конституционного (уставного) контроля, поскольку их заключения носят рекомендательный характер.

В истории регионального конституционного (уставного) контроля имеется факт функционирования такого органа, как Уставная палата, которая была учреждена в Иркутской области. Однако просуществовала она недолго (до 1998 г.), и решения ее не были обязательными для органов государственной власти и должностных лиц. В ст. 24 закона Иркутской области от 15 марта 1996 г. № 15-ОЗ «Об Уставной палате» устанавливалось, что «заключения Уставной палаты носят рекомендательный характер и подлежат обязательному рассмотрению органом, в который они направлены, в срок не более 1 месяца с момента поступления, если иное не указано в заключении». Как видно, палата, как и совет, хотя и не создавалась при каком-то ор-

гане, тем не менее не могла принимать обязывающие решения.

Как мы уже отмечали ранее, наиболее перспективным из названных форм конституционного контроля представляется возврат к комитетам конституционного надзора [Саликов 2022: 209]. Комитеты, не являясь судами, не вторгаются в такой предмет федерального ведения, как судоустройство, но в то же время при наделении их соответствующими полномочиями могли бы стать известной заменой органам региональной конституционной юстиции. Однако если учесть ограниченность полномочий такого рода комитетов (к примеру, Комитет конституционного надзора СССР не был вправе принимать окончательные решения, поскольку Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР могли отменить решение Комитета), думается, что в институировании подобных органов необходимо пойти дальше. На наш взгляд, нужно создавать региональные комитеты конституционного (уставного) контроля (не надзора) с приданием им функций принятия окончательных и обязательных к исполнению решений. Только в этом случае такие комитеты, не будучи образованными при каких-то органах, сохраняют свою самостоятельность и восстановят принцип разделения властей на уровне субъектов РФ.

Комитеты могли бы унаследовать те полномочия, которыми ранее были наделены конституционные (уставные) суды, а также обрести ряд иных функций, включая предварительный конституционный (уставный) контроль [Становление и развитие 2018]. Причем тот факт, что, к примеру, право проверки регионального закона, не подписанного высшим должностным лицом субъекта РФ, передано теперь федеральному Конституционному Суду, не означает, что такое полномочие не может осуществляться и на уровне самого субъекта. Более того, представляется, что в силу принципа субсидиарности, присущего федеративному государству, данное полномочие как раз и должно реализовываться именно на региональном, а не на феде-

ральном уровне. В любом случае такой контроль не вступит в противоречие с контролем федеральным, поскольку региональный контроль был бы направлен на проверку соответствия закона субъекта РФ конституции (уставу) данного субъекта, а не Конституции РФ.

Анализ имевшихся и имеющихся форм реализации конституционного (уставного) контроля в субъектах Российской Федерации (суды, палаты, комитеты, советы) позволяет сделать вывод о том, что наиболее эффективным институтом, разумеется, является судебный контроль. Некоторые авторы полагают даже, что возможно воссоздание региональных органов конституционной юстиции, не входящих в федеральную судебную систему [Клеандров 2020: 19; Гриценко 2020: 88]. Однако думается, в современных реалиях такой вариант вряд ли реализуем. Возможно, в будущем созреют условия для возрождения именно судебных форм конституционного контроля на уровне субъектов Федерации.

В настоящее время необходимо попытаться сконструировать несудебный или квазисудебный институт для выполнения данной, как нам представляется, крайне важной функции. Как известно, комитеты конституционного контроля в свое время, по сути, были квазисудебными органами, поскольку, несмотря на то что они не назывались судами, свои полномочия реализовывали по тем же процедурам, что и судебные органы. В связи с этим при наличии политической воли у субъектов Российской Федерации вполне возможно создать и встроить в существующую систему разделения властей комитеты конституционного (уставного) контроля (либо их аналоги, наименование не имеет значения, главное, чтобы такие органы располагали правом принятия обязывающих решений). Подобные органы, по нашему мнению, решали бы не только те задачи, о которых говорилось выше, но и поддержали бы реноме регионов как государственных образований, самостоятельно осуществляющих государственную власть вне федеральной компетенции.

Список литературы

Salikov M. S. Prospects of Regional Constitutional Justice in Russia // Proceedings of the XIV European-Asian Law Congress «The Value of Law» (EAC-LAW 2020). Atlantis Press, 2020. P. 341–349.

Витрук Н. В. Проверка конституций и уставов субъектов РФ на соответствие Конституции РФ в практике Конституционного Суда РФ: опыт и проблемы // Конституционное законодательство субъектов РФ: проблемы совершенствования и использования в преподавании: материалы науч. конф., 25–27 марта 1999 г. / под ред. С. А. Авакьяна. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 30–36.

Гриценко Е. В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 г. // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80–97.

Клеандров М. И. Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 7–23.

Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах РФ: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74.

Саликов М. С. Эволюция конституционной юстиции в России // 25 лет конституционной юстиции на Урале. Екатеринбург, 2022.

Становление и развитие конституционного правосудия в субъектах Российской Федерации / под ред. И. А. Минникеса. Иркутск: Отгиск, 2018. 336 с.

Цалиев А. М. Судебная власть субъектов Российской Федерации: история и современность // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 4. С. 36–41.

Эбзеев Б. С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства // Конституционное правосудие в Российской Федерации: правовое регулирование, опыт, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 17 июня 2005 г. Казань: Центр инновационных технологий, 2005. С. 15–21.

Марат Сабирьянович Саликов – заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: salikov.marat@list.ru.

ORCID: 0000-0003-2461-9484

Regional Constitutional Control in Russia: Is a Renaissance Possible?

The author analyzes the situation that arose after the abolition of constitutional justice bodies in the constituent entities of the Russian Federation, the legal grounds for such a decision, as well as the consequences for both the regional authorities as a whole and for citizens in terms of protecting their rights and legitimate interests.

Various options for «replacing» constitutional (charter) courts are considered, including councils under the legislative bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation, the possibility of creating which is provided for by federal legislation. The thesis about the advantages of creating regional committees of constitutional (charter) control is argued.

Keywords: *constitutional control, constitutional (charter) courts, interpretation of the constitution (charter), judicial system, separation of powers, federal structure*

Recommended citation

Salikov M. S. Regional'nyi konstitutsionnyi kontrol' v Rossii: vozmozhen li renessans? [Regional Constitutional Control in Russia: Is a Renaissance Possible?], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 4–11, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_4.

References

Эбзеев В. С. Конституционное правосудие в России: системность и роль в обеспечении единства и целостности Российского государства [Constitutional Justice in Russia: Consistency and Role in Ensuring the Unity and Integrity of the Russian state], *Konstitutsionnoe pravosudie v Rossiiskoi Federatsii: pravovoe regulirovanie, opyt, perspektivy* [Constitutional Justice in the Russian

Federation: Legal Regulation, Experience, Prospects]: conference papers, Kazan, Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2005, pp. 15–21.

Gritsenko E. V. Federalizm i mestnoe samoupravlenie v svete rossiiskoi konstitutsionnoi reformy 2020 g. [Federalism and Local Self-government in the Light of the Russian Constitutional Reform in 2020], *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 2020, no. 4, pp. 80–97.

Kleandrov M. I. Konstitutsionnye izmeneniya 2020 g. i mekhanizmy pravosudiya: plyusy i minusy [Constitutional Changes in 2020 and Justice Mechanisms: Pros and Cons], *Gosudarstvo i pravo*, 2020, no. 10, pp. 7–23.

Kryazhkov V. A. Konstitutsionnyi kontrol' v sub"ektakh RF: kakim on mozhet byt' posle uprazhdeniya konstitutsionnykh (ustavnykh) sudov [Constitutional Control in the Constituent Entities of the Russian Federation: What It Can Be Like After the Abolition of Constitutional (Charter) Courts], *Gosudarstvo i pravo*, 2021, no. 9, pp. 65–74.

Minnikes I. A. (ed.) *Stanovlenie i razvitie konstitutsionnogo pravosudiya v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii* [Formation and Development of Constitutional Justice in the Subjects of the Russian Federation], Irkutsk, Ottisk, 2018, 336 p.

Salikov M. S. *Ehvolutsiia konstitutsionnoi yustitsii v Rossii* [The Evolution of Constitutional Justice in Russia], *25 let konstitutsionnoi yustitsii na Urals* [25 Years of Constitutional Justice in the Ural], Ekaterinburg, 2022.

Salikov M. S. *Prospects of Regional Constitutional Justice in Russia, Proceedings of the XIV European-Asian Law Congress «The Value of Law» (EAC-LAW 2020)*: conference papers, Atlantis Press, 2020, pp. 341–349.

Tsaliev A. M. Sudebnaya vlast' sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: istoriya i sovremennost' [Judicial Power of the Subjects of the Russian Federation: History and Modernity], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2015, no. 4, pp. 36–41.

Vitruk N. V. Proverka konstitutsii i ustavov sub"ektov RF na sootvetstvie Konstitutsii RF v praktike Konstitutsionnogo Suda RF: opyt i problemy [Checking the Constitutions and Charters of the Constituent Entities of the Russian Federation for Compliance with the Constitution of the Russian Federation in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation: Experience and Problems], Avakian S. A. (ed.) *Konstitutsionnoe zakonodatel'stvo sub"ektov RF: problemy sovershenstvovaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii* [Constitutional Legislation of the Subjects of the Russian Federation: Problems of Improvement and Use in Teaching]: conference papers, Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1999, pp. 30–36.

Marat Salikov – honored lawyer of the Russian Federation, doctor of juridical sciences, professor, head of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: salikov.marat@list.ru.

ORCID: 0000-0003-2461-9484

Дата поступления в редакцию / Received: 24.09.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.10.2022

А. Т. Карасев

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева,
Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург)

В. А. Мецерегина

Уральский государственный экономический университет
(Екатеринбург)

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Рассматриваются вопросы содержания конституционного права на жилище в Российской Федерации, особенности его регулирования и защиты в рамках отраслевого законодательства и «столкновения» с иным конституционным правом – правом на судебную защиту (исполнение решений судов) при осуществлении исполнительного производства. Анализируется подход законодателя к регулированию процедуры обеспечительных мероприятий, в частности процедуры ареста единственного пригодного жилья должника, в условиях проблемности законодательства в вопросе определения критериев и характеристик указанной категории жилых помещений.

Исходя из судебной практики в исследуемой сфере, авторы делают вывод о необходимости скорректировать законодательство в части ограничения исполнительского иммунитета, который должен основываться на принципах гражданского и жилищного права, в том числе принципах применения наиболее мягкой меры взыскания; также нужно законодательно установить характеристики единственного пригодного для жилья помещения. Авторы отстаивают позицию о том, что следует развивать отраслевые гарантии права на защиту единственного пригодного для проживания жилья должника, которое позволит защитить конституционное право на жилище в рамках исполнительного производства.

Ключевые слова: жилище, право на жилище, единственное пригодное для проживания жилище, конституционное право на жилище, собственность на жилище

Для цитирования

Карасев А. Т., Мецерегина В. А. Защита конституционного права на жилище в исполнительном производстве // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 12–18. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_12.

УДК 342.737.2

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_12

В настоящее время право на жилище закреплено в ст. 40 Конституции Российской Федерации и предполагает обязанность органов публичной власти создать условия, необходимые для реализации возможностей получить жилище, владеть, пользоваться и распоряжаться им в установленных законодательством формах (ч. 2 ст. 40 Конституции РФ). При этом объем конституционного права на жилище четко не очерчен, поскольку норма ч. 1 ст. 40 сформулирована весьма емко и

гарантирует каждому право на жилище, а также предусматривает запрет на незаконное лишение жилища в Российской Федерации.

Подобная широта формулировки актуализирует научные дискуссии о понимании конституционного права на жилище и вопросы его защиты отраслевыми нормами, в частности нормами исполнительного права. В последнем все чаще ограничение права на жилище применяется в качестве обеспечительной меры для реализации нормы

ст. 46 Конституции РФ, гарантирующей право на судебную защиту и, соответственно, должное исполнение судебных решений.

Ученые расходятся во мнении о том, можно ли считать конституционное право (как право на получение жилья) субъективным правом, поскольку рыночные отношения в современной России не предполагают обеспечения жильем всех в нем нуждающихся. Даже постановка на учет для получения жилья, по справедливому мнению Т. И. Погодиной, является лишь одним из этапов реализации права на жилье [Погодина 1983: 18].

Схожие правовые позиции можно встретить в Определении Конституционного Суда РФ от 1 марта 2012 г. № 389-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации города Омска на нарушение конституционных прав и свобод статьей 16 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». Из анализа данного Определения следует, что гарантией права на жилище является обязанность органов публичной власти развивать жилищное строительство, создавать для этого все необходимые экономические, политические и правовые условия.

Можно заключить, что на конституционном уровне право на жилище определяется как право каждого гражданина на получение жилья. Однако указанное право не будет реализовано (и обеспечено) в полной мере без коррелирующего ему конституционного права собственности на жилище, регулируемое отраслевым законодательством. Конституционные нормы должны быть более детально защищены правовыми гарантиями отраслевого законодательства, в частности гражданского, жилищного, гражданско-процессуального и исполнительного. Для гражданского законодательства жилище будет выступать как объект гражданских прав (участвует в экономическом обороте).

К таким же выводам приходит С. Г. Трифонов, говоря о том, что право на жилище на отраслевом уровне выступает в любой ситуации как субъективное право на зарегистрированную жилую площадь. Субъективное право предстает мерой возможного (дозволенного) поведения управомоченного лица (либо его законного представителя) по владению, пользованию и распоряжению жилым помещением [Трифонов 2021: 83].

Действительно, отраслевой уровень (прежде всего мы подразумеваем нормы гражданского и жилищного права) регулирования конституционного права на жилище является ключевым, так как он формирует основы правового статуса: прав, обязанностей, ответственности личности в жилищных правоотношениях, закрепляет основания возникновения жилищных прав (гражданско-правовые договоры и иные сделки: купли-продажи, дарения, мены, аренды, социального найма и др.), а также конкретные правомочия владения, пользования и распоряжения жилищем,

Право на жилье включает два взаимосвязанных элемента: право непосредственного проживания в помещении и право собственности на помещение, причем данные права у одного и того же лица могут не совпадать

которые можно ограничить. Если конституционное право фактически защищает саму возможность человека проживать в помещении, независимо от наличия или отсутствия у него дееспособности, то нормы отраслевого законодательства распространяются на жилище как некий объект гражданских прав, который можно приобретать, отчуждать по воле лица.

Таким образом, право на жилье включает два взаимосвязанных элемента: право непосредственного проживания в помещении и право собственности на помещение, причем данные права у одного и того же лица могут не совпадать.

Защита права на жилище возлагается на органы публичной власти в целях обеспечения граждан жилыми помещениями. При этом не допускается превышение полномочий: запрещается произвольное изъятие жилья или проникновение в жилище [Сотникова 2013: 97].

Общественные отношения постоянно меняются, возрастающая динамика закредитованности населения меняет подходы законодателя к регулированию процедуры наложения ареста на единственное пригодное для проживания жилье должника. Все чаще этот механизм используется в судебных делах о банкротстве. Изучая их, можно наглядно

проследить проблему соотношения конституционного права на жилище, т. е. «право жить» в помещении, и отраслевых прав на владение, пользование и распоряжение жильем как объектом имущественных отношений.

Отсутствие межотраслевых критериев для оценки пригодности жилища для проживания приводит к необходимости анализа правовых позиций судов в этой части. Однако и судебные разъяснения не всегда вносят ясность. Так, Конституционный Суд РФ отмечает, что исполнительский иммунитет должен отражать баланс интересов должника и кредитора, которым должны заниматься не судебные органы в каждом деле, а федеральный законодатель (Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2012 г. № 11-П). Высший судебный орган конституционного контроля не считает институт исполнительского иммунитета абсолютным и призывает выработать законодательные механизмы ограничения исполнительского иммунитета для обращения взыскания на единственное пригодное для проживания жилище должника.

Два принципиально разных подхода к рассматриваемой проблеме сформировались и в научной доктрине. Ряд авторов выступает за необходимость сохранения имущественного (исполнительского) иммунитета в полном объеме [Мандрыка, Мандрыка 2021: 39]; иные авторы полагают, что его можно ограничить для соблюдения законных имущественных прав и интересов кредитора [Колбина, Невзгодина 2020: 69; Лагунова 2021: 64; Харитоновна 2019: 31].

Таким образом, в связи с наличием законодательного пробела в определении критериев снятия или наложения исполнительского иммунитета остается велико судебное усмотрение. Аргументировать выдвинутый тезис позволяет судебная практика.

В юридическую клинику Уральского государственного экономического университета обратилась Ш., которая имела ряд задолженностей перед юридическими лицами, временно не работала, проходила лечение и не могла оплатить услуги юриста. В рамках предоставления бесплатной юридической консультации было установлено, что судебный пристав-исполнитель Верх-Исетского районного отдела судебных приставов Екатеринбурга наложил на долю в квартире Ш. запрет на совершение действий по регистрации.

Судебный пристав ссылался на ст. 64 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и пп. 22, 42, 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». Согласно указанным положениям перечень исполнительных действий, приведенный в ч. 1 ст. 64 Федерального закона «Об исполнительном производстве», не является исчерпывающим, и судебный пристав-исполнитель вправе совершать иные действия, необходимые для своевременного, полного и правильного исполнения исполнительных документов (п. 17 ч. 1 ст. 64), если они соответствуют задачам и принципам исполнительного производства (ст. 2 и 4 Федерального закона «Об исполнительном производстве»), не нарушают защищаемые федеральным законом права должника и иных лиц. К подобным действиям относится установление запрета на распоряжение принадлежащим должнику имуществом (в том числе запрета на совершение в отношении него регистрационных действий).

Таким образом, судебный пристав вполне обоснованно ссылался на складывающуюся практику применения правовых режимов влияния на должника: активная форма режима – наложение ареста на имущество с его последующей реализацией, пассивная форма – установление запрета на распоряжение имуществом должника (на совершение регистрационных действий) без последующей его реализации. Другими словами, арестовать и реализовать единственное пригодное для проживания должника жилище недопустимо: это нарушает конституционное право на жилище (ст. 40 Конституции РФ) и напрямую запрещено в ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ, но можно ограничить регистрационные действия с единственным пригодным жильем как объектом гражданских правоотношений.

Для защиты конституционного права на жилище было составлено административное исковое заявление, в котором акцент сделан на нескольких «уязвимых» местах в постановлении судебного пристава¹.

¹ Решение Верх-Исетского районного суда Екатеринбурга Свердловской области от 30 марта 2022 г. по делу № 2а-2872/2022 г.

Во-первых, пристав-исполнитель в целях обеспечения прав кредитора ссылался на чч. 1 и 4 ст. 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве», где указано, что наложение ареста или установление запрета на распоряжение (запрета на совершение регистрационных действий) возможно в отношении имущества, находящегося в общей совместной собственности должника и другого лица (лиц), до определения доли должника или до ее выдела. Однако имущество, на которое судебным приставом наложен арест, находилось в ином правовом режиме – долевой собственности: на праве собственности Ш. принадлежали лишь 30 % помещения, которые являлись единственным пригодным для ее проживания жильем. При реализации этой доли в пользу ООО «Ф». (кредитор) она не смогла бы обеспечить себя каким-либо жильем.

Во-вторых, правовые позиции Верховного Суда РФ (на которые пристав тоже активно ссылался) не являются нормой права и соответственно не имеют общеобязательного характера. Предлагая способ воздействия, допускающий арест единственного пригодного для жилья имущества, Верховный Суд РФ, очевидно, предполагает, что должник, заинтересованный в свободном обороте своего жилого помещения, изыщет иные пути погашения просроченной задолженности. Тем не менее в данной ситуации, с учетом наличия у Ш. лишь 30 % собственности в квартире (единственной собственности), прохождения ею длительного лечения, невозможности по состоянию здоровья трудоустроиться, необходимо защитить прежде всего конституционное право на жилище от обременения.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 мая 2012 г. № 11-П признал соответствующим Конституции РФ запрет на обращение взыскания на жилое помещение, принадлежащее гражданину-должнику и являющееся для него и проживающих совместно с ним членов его семьи единственным пригодным для проживания, даже в ущерб конституционно значимой цели исполнения судебных решений, поскольку этот запрет направлен на сохранение жилищных условий указанных лиц в конкретной социально-экономической ситуации. При этом Суд указал на отсутствие в абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ ориентиров для определения уровня обеспе-

ченности жильем как разумно достаточного, что может приводить к несоразмерному и не подкрепленному никакой конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками, а следовательно, нарушать баланс конституционно защищаемых интересов.

Хотелось бы отметить, что содержание вышеуказанной нормы даже не позволяет определить признаки, согласно которым можно определить уровень достаточного и разумного обеспечения жильем, особенно если должник является владельцем не всей площади, а лишь доли. С учетом бурного развития сегмента строительства даже примерная рыночная стоимость жилья постоянно меняется, фонд стремительно устаревает, появляются различные классы жилья, но даже эти признаки нельзя считать достаточными для определения законодательных критериев достаточности жилищных условий. Впрочем, в судебной практике уже предпринимаются попытки определить класс жилья для разрешения дела по существу¹. Например, так называемая категория элитного жилья в законодательстве не закрепляется, но выявляется в судебном разбирательстве в случае, если качество недвижимости явно превышает уровень, достаточный для удовлетворения разумной потребности гражданина-должника и членов его семьи в жилище.

Для признания жилья «роскошным» суды учитывали следующее: общую и жилую площадь, конструктивные особенности, рыночную стоимость, возможность за счет реализации жилья одновременно полностью удовлетворить имущественные требования кредиторов и приобрести должнику другое жилое помещение².

Нетрудно заметить, что поиск разумных пределов исполнительского иммунитета до сих пор идет, но критерии, сформулированные судебными органами, вполне могут быть ориентиром для законодателя, позволят не допустить злоупотребления исполнительским иммунитетом. Об этом, в частности, говорила Е. А. Нахова, обращая внимание на юридическую природу имущественного иммунитета в отношении единственного жилья должника,

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29 октября 2020 г. № 309-ЭС20-10004.

² Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 5 октября 2021 г. № Ф05-23563/2021.

который должен учитывать и права кредитора. Только в этом случае будет соблюден фундаментальный принцип гражданского права – принцип добросовестности участников гражданского оборота, недопущения злоупотребления правом одной из сторон [Нахова 2020: 163].

В подобной ситуации права и законные интересы участников гражданского оборота должны получать соразмерную (пропорциональную) защиту на основе баланса конституционных ценностей. Это означает, что установленные федеральным законодателем пределы возможного взыскания по исполнительным документам должны отвечать интересам защиты конституционных прав гражданина-кредитора, однако они не могут затрагивать основное содержание конституционных прав гражданина-должника, существо которых ни при каких обстоятельствах не должно быть утрачено.

Юридическая клиника УрГЭУ уточнила: все ли более мягкие формы взыскания были применены к Ш. Оказалось, что согласно выписке об арестах судебный пристав наложил арест не на все ее банковские счета. Поэтому в исковом заявлении фигурировала просьба не просто отменить решение, а заменить арест единственного пригодного для проживания жилья на более лояльные меры – арест всех счетов, что в данной ситуации было бы соразмерным и достаточным в силу ч. 1, пп. 1 и 5 ч. 3 ст. 68 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

В силу чч. 3 и 6 ст. 81 указанного Закона арест может быть наложен как на денежные средства, находящиеся в банке или иной кредитной организации на имеющихся

банковских счетах (расчетных, депозитных) и во вкладах должника, так и на средства, которые будут поступать на счета и во вклады должника в будущем. В этом случае исполнение постановления судебного пристава-исполнителя об аресте денежных средств осуществляется по мере их поступления на счета и вклады, в том числе открытые после получения банком данного постановления (п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50).

Несмотря на всю спорность ситуации и поиск в судебной практике баланса реализации двух конституционных прав: права на жилище и на судебную защиту (в том числе выплату долгов по судебному решению), суд в анализируемой нами ситуации встал на позицию заявителя.

В заключение хотелось бы отметить, что гарантиями защиты конституционного права на жилище должны стать поправки в отраслевое законодательство, обеспечивающие баланс интересов должника и кредитора по вопросу об обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника. Необходимо установить в жилищном законодательстве конкретные характеристики единственного пригодного жилого помещения, позволяющие ограничить исполнительский иммунитет (например, по аналогии с признаками «роскошного» жилья). Только развитие отраслевых гарантий права на защиту единственного пригодного для проживания жилья должника позволит защитить конституционное право на жилище в рамках исполнительного производства и позволит соблюдать баланс законных интересов должника и кредитора.

Список литературы

Колбина В. А., Невзгодина Е. Л. Обращение взыскания на единственное жилье гражданина при банкротстве // Вестник Омского университета. 2020. № 1. С. 69–81.

Лагунова Е. А. О действии принципа исполнительского иммунитета в делах о банкротстве граждан в аспекте конституционных положений о защите семьи и праве на жилище // Российский судья. 2021. № 10. С. 60–64.

Мандрыка Е. В., Мандрыка Н. Н. Защита конституционного права на жилище при обращении взыскания на единственное пригодное для проживания жилое помещение должника в контексте правоприменения // Семейное и жилищное право. 2021. № 3. С. 38–41.

Нахова Е. А. Проблемы имущественных (исполнительских) иммунитетов в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения и земельного участка // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2. С. 162–175.

Погодина Т. И. Проблема совершенствования жилищного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1983. 199 с.

Сотникова Л. В. Гарантии реализации права граждан на жилище // Вестник ЮУрГУ. Сер. Право. 2013. Т. 13. № 3. С. 97–100.

Трифонов С. Г. Понятие и содержание конституционного права на жилище // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 4. № 4. С. 82–86.

Харитонов Ю. С. Исполнительский иммунитет единственного жилья гражданина и доктрина добросовестности участников оборота // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 5. С. 26–31.

Анатолий Тиханович Карасев – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21; профессор кафедры конституционного и международного права Уральского государственного экономического университета. 620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Народной Воли, д. 45. E-mail: a.t.karasev@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3760-3345

Вероника Александровна Мещерягина – кандидат юридических наук, руководитель юридической клиники Уральского государственного экономического университета. 620144, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Народной Воли, д. 45. E-mail: metscheryagina@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9507-9417

Protection of the Constitutional Right to Housing in Enforcement Proceedings

The article discusses the issues of the content of the constitutional right to housing in the Russian Federation, the features of its regulation and protection within the framework of sectoral legislation and the collision with another constitutional right – the right to judicial protection (enforcement of court decisions) in the implementation of enforcement proceedings. The authors analyze the legislator's approaches to regulating the arrest procedure for the only habitable housing of the debtor. Increasingly, this mechanism is used in bankruptcy court cases, studying which one can clearly trace the problem of the relationship between the constitutional right to housing, which is the right to live in the premises, and sectoral rights to own, use and dispose of housing as property. The criteria that must be met by the only habitable dwelling that could be foreclosed on have not yet been established by law in the Russian Federation, which gives rise to a number of problems in law enforcement practice.

Theoretical approaches are refracted to the judicial practice of protecting the debtor's right to the only habitable housing, on the basis of which it is concluded that it is necessary to adjust the legislation in terms of the possibility of lifting executive immunity in cases specified by civil and housing legislation, as well as to establish specific legislative characteristics of the only suitable residential premises when removing executive immunity. The authors defend the position on the need to develop sectoral guarantees of the right to protect the only habitable housing of the debtor, which will protect the constitutional right to housing in the framework of enforcement proceedings.

Keywords: housing, right to housing, the only habitable housing, constitutional right to housing, ownership of housing

Recommended citation

Karasev A. T., Meshcheryagina V. A. Zashchita konstitutsionnogo prava na zhilishche v ispolnitel'nom proizvodstve [Protection of the Constitutional Right to Housing in Enforcement

Proceedings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 12–18, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_12.

References

Kharitonova Yu. S. Ispolnitel'skii immunitet edinstvennogo zhil'ya grazhdanina i doktrina dobrosovestnosti uchastnikov oborota [Executive Immunity of a Citizen's Only Home and the Doctrine of Good Faith], *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2019, no. 5, pp. 26–31.

Kolbina V. A. Nevzgodina E. L. Obrashchenie vzyskaniya na edinstvennoe zhil'e grazhdanina pri bankrotstve [Foreclosure of a Citizen's Only Home in Bankruptcy], *Vestnik Omskogo universiteta*, 2020, no. 1, pp. 69–81.

Lagunova E. A. O deistvii printsipa ispolnitel'skogo immuniteta v delakh o bankrotstve grazhdan v aspekte konstitutsionnykh polozhenii o zashchite sem'i i prave na zhilishche [On the Effect of the Principle of Executive Immunity in Bankruptcy Cases of Citizens in the Aspect of Constitutional Provisions on Family Protection and the Right to Housing], *Rossiiskii sud'ya*, 2021, no. 10, pp. 60–64.

Mandryka E. V., Mandryka N. N. Zashchita konstitutsionnogo prava na zhilishche pri obrashchenii vzyskaniya na edinstvennoe prigodnoe dlya prozhivaniya zhiloe pomeshchenie dolzhnika v kontekste pravoprimeneniya [Protection of the Constitutional Right to Housing in the Foreclosure of a Debtor's Only Habitable Residence in the Context of Law Enforcement], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2021, no. 3, pp. 38–41.

Nakhova E. A. Problemy imushchestvennykh (ispolnitel'skikh) immunitetov v otnoshenii prinadlezhashchego grazhdaninu-dolzhniku na prave sobstvennosti zhilogo pomeshcheniya i zemel'nogo uchastka [Problems of Property (Enforcement) Immunities in Respect of Housing and Land Owned by a Debtor Citizen], *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, 2020, no. 2, pp. 162–175.

Pogodina T. I. *Problema sovershenstvovaniya zhilishchnogo zakonodatel'stva* [The Problem of Improving Housing Legislation]: cand. jur. sc. thesis, Leningrad, 1983, 199 p.

Sotnikova L. V. Garantii realizatsii prava grazhdan na zhilishche [Guarantees for the Implementation of Citizens' Right to Housing], *Vestnik YuUrGU. Ser. Pravo*, 2013, vol. 13, no. 3, pp. 97–100.

Trifonov S. G. Ponyatie i sodержanie konstitutsionnogo prava na zhilishche [The Concept and Content of the Constitutional Right to Housing], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo, Yuridicheskie nauki*, 2021, vol. 4, no. 4, pp. 82–86.

Anatoly Karasev – doctor of juridical sciences, professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21; professor of the Department of constitutional and international law, Ural State Economic University. 620144, Russian Federation, Ekaterinburg, Narodnoi Voli str., 45. E-mail: a.t.karasev@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-3760-3345

Veronika Meshcheryagina – candidate of juridical sciences, head of legal clinic, Ural State University of Economics. 620144, Russian Federation, Ekaterinburg, Narodnoi Voli str., 45. E-mail: meshcheryagina@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-9507-9417

Дата поступления в редакцию / Received: 20.06.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 19.09.2022

А. В. Басова

Саратовский государственный
медицинский университет им. В. И. Разумовского
(Саратов)

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН ПРИ ПРАКТИЧЕСКОМ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Обучение будущих медицинских работников неразрывно связано с их практической подготовкой, формированием у них профессиональных компетенций непосредственно в контакте с реальными больными. Участие студентов-медиков в оказании пациентам медицинской помощи сопряжено с нарушением прав граждан на достоинство и личную неприкосновенность, вмешательством в частную жизнь, личную и семейную тайну.

На основе анализа российского законодательства, регулирующего практическую подготовку медицинских работников, рассмотрения судебной практики и правонарушений по вопросам несоблюдения прав пациентов студентами-медиками выявлены проблемы правового обеспечения конституционных прав граждан в здравоохранении. Российское законодательство регламентирует только участие студентов-медиков в оказании медицинской помощи, возможность их присутствия при этом законом не определена. Правовая неопределенность влечет за собой нарушение конституционных прав граждан. Соблюдение прав пациента в российском здравоохранении призваны обеспечить: повышение правовой грамотности студентов, устранение правовой неопределенности законодательства, своевременное оформление письменного информированного добровольного согласия пациента на оказание медицинской помощи с участием и присутствием студентов.

Ключевые слова: конституционные права, студенты-медики, пациенты, врачебная тайна, право на достоинство, личная неприкосновенность

Для цитирования

Басова А. В. Проблемы соблюдения конституционных прав граждан при практическом обучении студентов-медиков // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 19–29. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_19.

УДК 342.72/73

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_19

Конституционные гарантии достоинства и неприкосновенности личности, закрепленные в ст. 21, 22 и 23 Конституции Российской Федерации, распространяются на все сферы человеческих взаимоотношений, в том числе на правоотношения в системе здравоохранения. Достоинство и неприкосновенность личности, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна охраняются государством. Никто не должен быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

Правовое обеспечение человеческого достоинства, защита частной жизни, личной

и семейной тайны вновь оказались в центре внимания юридической науки в связи с развитием биомедицинских технологий [Корнев 2020: 10]. Соблюдаться должны и конституционные права пациентов, привлекаемых к участию в практической подготовке студентов медицинских колледжей и высших учебных заведений.

Конкретизация данных конституционных прав в законодательстве Российской Федерации минимальная. Согласно ч. 1 ст. 150 Гражданского кодекса РФ достоинство, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна принад-

лежат человеку от рождения, неотчуждаемы и непередаваемы. Эта формулировка не раскрывает их содержания, в связи с чем необходимо их научное исследование.

В. В. Невинский обращает внимание на то, что право на достоинство является абсолютным, «ничто не может быть основанием для его умаления», поэтому нарушением права на достоинство будет применение нежелаемых человеком мер физического и психического воздействия на него. Достоинство человека выступает инструментом субъективного определения ценности человека и осознания им собственного «Я» как ценности. Достоинство отражает природную и социальную сущность человека, одновременно подчеркивая его самоценность и уникальность [Невинский 2002: 99].

И. А. Кравец рассматривает достоинство личности как высшую ценность и человеческое измерение права, как сердцевину гуманитарного и экзистенциального понимания прав человека. Именно благодаря конституционному признанию права человека на достоинство оно приобретает «человекоцентричную» форму, способствует выработке более точных пределов правового регулирования. В позициях Конституционного Суда РФ достоинство личности – основа всех прав и свобод человека, необходимое условие их существования и соблюдения. Государство обязано обеспечить реализацию данного права во всех сферах [Кравец 2019: 125].

Следовательно, сущность права человека на достоинство заключается в возможности существования личности отдельно от общества, в определении оптимальных пределов вторжения в природную и социальную сущность человека, в том числе при оказании медицинской помощи. Обучение студентов навыкам врачевания должно быть направлено не только на удовлетворение физиологических потребностей человека, но и на обеспечение его социальной значимости, его права на достоинство как основу всех прав и свобод.

Конституционное право на личную неприкосновенность – одно из проявлений свободы человека, и его содержание заключается в естественном стремлении каждого оградить себя от посягательств других, избежать всякой зависимости от чужой воли [Селихова 2001: 51, 56]. Оно защищает от принуждения

к каким-либо действиям, противоречащим убеждениям и желаниям человека, а также обеспечивает эмоциональную, духовную или нравственную целостность личности. Право на неприкосновенность личности защищает человека и от возможного причинения вреда здоровью медицинскими манипуляциями [Каменева 2021: 74]. Следует обратить внимание на то, что здоровье включает в себя соматическое, психическое, социальное здоровье, поэтому при оказании медицинской помощи нужно учитывать потенциальную уязвимость всех составляющих.

По мнению М. В. Баглая, частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других [Баглай 2018: 181]. Р. Б. Головкин в содержании частной жизни в качестве центрального места (ядра) определяет внутреннее психическое пространство, включающее самосознание, образ мышления и выступающее предпосылкой возможности саморефлексии и уединения. Внешность, физические и антрометрические данные человека, его здоровье – оболочка ядра частной жизни человека. Граница частной жизни – предел вмешательства государства в данную сферу [Головкин 2012: 30].

Конституционный Суд РФ отмечает, что право на неприкосновенность частной жизни лица не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей. В таких случаях правовое регулирование должно осуществляться исходя из конституционных принципов правового государства, верховенства закона, равенства прав, критериев разумности, необходимости и соразмерности возможных ограничений и обеспечивать баланс конституционных ценностей, прав и законных интересов субъектов правоотношений (Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2022 г. № 31-П).

Элементами частной жизни лица являются личная и семейная тайны. Первая затрагивает интересы конкретного индивидуума, а вторая – интересы нескольких лиц, находящихся друг с другом в семейных отношениях [Елисеева 2018: 72]. К личной тайне относится и врачебная тайна, так как она касается интересов конкретного лица.

Согласно ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах ох-

раны здоровья граждан в Российской Федерации» под врачебной тайной следует понимать сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья, диагнозе и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении. Однако если медицинская помощь оказывается несовершеннолетнему, то информация о его диагнозе может относиться к семейной тайне. Например, семья может не желать оглашать информацию об умственной отсталости ребенка, наличии у него порока развития, заболевания, передающегося по наследству.

В сведения о состоянии здоровья пациента может включаться определенная личная информация о человеке: о его образе жизни, круге общения, заболеваниях, его физиологических особенностях и потребностях, вредных привычках, которые он вправе не делать достоянием других, поскольку имеет право на свободу в своих действиях, а также в связи с тем, что личная информация не подлежит обязательной огласке. Институт врачебной тайны обеспечивает защиту человека от внешнего давления социальной среды, от вмешательства в его частную жизнь, которая выступает одним из проявлений его личной свободы [Диваева, Ермоленко 2021: 55].

Анализ содержания рассматриваемых прав указывает на то, что они признают приоритет прав личности как субъекта права над интересами государства и общества, обеспечивают персонифицированность права. Права на достоинство, личную неприкосновенность, на защиту личной и семейной тайны предоставляют свободу выбора пациенту, привлекающемуся к участию в обучении студентов, защищают от принуждения участвовать в обучении против воли, убеждений, желаний человека.

Медицинская помощь сопряжена с вмешательством в собственный интимный и деловой мир человека, скрытый от чужих глаз, и оказание медицинской помощи в присутствии посторонних для него людей и без его согласия – это нарушение прав на достоинство и личную неприкосновенность, личной и семейной тайны. Вместе с тем реализация программ подготовки работников практического здравоохранения – стратегическая задача государства, которая преследует публичные интересы, поскольку ее выполнение обеспечивает сохранение человеческих жизней и улучшение качества жизни граждан путем

оказания им неотложной, плановой и профилактической медицинской помощи.

Обеспечение баланса между реализацией конституционных прав человека и обеспечением национальных интересов – важнейшая задача российского конституционного права [Бондарь 2017: 25]. Следовательно, публичные интересы (обучение будущих практических работников здравоохранения) в системе здравоохранения должны соотноситься с частными (конституционными правами человека).

Подготовить будущего врача или медицинскую сестру к самостоятельной профессиональной деятельности невозможно без практической подготовки, включающей в себя осмотры пациентов и участие в оказании медицинской помощи. Определяющая особенность практики «у постели больного» состоит в том, что клиническое мышление будущего медицинского работника воспитывается в процессе общения студента, врача-преподавателя и больного [Цыренжапов, Арсентьева 2016: 47]. Однако правовые отношения, возникающие между студентами, врачами-преподавателями, пациентом, медицинской организацией и вузом, порождают ряд профессионально-этических и правовых проблем.

Контент-анализ информации на интернет-форумах, специализирующихся на правах пациента, показывает, что российские граждане весьма отрицательно относятся к оказанию им медицинской помощи студентами-медиками или в присутствии этих студентов. Так, по запросу «отказ пациента от осмотра при присутствии студентов» в Яндекс-браузере поисковая система предлагает более семи миллионов ответов¹. В зарубежных странах тоже наблюдается тенденция к отказу пациентов от участия студентов-медиков в их осмотре. Иногда пациенты даже проявляют агрессию в отношении студентов. В связи с этим ставятся вопросы о возможном исключении студентов-медиков из процесса обучения «у постели больного» и переводе их на работу преимущественно с муляжами [Lickiewicz, Jagielski, Hughes et al. 2020].

В этом случае сложно будет эффективно реализовать программы подготовки работни-

¹ Отказ пациента от осмотра при присутствии студентов // URL: <https://yandex.ru/search/?text=отказ+пациента+от+осмотра+при+присутствии+студентов&lr=194&clid=2411725> (дата обращения: 09.09.2022).

ков практического здравоохранения, сформировать у них профессиональные компетенции для осуществления медицинской деятельности. Студенты медицинских вузов считают ценным практическим опытом работу с реальными пациентами, что принципиально важно для них при обобщении и усвоении теоретического материала и формировании профессиональных компетенций будущих врачей. Роль муляжей в симуляционно-тренинговых центрах и теоретического разбора материала в формировании профессиональных компетенций студенты оценивают не так высоко, как взаимодействие с реальными больными [Коньшина, Майскова, Соколов 2022: 21].

В Германии из-за отрицательного отношения пациентов к студентам большинство акушеров-гинекологов медицинских клиник исключили акушерский осмотр пациенток студентами. Однако при опросе 1281 женщин, обратившихся в клинику за медицинской помощью, было выяснено, что 87 % из них оценивают присутствие студентов при их акушерском осмотре положительно, только у 7 % такой осмотр вызывает беспокойство, а у 6 % отношение зависит от личного восприятия конкретных студентов и их презентабельности. Высшее образование, молодой возраст и европейское происхождение – это те показатели, которые повышают вероятность согласия на присутствие студентов. Примечательно, что семейное положение женщины, случай сексуального насилия над ней, а также состояние ее здоровья в целом существенно не влияют на решение пациентки участвовать в обучении студентов [Hamza, Warczok, Meyer-Solomayer 2020: 432].

Следовательно, нет веских оснований исключать студентов-медиков из клинического обследования пациентов, поскольку большинство из них все же идет на контакт со студентами, а также ввиду высокой его практической значимости. Обеспечить баланс публичных и частных интересов призвано оформление письменного информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство (ИДС) с участием студентов. Оно определит границы вмешательства не только в здоровье пациента, но и в эмоциональную, духовную и нравственную его сферы без умаления социальной значимости человека, без навязывания ему чужой воли, позволит обеспечить

соблюдение его прав на достоинство и неприкосновенность.

Письменно оформленное информированное добровольное согласие – эффективный механизм защиты как прав пациента, так и медицинских работников [Бажанов, Иваненко 2012: 14]. Медицинский работник не вправе оказывать медицинскую помощь в отсутствие согласия за исключением определенных законом случаев. Однако в их числе отсутствует такое основание, как реализация программ практической подготовки студентов-медиков.

Согласно ч. 4 ст. 82 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» практическая подготовка лиц, получающих среднее, высшее или дополнительное профессиональное медицинское образование, обеспечивается путем их участия в осуществлении медицинской деятельности в соответствии с образовательными программами. В соответствии с п. 9 ст. 21 Федерального закона от «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» при оказании гражданам медицинской помощи в рамках практической подготовки обучающихся по профессиональным образовательным программам медицинского образования пациент должен быть проинформирован об участии обучающихся в оказании ему медицинской помощи и вправе отказаться от этого. В таком случае медицинская организация обязана оказать пациенту медицинскую помощь без участия обучающихся. Кроме того, в силу п. 3 ст. 13 Закона разглашение врачебной тайны в учебном процессе допускается с письменного согласия пациента или его законного представителя, что также подтверждает необходимость получения предварительного согласия пациента на разбор его клинического случая со студентами, на их участие в оказании гражданам медицинской помощи и присутствие при нем.

Следовательно, законом не ограничивается право пациента на неприкосновенность частной жизни при реализации программ подготовки практических работников здравоохранения. Напротив, устанавливается предварительное условие такого вмешательства – информирование пациента о медицинском вмешательстве с участием третьих лиц, что обеспечивает приоритет прав и интересов пациента при оказании ему медицинской помощи.

Вместе с тем при проведении практических занятий со студентами-медиками в медицинских организациях и при демонстрации им реальных клинических случаев заболеваний часто предварительное согласие пациента на присутствие студентов письменно не фиксируется, поскольку в ч. 1 ст. 20 Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», устанавливающей требования к содержанию ИДС на медицинскую помощь, такого требования нет.

Кроме того, приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 12 ноября 2021 г. № 1051н «Об утверждении Порядка дачи информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и отказа от медицинского вмешательства, формы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство и формы отказа от медицинского вмешательства» утверждены типовые формы ИДС и отказа от медицинской помощи, в которых не предусмотрены информирование пациента об участии обучающихся в оказании медицинской помощи и возможный его отказ от их участия.

Подобное регулирование создает правовую неопределенность в реализации предварительного информирования больных о возможном участии студентов в оказании им медицинской помощи и ведет к тому что врачи или преподаватели пренебрегают необходимостью письменно зафиксировать такие отказ или согласие.

Точность и определенность содержания нормативных правовых актов обеспечивают единообразие толкования и реализации правовых норм [Нарутто 2018: 41], в том числе в системе образования при построении многосторонних правоотношений в сфере практической подготовки работников здравоохранения. Правовая неопределенность провоцирует конфликты между пациентами и медицинскими работниками. Они заканчиваются подачей к медицинской организации судебных исков о компенсации морального вреда за нарушение личных границ пациента, а следовательно, его прав на достоинство и неприкосновенность личности.

Так, были частично удовлетворены требования истца о компенсации морального вреда за оказание медицинской помощи студентом вуза, поскольку из содержания ИДС судом было установлено, что пациент согласился на

осмотр студентами, а не на оказание ими медицинской помощи¹.

Решением Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Коновалова против Российской Федерации» было удовлетворено требование пациентки о компенсации причиненного присутствием студентов-медиков при ее родоразрешении морального вреда в размере 3000 евро, а также о присуждении 200 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек². Российские суды отказали пациентке в удовлетворении требований, так как она была уведомлена о возможном присутствии студентов при родах устно. ЕСПЧ данный довод счел необубедительным, а вмешательство в частную жизнь, незаконным ввиду отсутствия ее письменного согласия, что противоречит ст. 8 Европейской конвенции о правах человека от 4 ноября 1950 г. Конвенция декларирует и гарантирует право на уважение частной жизни каждого на физическую, моральную и психологическую неприкосновенность человека; на невмешательство в личное пространство; на уважение личности, личностного развития и личной автономии.

Следует обратить внимание на то, что студенты непосредственно не участвовали в оказании медицинской помощи, но и факт их присутствия при родоразрешении был признан нарушением.

В российском законодательстве говорится о необходимости получить предварительное согласие пациента именно на участие студентов в оказании медицинской помощи, а не на их присутствие. В толковом словаре С. И. Ожегова под участием понимается совместная в чем-либо деятельность, а также сочувственное отношение к кому-либо, чему-либо происходящему, тогда как под присутствием – нахождение в каком-либо месте [Ожегов, Шведова 2008: 845, 601]. На наш взгляд, нужно дополнить требования Федеральных законов «Об образовании в Российской Федерации» и «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нормой о необходимости подписания пациентами согласия на присутствие при оказании

¹ Решение Люберецкого городского суда Московской области по делу № 2-5237/2018.

² ECHR. Konovalova v. Russia № 37873/04, Judgment of 9 October 2014 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/CLIN_2014_10_178_ENG.pdf (дата обращения: 09.09.2022).

медицинской помощи обучающихся, поскольку «участие» и «присутствие» – разные понятия.

Несмотря на то что Россия денонсировала Европейскую конвенцию о правах человека и вступившие в силу решения ЕСПЧ после 15 марта 2022 г. не подлежат исполнению ввиду выхода страны из Совета Европы, указанная Конвенция остается общепризнанным международным правовым стандартом в области обеспечения прав человека для демократических государств. Конституция Российской Федерации определяет источники конституционного права, их юридическую силу и иерархию [Эбзеев 2019: 28]. Согласно ч. 4

Механизм информирования пациентов о возможном присутствии обучающихся при оказании пациентам медицинской помощи и участия в данном процессе требует четкой регламентации

ст. 15 Конституции общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы России. Кроме того, рассмотренные международные требования уважения частной жизни человека включены в конституционные гарантии прав и свобод человека и гражданина в России и отражены в ст. 21, 22 и 23 Конституции.

Следовательно, механизм информирования пациентов о возможном присутствии обучающихся при оказании пациентам медицинской помощи и участия в данном процессе требует четкой регламентации. При этом возникает ряд других правовых вопросов. Кто и каким образом должен получать согласие пациента на участие обучающихся в оказании медицинской помощи и их присутствие при этом процессе? Информированное добровольное согласие пациента на оказание медицинской помощи подписывает врач, выполняющий медицинскую услугу, однако он не всегда выступает одновременно преподавателем студентов. Как оформить рассматриваемое согласие: отдельным документом или как часть информированного добровольного согласия на медицинскую помощь?

Для решения поставленных вопросов необходимо внести в типовые формы ИДС на медицинское вмешательство, утвержденные

Министерством здравоохранения РФ, дополнительную информацию о том, что при обращении или поступлении пациента в медицинскую организацию, являющуюся базой практической подготовки обучающихся по профессиональным образовательным программам медицинского образования, пациент должен выразить письменное согласие на присутствие обучающихся при оказании медицинской помощи и их участие в ней, на знакомство студентами с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, или отказ от этого. Согласие пациентов может быть зафиксировано как лечащим врачом, так и преподавателем.

Нарушения прав граждан на частную жизнь, на личную и семейную тайну при оказании им медицинской помощи с участием студентов возникают и в связи с разглашением обучающимися врачебной тайны. Студенты-медики обязаны соблюдать требования по неразглашению врачебной тайны, которая стала им известна при обучении. В ином случае они несут ответственность в зависимости от их вины и последствий, вызванных раскрытием врачебной тайны пациента.

Основы медицинского права большинство студентов медицинских высших учебных заведений осваивают на втором курсе (на медико-профилактических и стоматологических факультетах), а также на шестом (педиатрических факультетах). Часто до освоения правовых основ деятельности врача обучающиеся не проинформированы о том, что за незаконное распространение сведений, составляющих врачебную тайну, они могут быть привлечены к дисциплинарной, административной и даже уголовной ответственности. Кроме того, медицинская организация или учебное заведение могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности за разглашение врачебной тайны обучающимся. Согласно ст. 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

Студенты могут распространить сведения, составляющие врачебную тайну, как умышленно, так и по неосторожности несколькими способами:

устно, например, рассказав о состоянии здоровья пациента третьим лицам, представ-

ляющимся родственниками пациента, что возможно при их личном обращении в медицинскую организацию, а также по телефону. Разглашение врачебной тайны возможно и при общении студентов друг с другом в общественных местах, когда они в присутствии третьих лиц обсуждают интересные клинические случаи болезней конкретных пациентов, знакомство с которыми состоялось в процессе практического обучения студентов в медицинской организации;

письменно, например, указав персональные данные пациента в научном исследовании (статье) без предварительного письменного согласия больного;

в электронной (цифровой) форме, например при сканировании, фотографировании амбулаторной или стационарной карты больного, а также путем фото- и видеосъемки пациентов во время их осмотра или при проведении медицинских манипуляций с последующей демонстрацией полученных данных в Интернете, в том числе в социальных сетях.

Так, в 2019 г. студентка пятого курса Новосибирского медицинского университета была отчислена из вуза за распространение в Интернете врачебной тайны пациентов, которая ей стала известна при прохождении обучения в медицинской организации. При этом студентка высказывалась о пациентах в грубой форме, что недопустимо¹.

Рост популярности «селфи» в профессиональной среде будущих медицинских работников тоже приводит к распространению сведений, составляющих врачебную тайну, причем не только в России. Согласно исследованию, проведенному в 2019 г. в Индии, почти каждый десятый студент-медик ежедневно публикует в социальных сетях «селфи», в том числе демонстрирующие процесс оказания пациентам медицинской помощи [Behera, Singh, Bhatia 2020: 628]. В России медицинские «селфи» могут повлечь серьезные негативные юридические последствия для медицинской организации и самого студента, если произошло распространение врачебной тайны. Если на фото- или видеоматериалах содержится изображение медицинского ра-

ботника, не выразившего желания на съемку, то это также является вмешательством в личную жизнь человека.

Рассмотрим еще один пример неразумного использования цифровых технологий студенткой медицинского вуза. Пациент из Красноярска обнаружил на сайте медицинского вуза историю своей болезни. При этом информация, представленная в его стационарной карте на сайте, была более подробной, нежели в выписке стационарного больного. Пациент обратился в суд с иском о компенсации морального вреда к Красноярскому государственному медицинскому университету им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого, так как выяснилось, что сведения опубликовала студентка, проходившая практику в медицинской организации, в которой пациент получил лечение. Суд решил, что ответчиком является медицинская организация, и взыскал с нее 50 тыс. руб. в пользу пациента, поскольку в договоре между вузом и медицинской организацией о прохождении практики студентами не было указано, что ответственность за практикантов несет вуз (определение Красноярского краевого суда по делу № 33-3671/2019).

Практикующие юристы обращают внимание на то, что медицинской организации необходимо заключить с образовательной организацией договор о практической подготовке обучающихся, в котором следует не только определить ответственное за разглашение врачебной тайны юридическое лицо, с которого в последнем случае будет взиматься компенсация за моральный вред пациенту, но и прописать требование о проведении образовательной организацией с обучающимися юридического инструктажа по предупреждению распространения врачебной тайны². Безусловно, рассмотренный юридический алгоритм позволит предупредить нарушения конституционных прав граждан на частную жизнь и личную тайну.

Таким образом, участие студентов-медиков в оказании гражданам медицинской помощи является важной частью практической подготовки будущих работников здравоохранения. В правовом механизме такого уча-

¹ Баландина А. Выгонят из вуза: цинизм не дал студентке стать врачом // URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/06/04/12394561.shtml?ysclid=l6tsj460et245740811> (дата обращения: 09.09.2022).

² Шипилина О. Как предотвратить разглашение врачебной тайны // URL: <https://www.zdrav.ru/articles/4293661858-qsq-20-m05-11-kak-predotvratit-razglashenie-vrachebnoy-tayny> (дата обращения: 26.10.2022).

ствия приоритет отдается правам и интересам пациентов. Баланс публичных и частных интересов должно обеспечивать оформление письменного информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство с участием или присутствием студентов. Только граждане могут самостоятельно решить, допустимо ли участие студентов в оказании им медицинской помощи для их физического, психического и социального здоровья и комфорта.

Однако правовая неопределенность законодательства, регулирующего практическую подготовку студентов-медиков, а также неправомерное поведение последних приводят к нарушениям конституционных прав граждан при оказании им медицинской помощи. Умаление социальной значимости человека и его ценности как субъекта права путем оказания ему медицинской помощи без его согласия нарушает конституционное право

человека на достоинство, а любое физическое, психическое воздействие на пациента без его согласия нарушает конституционное право на неприкосновенность. Оказание пациентам медицинской помощи в присутствии студентов без согласия первых – нарушение частной жизни граждан, их права на личную и семейную тайну.

Грамотное юридическое взаимодействие участников образовательного процесса обеспечит эффективную практическую подготовку медицинских кадров с соблюдением основополагающих конституционных прав человека. Устранение правовой неопределенности в регулировании вопросов согласия пациентов на присутствие студентов при оказании им медицинской помощи и на участие в ней будет способствовать единому пониманию и применению права, соблюдению прав пациента в российском здравоохранении.

Список литературы

Behera P., Singh, A. K., Bhatia V. et al. Prevalence and Determinants of the Dangerous Selfie Among Medical and Nursing Students: A Cross-Sectional Study from Eastern India. 2020 // URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7203966/pdf/12889_2020_Article_8785.pdf. DOI: 10.1186/s12889-020-08785-4 (дата обращения: 26.09.2022).

Hamza A., Warczok C., Meyberg-Solomayer G. et al. Teaching Undergraduate Students Gynecological and Obstetrical Examination Skills: The Patient's Opinion // Arch Gynecol Obstet. 2020. Vol. 302. № 2. P. 431–438. DOI: 10.1007/s00404-020-05615-1.

Lickiewicz J., Jagielski P., Hughes P. P. et al. The Gender-Related Impact of a Violence Management Training Program on Medical School Students-Preliminary Results. 2020 // URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7579454/pdf/ijerph-17-07130.pdf> (дата обращения: 26.10.2022).

Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. М.: Норма; Инфра-М, 2018. 767 с.

Бажанов Н. О., Иваненко Н. С. Правовые аспекты информированного добровольного согласия // Медицинское право. 2012. Т. 46. № 6. С. 13–16.

Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.

Головкин Р. Б. Некоторые аспекты взаимосвязи свободы слова и частной жизни // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. Т. 17. № 1. С. 29–33.

Диваева И. Р., Ермоленко Т. В. Ответственность медицинских работников за разглашение врачебной тайны // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. Т. 5. № 1. С. 50–55.

Елисеева А. А. Семейная тайна: вопросы содержания и правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2018. Т. 89. № 4. С. 71–76. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.071-076.

Каменева З. В. Жизнь, здоровье и личная неприкосновенность как объекты гражданских прав // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 4. С. 72–76. DOI: 10.33874/2072-9936-2021-0-4-72-76.

Коньшина Л. Е., Майскова Е. А., Соколов И. М. Владение врачебными методиками физикального обследования пациента: ценный навык или устаревший метод? 2017 // URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2022/1/31446.pdf>. DOI: 10.17513/spno.31446 (дата обращения: 26.09.2022).

Корнев В. Н. Достоинство человека и право // Правосудие. 2020. Т. 2. № 4. С. 8–13. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.4.8-12.

Кравец И. А. Достоинство личности: диалог теории, конституционных норм, международных регуляторов и социальной реальности // Журнал российского права. 2019. Т. 265. № 1. С. 111–128. DOI: 10.12737/art_2019_1_8.

Нарутто С. В. Определенность законодательства как гарантия прав и свобод человека и гражданина в конституционно-судебной доктрине // Lex russica. 2018. Т. 143. № 10. С. 40–49.

Невинский В. В. Достоинство человека в России: между правовым романтизмом и правовым прагматизмом // Российский юридический журнал. 2002. № 3. С. 98–103.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ИТИ «Технологии», 2006. 944 с.

Селихова О. Г. Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность: понятие и характеристика // Российский юридический журнал. 2001. № 4. С. 50–56.

Цыренжапов А. В., Арсентьева Н. И. Научно-исследовательская работа студентов-медиков, интернов и ординаторов медицинских образовательных учреждений // Электронное обучение и дистанционные технологии в образовании: опыт и перспективы развития. 2016. № 2. С. 46–49.

Эбзеев Б. С. «Твердое» и «мягкое» право в конституционном правопорядке России (Новые смыслы в понимании источников права) // Государство и право. 2019. № 12. С. 26–38. DOI: 10.31857/S013207690007815-8.

Алла Викторовна Басова – кандидат юридических наук, доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) Саратовского государственного медицинского университета им. В. И. Разумовского. 410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112, корп. 2. E-mail: allsar@rambler.ru.

ORCID: 0000-0001-9155-5957

Problems of Observing the Constitutional Rights of Citizens in the Practical Training of Medical Students

The training of future medical workers is inextricably linked with their practical training, the formation of their professional competencies directly in contact with real patients. The participation of medical students in providing medical care to patients is associated with a violation of the rights of citizens to dignity and personal integrity, interference with privacy, personal and family secrets.

The author analyzes the Russian legislation regulating the practical training of medical workers, considers the judicial practice and offenses on the violation of patients' rights by medical students, and identifies the problems of legal provision of constitutional rights of citizens in healthcare. Russian legislation regulates only the participation of medical students in the provision of medical care, the possibility of their presence at the same time is not defined by law. Legal uncertainty leads to violations of the constitutional rights of citizens. To ensure compliance with the rights of the patients in Russian healthcare it is necessary to improve the legal literacy of students, eliminate the legal uncertainty of legislation, and timely obtain a written informed voluntary consent of the patient to provide medical care with the participation and presence of students.

Keywords: constitutional rights, medical students, patients, medical secrecy, right to dignity, personal inviolability

Recommended citation

Basova A. V. Problemy soblyudeniya konstitutsionnykh prav grazhdan pri prakticheskom obuchenii studentov-medikov [Problems of Observing the Constitutional Rights of Citizens in the Practical Training of Medical Students], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 19–29, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_19.

References

Baglay M. V. *Konstitutsionnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional Law of the Russian Federation], Moscow, Norma, Infra-M, 2018, 767 p.

Bazhanov N. O., Ivanenko N. S. Pravovye aspekty informirovannogo dobrovol'nogo soglasiya [Legal Aspects of Informed Voluntary Consent], *Meditinskoe pravo*, 2012, vol. 46, no. 6, pp. 13–16.

Behera P., Singh A. K., Bhatia V. et al. *Prevalence and Determinants of the Dangerous Selfie Among Medical and Nursing Students: A Cross-Sectional Study from Eastern India*, 2020, available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7203966/pdf/12889_2020_Article_8785.pdf, DOI: 10.1186/s12889-020-08785-4 (accessed: 26.09.2022).

Bondar N. S. Konstitutsionnaya kategoriya dostoinstva lichnosti v tsnostnom izmerenii: teoriya i sudebnaya praktika [The Constitutional Category of Personal Dignity in the Value Dimension: Theory and Judicial Practice], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2017, no. 4, pp. 19–31.

Divaeva I. R., Ermolenko T. V. Otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov za razglashenie vrachebnoi tainy [Responsibility of Medical Workers for Disclosure of Medical Secrets], *Pravo: retrospektiva i perspektiva*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 50–55.

Ebzeev B. S. «Tverdoe» i «myagkoe» pravo v konstitutsionnom pravoporyadke Rossii (Novye smysly v ponimanii istochnikov prava) [«Hard» and «Soft» Law in the Constitutional Legal Order of Russia (New Meanings in Understanding the Sources of Law)], *Gosudarstvo i pravo*, 2019, no. 12, pp. 26–38, DOI: 10.31857/S013207690007815-8.

Eliseeva A. A. Semeinaya taina: voprosy soderzhaniya i pravovoi okhrany [Family Secret: Issues of Content and Legal Protection], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2018, vol. 89, no. 4, pp. 71–76, DOI: 10.17803/1994-1471.2018.89.4.071-076.

Golovkin R. B. Nekotorye aspekty vzaimosvyazi svobody slova i chastnoi zhizni [Some Aspects of the Relationship between Freedom of Speech and Private Life], *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2012, vol. 17, no. 1, pp. 29–33.

Hamza A., Warczuk C., Meyberg-Solomayer G. et al. Teaching Undergraduate Students Gynecological and Obstetrical Examination Skills: The Patient's Opinion, *Arch Gynecol Obstet*, 2020, vol. 302, no. 2, pp. 431–438, DOI: 10.1007/s00404-020-05615-1.

Kameneva Z. V. Zhizn', zdorov'e i lichnaya neprikosnovennost' kak ob'ekty grazhdanskikh prav [Life, Health and Personal Integrity as Objects of Civil Rights], *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii*, 2021, no. 4, pp. 72–76, DOI: 10.33874/2072-9936-2021-0-4-72-76.

Konshina L. E., Maikova E. A., Sokolov I. M. *Vladenie vrachebnymi metodikami fizikal'nogo obsledovaniya patsienta: tsennyi navyk ili ustarevshii metod?* [Knowledge of Medical Methods of Physical Examination of the Patient: a Valuable Skill or an Outdated Method?], 2022, available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2022/1/31446.pdf>, DOI: 10.17513/spno.31446 (accessed: 26.09.2022).

Kornev V. N. Dostoinstvo cheloveka i pravo [Human Dignity and the Right], *Pravosudie*, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 8–13, DOI: 10.37399/2686-9241.2020.4.8-12.

Kravets I. A. Dostoinstvo lichnosti: dialog teorii, konstitutsionnykh norm, mezhdunarodnykh regulyatorov i sotsial'noi real'nosti [Dignity of Personality: a Dialogue of Theory, Constitutional Norms, International Regulators and Social Reality], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, vol. 265, no. 1, pp. 111–128, DOI: 10.12737/art_2019_1_8.

Lickiewicz J., Jagielski P., Hughes P. P. et al. *The Gender-Related Impact of a Violence Management Training Program on Medical School Students-Preliminary Results*, 2020, available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7579454/pdf/ijerph-17-07130.pdf>, DOI: 10.1186/s12889-020-08785-4 (accessed: 26.09.2022).

Narutto S. V. Opredelennost' zakonodatel'stva kak garantiya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v konstitutsionno-sudebnoi doktrine [The Certainty of Legislation as a Guarantee of Human and Civil Rights and Freedoms in the Constitutional and Judicial Doctrine], *Lex russica*, 2018, no. 143–10, pp. 40–49.

Nevinsky V. V. Dostoinstvo cheloveka v Rossii: mezhdru pravovym romantizmom i pravovym pragmatizmom [Human Dignity in Russia: Between Legal Romanticism and Legal Pragmatism], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2002, no. 3, pp. 98–103.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions], Moscow, ITI «Tekhnologii», 2006, 944 p.

Selikhova O. G. Konstitutsionnoe pravo na svobodu i lichnyu neprikosновенnost': ponyatie i kharakteristika [Constitutional Right to Freedom and Personal Inviolability: Concept and Characteristics], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2001, no. 4, pp. 50–56.

Tsyrenzhapov A. V., Arsentieva N. I. Nauchno-issledovatel'skaya rabota studentov-medikov, internov i ordinatorov meditsinskikh obrazovatel'nykh uchrezhdenii [Research Work of Medical Students, Interns and Residents of Medical Educational Institutions], *Elektronnoe obuchenie i distantsionnye tekhnologii v obrazovanii: opyt i perspektivy razvitiya*, 2016, no. 2, pp. 46–49.

Alla Basova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of public health and health care (with courses in law and history of medicine), Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky. 410012, Russian Federation, Saratov, Bolshaya Kazachya str., 112, bldg. 2. E-mail: allsar@rambler.ru.

ORCID: 0000-0001-9155-5957

Дата поступления в редакцию / Received: 14.09.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 31.10.2022

И. П. Малинова, А. С. Домченко
Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АНТИСОЦИАЛЬНЫМ ИДЕОЛОГИЯМ

Авторы обосновывают концепцию ведущей роли идеологических факторов в самоорганизации информационного общества. Рассматриваются типы и виды антисоциальных идеологий (исключительности, разобщения, ценностно-целевых подмен, насилия; социально токсичные и социально деструктивные идеологии), приводятся их существенные признаки. Делается вывод о разрушительной природе и противоправности таких идеологий, что порождает потребность в действенных средствах недопущения, сдерживания, искоренения и предупреждения их распространения.

В контексте теории социального конструирования на основе анализа документов стратегического планирования и нормативных правовых актов выстроена система мер противодействия антисоциальным идеологиям. Кроме того, отмечается, что при таком противодействии необходимо обеспечивать консолидацию усилий мирно сосуществующих социальных групп, единство общества, реализацию комплекса профилактических, юрисдикционных (карательно-предупредительных) и иных мер.

Ключевые слова: идеологии, социальная логика, правопорядок, меры противодействия антисоциальным идеологиям, национальная безопасность

Для цитирования

Малинова И. П., Домченко А. С. Идеологические факторы социального конструирования в правовом измерении. Противодействие антисоциальным идеологиям // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 30–37. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_30.

УДК 340.12

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_30

Общество, как «система, образуемая состояниями и процессами социального взаимодействия между действующими субъектами» [Парсонс 1998: 18], постоянно функционирует в режиме социального конструирования. В нем, по определению П. Бергера и Т. Лукмана, деятельность человека преобразует социальную реальность [Бергер, Лукман 1995: 9–10], которая, в свою очередь, влияет на человека, его деятельность и общественные отношения [Малинова 2021: 171–174].

В информационном обществе ведущими факторами социального конструирования являются нередко конкурирующие идеологии, т. е. системы идей, выраженных средствами принятого в определенном социуме языка как агента коммуникации и способа выраже-

ния интересов социальных субъектов – индивидов и сообществ.

В ст. 13 Конституции Российской Федерации, признающей идеологическое многообразие и не допускающей установления обязательности той или иной идеологии, заложены правовые основы социального конструирования высококультурного интеграционного типа. Однако признание в качестве конституционно значимой ценности идеологического плюрализма и его обеспечение не исключают возможности возникновения пагубных для гражданина, общества и государства идеологий, не только не способствующих установлению мира и согласия между отдельными социальными группами и их представителями, но и угрожающих самому факту их существования.

Заслуживают особого внимания время от времени распространяемые в обществе анти-социальные идеологии, представляющие одну из угроз национальной безопасности России и нацеленные на внедрение в социальную логику политической дезинформации. Термин «социальная логика» ввел Г. Тард для обозначения доминирующих в общественном сознании смысловых связей, определяющих логику умозаключений в мышлении граждан [Тард 1996]. С этой точки зрения политическая дезинформация, внедряемая в социальную логику, порождает сбои в мышлении социальных субъектов, так или иначе оказывающих влияние на процессы социального конструирования.

Как следует из п. 19 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, «на фоне кризиса западной либеральной модели рядом государств предпринимаются попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, пересмотра взглядов на роль и место России в ней, реабилитации фашизма, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов». Названные угрозы безопасности России обусловили определение в качестве одного из национальных интересов защиты российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия (п. 25 Стратегии). Обеспечение и эффективная реализация этой защиты должны осуществляться в рамках внутригосударственного правопорядка.

Действительно, в бурно разворачивающейся гибридной войне цивилизаций идет борьба между системами ценностей. В данной борьбе обращают на себя внимание программы дискриминации русского языка, русской культуры и граждан России. Эти программы используются для конструирования однополярного мира, в котором доминируют интересы США. Только Россия в этой цивилизационной борьбе никогда не выдвигала программ лингвистической, культурной и гражданской дискриминации по национальному признаку.

Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна. Социальное конструирование в России основано на коренной идеологии национального равенства, единства общества и правовой защиты религиозных чувств верующих, которая сложилась на ос-

нове российской ментальности, взрожденной многонациональным народным творчеством и культурой, созданной великими писателями, композиторами, художниками и другими творцами искусства. Признание, обеспечение и защита указанного способа социального конструирования и обуславливающих его факторов нашли отражение как в документах стратегического планирования, так и в действующем законодательстве Российской Федерации.

В качестве примеров документов стратегического планирования, определяющих национальные приоритеты, цели и задачи защиты от воздействия антисоциальных идеологий, помимо уже упомянутой Стратегии национальной безопасности РФ, могут быть приведены Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и ряд других. Значение данных документов обусловлено задачами стратегического планирования, среди которых согласно ст. 8 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» особое место отведено определению «внутренних и внешних условий, тенденций, ограничений, диспропорций, дисбалансов, возможностей... обеспечения национальной безопасности Российской Федерации».

В числе законодательных актов федерального уровня, посвященных, помимо прочего, вопросам противодействия антисоциальным идеологиям, можно выделить следующие Федеральные законы: от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причи-

няющей вред их здоровью и развитию», от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и др.

Кроме того, значительный массив законодательства об истории и культуре¹ затрагивает вопросы обеспечения и правовой защиты национальных культурно-исторических ценностей от деструктивного влияния антисоциальных идеологий. Меры административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений антиобщественной идеологической направленности предусмотрены соответственно КоАП РФ и УК РФ.

На уровне подзаконного нормативного правового регулирования органами публичного управления (Российской Федерации, субъектов РФ и местного самоуправления) также принимаются и реализуются акты, закрепляющие профилактические меры противодействия антисоциальным идеологиям. Примерами подобных правовых актов являются приказ Минюста России от 11 декабря 2015 г. № 289 «О порядке ведения федерального списка экстремистских материалов»; указ губернатора Свердловской области от 14 ноября 2008 г. № 1184-УГ «О межведомственной комиссии по профилактике экстремизма в Свердловской области»; Положение об организации и проведении информационно-пропагандистских мероприятий по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности на территории Качканарского городского округа (утв. постановлением Администрации Качканарского городского округа (Свердловская область) от 22 сентября 2017 г. № 892).

Анализ вышеуказанных документов стратегического планирования и нормативных правовых актов позволяет не только сделать вывод о приоритетных направлениях обеспечения национальной безопасности, среди которых обозначено противодействие антисоциальным идеологиям, но и выявить типы подобных идеологий, охарактеризовать наи-

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1); Закон РСФСР от 15 декабря 1978 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры»; Федеральные законы от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и др.

более вредоносные из них, а также выделить группы мер, реализуемых органами публичной власти в исследуемой сфере.

В первую очередь стоит сказать, что антисоциальных идеологий насчитывается множество. Большую часть из них можно подразделить на следующие типы:

1) *идеологии исключительности* (преимущества, господства одной социальной группы над другими). Они основаны на дискриминации, поскольку выступают формами ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

2) *идеологии разобщения* (разжигание ненависти, ксенофобии, призывы к нарушению территориальной целостности государства). Подобные системы идей можно также назвать сепаратистскими, они подразумевают дискриминацию в крайних формах, целями которой являются дестабилизация общественных отношений, исключение из них отдельных социальных групп, национально-территориальное обособление (сецессия);

3) *идеологии ценностно-целевых подмен* (коррупция как подмена публичных интересов и целей частными в общественно значимой деятельности; подмена традиционных, общепринятых ценностей узкогрупповыми и (или) табуированными). Такого рода идеологии заключают в себе угрозы принятия пагубных для общества альтернативных ценностей и целей в качестве значимых для широкого круга субъектов;

4) *идеологии насилия* (терроризма, организованной преступности, насильственного изменения конституционного строя). Указанные системы идей представляют особую опасность для благополучия общества, индивидов и государства, бескомпромиссны по своей природе.

В зависимости от характера и степени их негативного воздействия на общественные отношения большинство антисоциальных идеологий можно разделить на два вида:

социально токсичные, т. е. напрямую вторгающиеся в социальную логику и регрессивно меняющие программы самоорганизации социума (это, например, некоторые идеологии ценностно-целевых подмен);

социально деструктивные, т. е. нацеленные на деформацию базовых социальных структур, сопряженную с провоцированием

ем конфликтов между представителями различных социальных групп по нелегально установленным признакам (сюда входят, например, большинство насильственных идеологий, а также идеологий разобщения и антигуманной делинквентной конкуренции).

Объединяют все приведенные антисоциальные идеологии два немаловажных обстоятельства: они негативно влияют на человека, общество и государство; отношение к ним в системе государственной политики Российской Федерации идентично отношению к экстремистским видам деятельности.

Существенными признаками большинства антисоциальных идеологий являются:

их «агрессивная привлекательность» для некритично воспринимающих информацию субъектов, которые не способны дать оценку ситуации их вовлечения в антиобщественные идеологические течения. М. К. Мамардашвили афористично сформулировал концепцию, согласно которой «внутри идеологии никогда в принципе невозможны критические вопросы по отношению к основаниям самой социальной структуры, потому что идеология как мыслительная структура построена на других основаниях, функционирует иначе и выполняет другую задачу» [Мамардашвили 2012: 257]. По справедливому выражению Ф. Хайека, «если по большому счету мы являемся хозяевами своей судьбы, то в конкретной ситуации выступаем как заложники идей, нами самими созданных» [Хайек 2005: 32];

избирательный характер оценки фактов действительности, искажение фактов с целью формирования у субъекта идей и принципов, явно противоречащих социальным ценностям, правовым нормам, общепринятым мировоззренческим установкам. Согласно позиции Л. Фуллера, «неустойчивые и изменчивые принципы... могут породить фрагментарную и произвольную схему соответствия между конституцией и ее реализацией на практике» [Фуллер 2016: 101], а значит, тотальную подчиненность их последователей, приобретающих онтологический статус объекта или средства реализации чужих антиобщественных целей. В частности, Г. Маркузе отмечает, что «рабство определяется не мерой покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи» [Маркузе 2009: 58];

разнообразие способов вовлечения агентов социального конструирования в антисоциальную идеологическую практику. В их числе внушение, уговор, подкуп, обман, устрашение;

радикальная безальтернативность подобных идеологий, проявляющаяся в воинственном отрицании общепризнанных ценностей и норм, в попытках их преодоления, вытеснения, замены табуированными, что в совокупности приводит к возникновению экзистенциально-психологических угроз человеческой жизни и дестабилизирует социальные отношения.

Все антисоциальные идеологии объединяют два немаловажных обстоятельства: они негативно влияют на человека, общество и государство; отношение к ним в системе государственной политики Российской Федерации идентично отношению к экстремистским видам деятельности

Приведенные признаки антисоциальных идеологий свидетельствуют об их разрушительной природе и противоправности. Следовательно, требуются действенные средства недопущения, сдерживания, искоренения, предупреждения распространения таких идеологий. Законодательство предусматривает систему мер противодействия антисоциальным идеологиям, среди которых можно выделить меры по профилактике антисоциального поведения идеологического характера (воспитательно-образовательные, информационно-пропагандистские, организационные, рекламные), меры по борьбе с антисоциальными идеологиями (путем выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования соответствующих правонарушений, а также привлечения виновных лиц к юридической ответственности).

Весьма эффективными для обеспечения сбалансированности социального климата могут стать меры по минимизации и (или) ликвидации последствий правонарушений антисоциального идеологического характера. К числу таких мер относится грамотная, позитивно коннотированная идеологическая работа с молодежными сообществами (образовательными, досуговыми, спортивными,

волонтерскими). Подобная работа проводится работниками прокуратуры по программам, разрабатываемым компетентными специалистами Генпрокуратуры России.

Перечисленные меры осуществляются комплексно вне зависимости от вида деструктивного информационно-психологического воздействия и его негативных последствий, однако интенсивность их реализации различается и в основном зависит от степени вредоносности той или иной антисоциальной идеологии, а также от профессиональной компетентности субъектов, реализующих данные меры (преподавателей, работников масс-медиа и специалистов в области охраны правопорядка).

В противодействии правонарушениям идеологического характера участвует значительное число федеральных органов исполнительной власти, среди которых особое место занимают органы федеральных Министерств (внутренних дел, обороны, юстиции, культуры, просвещения, науки и высшего образования, иностранных дел, экономического развития, цифрового развития, связи и массовых коммуникаций), федеральных служб (ФСБ, СВР, ФТС, Роскомнадзор, Росгвардия, Росфинмониторинг), федеральных агентств (по делам национальностей и по делам молодежи), руководители которых входят и в состав Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации¹. В борьбе с преступлениями экстремистской, террористической и коррупционной направленности активное участие принимает Следственный комитет РФ.

Между тем органы российской прокуратуры занимают особое (можно сказать, ведущее) место в системе профилактики правонарушений антисоциального идеологического характера. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, деятельность прокуратуры направлена на универсальную, постоянную и эффективную защиту конституционно значимых ценностей². Кроме того, прокуратура осуществляет не только надзор за соблюдением Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, исполнением

законодательства, принимает участие в правотворческой деятельности и проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов, но и координирует деятельность многочисленных органов и организаций, привлеченных к противодействию антисоциальным идеологиям.

В связи со сказанным представляется необходимым более подробно рассмотреть принимаемые прокуратурой меры по профилактике правонарушений, детерминированных антисоциальными идеологиями. Именно деятельность органов прокуратуры в данном направлении, приобретая «идеологически устроительный» характер, оказывает существенное влияние на все иные органы и организации, социальные институты и общественные отношения.

Во-первых, в рамках надзорной деятельности прокуратуры применяются меры реагирования, имеющие значительный профилактический потенциал (ст. 24–25.1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»): а) представление прокурора, рассчитанное как на устранение нарушений законодательства (о противодействии экстремизму, терроризму, коррупции и т. д.), так и причин и условий, им способствующих; б) постановление о возбуждении производства об административном правонарушении, реализация которого по смыслу ст. 1.2 КоАП РФ направлена также на предупреждение административных правонарушений, в том числе антисоциального идеологического характера; в) предостережение о недопустимости нарушения закона, являющееся исключительно превентивной мерой реагирования на готовящиеся противоправные деяния, в том числе содержащие признаки экстремистской деятельности.

Профилактическая природа этих надзорных мер подтверждается тем, что согласно абз. 2 п. 1 приказа Генерального прокурора России от 21 марта 2018 г. № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности» важнейшими задачами прокурорского надзора выступают своевременное предупреждение экстремистских проявлений, а также выявление и устранение причин и условий, способствующих экстремизму.

Во-вторых, согласно приказам Генерального прокурора России от 2 августа 2018 г.

¹ Указ Президента РФ от 17 февраля 2016 г. № 64 «О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 2-П.

№ 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию», от 17 мая 2018 г. № 296 «О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» прокурорские работники активно вовлекают в организуемые ими мероприятия граждан, органов и организаций, осуществляют информационно-разъяснительную, просветительскую и воспитательную деятельность, направленную на профилактику распространения антисоциальных идеологий. Участие институтов гражданского общества в такого рода мероприятиях российской прокуратуры «призвано придать гуманистическую направленность „технической“ деятельности» [Ноздрачев 2005: 25] соответствующих органов государства.

При этом на прокуроров возлагаются следующие обязанности: обеспечить активное участие в научно-практических конференциях, семинарах, круглых столах, парламентских слушаниях, заседаниях органов публичной власти; организовывать и проводить беседы, публичные выступления, лекции и встречи (в образовательных и иных организациях); размещать в информационно-коммуникационных сетях соответствующие сведения о состоянии законности, принимаемых мерах, недопустимости совершения правонарушений, в том числе антисоциальной идеологической направленности, об ответственности за их совершение и т. д.

В-третьих, оказывая влияние на правотворческую деятельность поднадзорных ей субъектов, прокуратура способна обеспечить устранение из нормативных правовых актов дефектных положений, допускающих антисоциальные идеологии или не препятствующих в необходимых случаях их распространению.

Наконец, координирующая роль органов прокуратуры по отношению к иным субъектам, проявляющаяся в подавляющем большинстве ее функций и полномочий, соот-

ветствует интегрирующим, объединяющим, примирительным задачам государственной политики в области противодействия антисоциальным идеологиям.

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что идеологические факторы социального конструирования в правовом измерении обуславливают выбор той или иной модели общественно значимого поведения, сообразного социальной логике актуального правопорядка. Однако разнообразие идеологий способно оказать как позитивное, так и отрицательное влияние на социум. В связи с этим первостепенной задачей государственной политики, правового регулирования и правоприменительной практики выступает противодействие антисоциальным идеологиям посредством обеспечения консолидации усилий мирно сосуществующих социальных групп, единства общества, реализации комплекса профилактических, юрисдикционных (карательно-предупредительных) и иных мер, в совокупности формирующих идеологический суверенитет Российского государства, основанный на соответствующем ему мировоззренческом иммунитете индивида (человека и гражданина).

Немаловажно учитывать и то, что «национальные интересы России находят особое преломление в сфере духовной жизни общества. Эта деликатная сфера жизни лишь отчасти поддается законодательному регулированию» [Хабриева 2005: 28]. Следовательно, в самоорганизации социума суверенно-прогрессивного типа, каковым является Россия, формирование и укоренение в общественном сознании позитивных идеологических факторов социального конструирования не сводится к основанным на документах стратегического планирования и законодательстве агитации и правоохранительной регламентации идеологических процессов, поскольку идеологические приоритеты в России продуцируются прежде всего в сфере культуры, на основе укорененных в общественном сознании идеалов и ценностей.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Малинова И. П. Философия права: учеб. М.: Норма, 2021. 192 с.

Мамардашвили М. К. Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. 320 с.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2009. 331 с.

Ноздрачев А. Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 14–26.

Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

Тард Г. Социальная логика. СПб.: Соц.-психол. центр, 1996. 555 с.

Фуллер Л. Л. Мораль права. М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум, 2016. 308 с.

Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 19–29.

Хайек Ф. Дорога к рабству / пер. с англ. М. Гнедовского. М.: Нов. изд-во, 2005. 317 с.

Изабелла Павловна Малинова – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: malinova.bella@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8148-6513

Артем Сергеевич Домченко – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики управления Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Ideological Factors of Social Design in the Legal Dimension. Counteraction to Anti-Social Ideologies

The authors substantiate the concept of the leading role of ideological factors in the self-organization of the information society. Specific types of antisocial ideologies (ideologies of exclusivity, disunity, value-targeted substitutions, violence; socially toxic and socially destructive ideologies) are considered, and their essential signs are given. The conclusion is made about their destructive nature and illegality, which creates the need for effective means of containing, eradicating, preventing the spread of such ideologies.

In the context of the theory of social construction, based on the analysis of strategic planning documents and regulatory legal acts, a system of measures of countering antisocial ideologies has been built. In addition, it is emphasized that the primary task of state policy, legal regulation and law enforcement practice in the ideological sphere is to counteract antisocial ideologies by ensuring the consolidation of efforts of peacefully coexisting social groups, the unity of society, the implementation of a set of preventive, jurisdictional (punitive-preventive) and other measures.

Keywords: *ideologies, social logic, law and order, measures to counter antisocial ideologies, national security*

Recommended citation

Malinova I. P., Domchenko A. S. Ideologicheskie faktory sotsial'nogo konstruirovaniya v pravovom izmerenii. Protivodeistvie antisotsial'nym ideologiyam [Ideological Factors of Social Design in the Legal Dimension. Counteraction to Anti-Social Ideologies], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 30–37, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_30.

References

Berger P., Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge], Moscow, Medium, 1995, 323 p.

Fuller L. L. *Moral' prava* [The Morality of Law], Moscow, Chelyabinsk, IRISEN, Sotsium, 2016, 308 p.

Khabrieva T. Ya. Natsional'nye interesy i zakonodatel'nye priority Rossii [National Interests and Legislative Priorities of Russia], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, no. 12, pp. 19–29.

Khaiek F. *Doroga k rabstvu* [The Road to Serfdom], Moscow, Nov. izd-vo, 2005, 317 p.

Malinova I. P. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Moscow, Norma, 202, 192 p.

Mamardashvili M. K. *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii (opyt fizicheskoi metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (Experience of Physical Metaphysics)], Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012, 320 p.

Markuze G. *Odnomernyi chelovek* [One-Dimensional Man], Moscow, AST, 2009, 331 p.

Nozdrachev A. F. Grazhdanin i gosudarstvo: vzaimootnosheniya v XXI veke [Citizen and the State: Relations in the XXI Century], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2005, no. 9, pp. 14–26.

Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies], Moscow, Aspekt Press, 1998, 270 p.

Tard G. *Sotsial'naya logika* [Social Logic], Saint Petersburg, Sots.-psikhol. tsentr, 1996, 555 p.

Izabella Malinova – doctor of philosophical sciences, professor of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: malinova.bella@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8148-6513

Artem Domchenko – candidate of juridical sciences, senior lecturer of the Department of social and humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: artem.domchenko@yandex.ru.

ORCID: 0000-0003-1796-9646

Дата поступления в редакцию / Received: 03.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 07.11.2022

М. А. Куликов

Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
(Москва)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МАНИПУЛИРОВАНИЮ ЦЕЛЯМИ И СРЕДСТВАМИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: КОНЦЕПЦИЯ И МЕХАНИЗМЫ

Манипулирование юридическими целями и средствами превратилось в практически неотъемлемый атрибут правового регулирования общественных отношений. Вместе с тем оно не стало предметом должной научной разработки с позиции как общей теории права, так и отраслевых юридических наук. Представленный в статье анализ сущности и ключевых признаков манипулирования целями и средствами в правовом регулировании проделан в целях разработки эффективных путей и механизмов противодействия данному проведению и минимизации его негативных последствий. Автор предлагает реализовать в правотворческой, правоприменительной, правоинтерпретационной и иной деятельности в современном российском обществе комплекс мероприятий, способных противодействовать манипулятивному использованию юридических целей и средств. От успешного применения этих мероприятий зависит как полноценная реализация субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, так и качество самой правовой жизни общества.

Ключевые слова: манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правовое регулирование, интерес, правоотношение, правомерное поведение

Для цитирования

Куликов М. А. Противодействие манипулированию целями и средствами в правовом регулировании: концепция и механизмы // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 38–48. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_38.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_38

Будучи практически неотъемлемым атрибутом правового регулирования, манипулирование юридическими целями и средствами получило настолько широкое распространение в современном обществе, что вопросы, связанные с противодействием данной форме правового поведения, являются одними из наиболее актуальных и в то же время самых сложных и неоднозначных.

Под манипулированием как одной из наиболее востребованных участниками общественных отношений форм управленческого воздействия мы предлагаем понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение объекта управления, при котором он, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное субъектом

управления, вопреки своим истинным потребностям и интересам [Куликов 2022]. При этом истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) неизвестны.

Под манипулированием юридическими целями и средствами мы будем подразумевать осуществляемую при помощи скрытой тактики или стратегии форму правомерного поведения, заключающуюся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании мы рассматриваем именно через призму манипулирования

юридическими целями и средствами, так как последние вне действия механизма правового регулирования использоваться (в том числе и в манипулятивных целях) не могут. Правовое же регулирование мы понимаем как воздействие на общественные отношения, осуществляемое посредством постановки юридических целей и использования для их достижения юридических средств, направленное на упорядочение социальных процессов и максимально полное удовлетворение интересов участников правоотношений.

Говоря о механизмах противодействия манипулированию юридическими целями и средствами, следует учитывать два важнейших аспекта.

1. Указанное манипулирование в правовом регулировании является поведением правомерным.

В связи с этим следует заострить внимание на следующем тезисе. Манипулирование в целом как разновидность управленческого воздействия субъекта на объект может быть как правомерным, так и противоправным поведением. Современное российское законодательство уделяет должное внимание именно противоправной форме манипулятивного поведения, к примеру, устанавливая в ст. 185.3 Уголовного кодекса РФ состав такого преступления, как манипулирование рынком.

Манипулирование рынком законодатель определяет как ряд незаконных действий (умышленное распространение через средства массовой информации заведомо ложных сведений или совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами либо иные умышленные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком), в результате которых цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учета указанных выше незаконных действий, и такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере.

Данный вид манипулирования является незаконным поведением, прямо запрещен-

ным действующим законодательством, и его нельзя рассматривать как манипулирование юридическими целями и средствами, под которым мы понимаем осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии *правомерное* поведение, заключающееся в постановке или использовании *юридических* целей (но не противозаконных), а также в создании или применении *юридических* средств (но не противоправных) в интересах субъекта управления вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (но реализуется это поведение в рамках правового поля).

На борьбу именно с противоправными разновидностями манипулирования направлен ряд нормативных правовых актов. В качестве примеров можно привести Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ст. 15.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Манипулирование рынком», направленную на пресечение одноименных противозаконных действий, не содержащих признаков состава уголовно наказуемого деяния, и др.

Вместе с тем мы полагаем, что не менее важно противодействовать и манипулированию юридическими целями и средствами, которое препятствует полноценной реализации субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений и снижает эффективность правового регулирования в целом.

2. Манипулирование юридическими целями и средствами (повторим) является востребованной и социально обусловленной формой правомерного поведения [Субочев 2019]. Безусловно, далеко не всякое формально правомерное поведение желательно и целесообразно, однако и сдерживание определенных форм правомерной активности должно быть взвешенным, опираться на сбалансированное применение как стимулирующих, так и ограничивающих средств и не приводить к «выталкиванию» определенных действий в противоправное поле.

Для эффективного противодействия манипулированию юридическими целями и средствами необходимо сфокусировать внимание на тех *критериях*, которые позволят идентифицировать данную форму правомерного

поведения, квалифицировать деяния именно как манипулирование целями и средствами в правовом регулировании.

Прежде всего следует отметить, что манипулирование в целом, равно как и манипулирование юридическими целями и средствами в частности, является скрытой формой воздействия на поведение участников правоотношения, а значит, если манипулятивные технологии распознаны, то они уже перестают быть таковыми. В связи с этим критерии квалификации правомерного поведения как манипулирования юридическими целями и средствами не могут являться абсолютными, однозначными, но должны применяться в совокупности и в зависимости от факторов и обстоятельств, способствующих развитию правоотношений. Универсального «рецепта» здесь быть не может. Тем не менее полагаем, что к числу важнейших критериев, позволяющих квалифицировать правомерную активность как форму манипулирования юридическими целями и средствами, можно отнести следующие.

1. Неспособность участника правоотношения полноценно реализовать свои субъективные права, свободы или законные интересы при использовании предназначенных для этого юридических средств.

Безусловно, надо учитывать, что данные средства могут использоваться неэффективно или быть неэффективными сами по себе. Однако обозначенный критерий может свидетельствовать и о применении манипулятивных технологий, когда интересы субъекта, осуществляющего манипулирование, реализуются за счет интересов объекта манипуляций и в ущерб им.

2. Избыточная информационная кампания, направленная на популяризацию установленных юридических целей и предлагаемых для использования юридических средств.

Эффективное юридическое средство найдет достойное место в механизме правового регулирования и без информационного сопровождения, которое может искусно скрыть, завуалировать «подводные камни», которые не должны быть распознаны объектами манипуляций.

Так, активная популяризация специального налогового режима для самозанятых граждан «Налог на профессиональный доход», закрепленного Федеральным законом от

27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (в ред. от 2 июля 2021 г.) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“», может свидетельствовать не только о желании государства «облегчить жизнь» налогоплательщикам путем установления понятной и действительно простой формы налогообложения, но и о других преследуемых налоговыми органами целях, афишировать которые последние не считают нужным, дабы не «отпугнуть» плательщиков налога от использования предлагаемого юридического средства.

Еще один пример – активная приватизационная кампания, начавшаяся в России в 1990 г., сразу же после закрепления как самого понятия «приватизация», так и соответствующих юридических средств в Законе РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР». Своей ключевой целью она ставила не столько создание «эффективных рыночных механизмов», «думающих частных собственников», что активно обсуждалось в информационном пространстве [Малько, Субочев 2021], сколько борьбу с коммунизмом и влиянием коммунистической партии, о чем откровенно заявил инициатор и координатор кампании А. Б. Чубайс¹.

3. Очевидные способы двоякого толкования установленных юридических целей и содержания и предназначения юридических средств.

Возможность двоякого толкования правовых норм, равно как и актов применения права, не может однозначно свидетельствовать о манипулировании юридическими целями или средствами. Вместе с тем данная возможность не исключает и того, что субъекты правотворческого и правоприменительного процессов, а также иные участники правоотношений могут использовать законодательные конструкции для удовлетворения своих правомерных стремлений за счет интересов других лиц и в ущерб им.

4. Ограниченные возможности использовать иные предусмотренные законом юридические средства для реализации своих правомерных стремлений, за исключением тех, которые предлагаются корреспондирующей стороной правоотношения. Они также могут

¹ Чубайс о целях приватизации // URL: <http://www.pravda-tv.ru/2010/08/23/4364/chubajs-o-celyax-privatizacii> (дата обращения: 10.09.2022).

свидетельствовать об использовании манипулятивных технологий и должны повышать бдительность участников правоотношений, заставляя последних внимательнее анализировать возникшие интересы и те результаты, к которым может привести избранный ими вариант правомерного поведения.

5. Чрезмерная доступность, простота предлагаемых для использования юридических средств, их преувеличенная эффективность в решении проблем, возникающих у субъекта права.

С одной стороны, в силу самой своей природы юридические средства направлены на то, чтобы обеспечивать реализацию правомерных стремлений субъектов права, гармонизировать сосуществование интересов личности, общества и государства, содействовать достижению социально полезных целей. С другой стороны, применение чрезвычайно привлекательных юридических средств, порождающих «устраивающие всех» правовые последствия, может указывать и на реализацию участниками правоотношений сиюминутных интересов.

6. Совпадение целей субъекта и объекта управления без достаточных для того оснований.

Любое управленческое воздействие на социальные процессы (правовое регулирование здесь не исключение) можно представить как субъект-объектные отношения, складывающиеся в определенном социокультурном поле. В качестве субъекта управления может выступать как государство в целом, так и, к примеру, законодательные, исполнительные и судебные органы власти, призванные, в том числе, соответствующим образом координировать поведение участников общественных отношений (в данном случае – объекта управления).

Несоблюдение баланса интересов субъекта, и объекта управления может привести к возникновению деструктивных тенденций в управленческой системе в целом и к ее последующему разрушению. Однако известное противоречие интересов субъекта и объекта управления (равно как и интересов личности, общества и государства) и является источником для компромиссов, которые достигаются, в том числе, посредством права. При этом тождественность интересов субъекта и объекта управления – состояние исключительно

редкое для управленческих систем любого масштаба.

Следовательно, если цели контр субъектов в правоотношении совпадают, либо если органы публичной власти декларируют цели, тождественные целям субъектов управления, это может свидетельствовать об определенном манипулировании, направленном на сглаживание диспропорций в системе субъект-объектных отношений.

7. Отсутствие у участника правоотношения реальной возможности оспорить действия контрагента в случае возникновения неблагоприятных последствий и / или препятствий на пути реализации его субъективных прав, свобод и законных интересов.

Многие «безупречно» составленные договоры могут свидетельствовать о желании одной стороны использовать другую лишь как средство для удовлетворения собственных интересов в ущерб интересам противостоящего субъекта

Подобная ситуация может свидетельствовать как о юридической грамотности контр субъекта, так и о том, что он (в данном случае – субъект манипулятивного воздействия) изначально позаботился о нивелировании неблагоприятных для него последствий, которые могут возникнуть, если объект манипуляций будет не удовлетворен развитием правоотношения и сложившимися правовыми последствиями.

В силу сказанного многие «безупречно» составленные договоры могут свидетельствовать о желании одной стороны использовать другую лишь как средство для удовлетворения собственных интересов в ущерб интересам противостоящего субъекта. Вместе с тем перечисленные выше критерии могут лишь способствовать распознаванию манипулятивных технологий, связанных с использованием юридических целей и средств, и должны применяться с учетом полноценного анализа развития правоотношения.

Перейдем к рассмотрению наиболее действенных механизмов противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании. При этом будем помнить о том, что самый эффективный способ

противодействия применению манипулятивных технологий – это распознать их.

Важнейшим этапом построения эффективного механизма противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании является признание того факта, что манипулирование юридическими целями и средствами – самостоятельный специфический вид правомерного поведения, который нуждается во всестороннем исследовании с позиций общей теории права и отраслевых юридических наук и с учетом сложившихся юридических реалий.

Научные исследования, за редким исключением [Субочев 2019; Малько, Субочев 2021; Ревина, Пашутина, Чеботарева 2021], обходят обозначенную проблему стороной и фокусируют внимание либо на формах и разновидностях злоупотребления правом [Малиновский 2014; Бармина 2014; Противодействие злоупотреблению правом 2019; Богатырев 2022], либо на манипулировании с использованием неправомерной информации, финансовых инструментов, других средств как противозаконной активности (подпадающей под санкции норм уголовного или административного законодательства) [Нечкин, Истомина 2022; Иванова 2020; Адиньяев 2019], либо на манипулировании, осуществляемом посредством политических, психологических и иных технологий и не имеющем непосредственного отношения к правовому регулированию [Доценко 1997; Кара-Мурза 2020; Шейнов 2022; Альбицкая, Косяков 2022].

Вместе с тем необходимо признать, что злоупотребление правом и манипулирование правом (рассматриваемое как манипулирование целями и средствами в правовом регулировании) – разные формы правового поведения.

Вслед за высшим политическим руководством России следует посмотреть правде в глаза и признать, что масштабное манипулирование на политической арене, равно как и манипулирование международным правом¹ стало неотъемлемой чертой современных

¹ Путин заявил, что ему надоели манипуляции Запада международным правом // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 20.06.2022); Выступление В. В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства обороны. 2021. 21 декабря // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/61c1b5039a794770ade78255> (дата обращения: 15.06.2022); [Лавров 2021].

политико-правовых и управленческих стратегий. Игнорирование этого чревато далеко идущими негативными последствиями для потенциала государственного управления и для обеспечения полноценной реализации субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений.

Механизм правового регулирования представляет собой диалектическое единство юридических целей и средств их достижения, которые призваны упорядочивать общественные отношения и содействовать максимально полному удовлетворению интересов субъектов права. В связи с этим мониторинг и тщательный анализ юридических целей, которые декларируются в нормативных правовых актах и иных официальных документах, позволяют:

сопоставить официально закрепленные цели с теми средствами, которые предлагаются для их достижения (явное несоответствие юридических целей предполагаемым средствам их достижения даст участникам правоотношений возможность сделать выводы об использовании тех или иных манипулятивных технологий);

соотнести нормативно закрепленную юридическую цель с собственными целями, потребностями и интересами во избежание тех правовых последствий, при наступлении которых удовлетворить запросы участников правоотношений будет нельзя.

Юридические средства должны также анализироваться как субъектом, так и объектом управления на предмет заложенного в них потенциала, который либо свидетельствует о возможности достижения посредством их использования поставленных целей, либо оставляет открытым вопрос о тех результатах, к которым они могут привести.

Можно заключить, что повышение эффективности правотворческого процесса является одним из наиболее действенных механизмов борьбы с манипулированием целями и средствами в правовом регулировании. Создание правовых норм должно содействовать полноценной реализации интересов не только и не столько субъектов правотворческого процесса, но прежде всего тех участников правоотношений, координацию поведения которых данные нормы призваны осуществлять. Это, в свою очередь, диктует необходимость повышения системности правотворчества,

установления смысловой, содержательной дифференциации между законодательным и подзаконным правовым регулированием, оптимизации юридической техники, которая используется при формулировании законодательных определений и самих текстов нормативных правовых актов.

Сказанное объясняет повышенную актуальность создания концепции правотворческой политики России, содержательная сторона которой рассматривается в различных научных исследованиях [Мазуренко 2011; Головина 2019].

В связи с этим полагаем, что эффективно-му противодействию манипулированию целями и средствами в правовом регулировании посредством оптимизации качества правотворческой деятельности могут содействовать следующие шаги.

1. Повышение роли общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов, которая должна способствовать выявлению в них норм, которые не содействуют реализации интересов участников правоотношений, не направлены на обеспечение их субъективных прав, свобод и законных интересов, но могут привести к односторонней реализации интересов субъектов публичной власти за счет правомерных стремлений иных субъектов права и в ущерб им.

2. Дальнейшее совершенствование антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, осуществляемой в соответствии с Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Полагаем, что устранение коррупциогенных факторов¹, содержащихся в текстах нормативных правовых актов, выступает и достаточно эффективным способом противодействия манипулированию в правовом регулировании посредством использования законодательной техники.

Необоснованно широкие пределы усмотрения, возможности для необоснованного применения исключений из общих правил,

¹ Под коррупциогенными факторами законодатель понимает «положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам».

равно как и неопределенные, трудновыполнимые или обременительные требования, не только являются питательной средой для возникновения коррупционных отношений, но и маскируют манипулятивные технологии, направленные на реализацию интересов одной стороны за счет интересов другой под прикрытием нормативно установленных предписаний.

Создание правовых механизмов регулирования лоббистской деятельности, о необходимости чего в нашей стране речь идет уже многие годы [Любимов 2005; Субочев 2002; Субочев 2014]. Лоббистская деятельность – правомерная форма реализации определенных законных интересов, но она может способствовать тому, что субъект правотворческого процесса будет вынужден в силу действия субъективных факторов использовать манипулятивные технологии для маскировки реализации «приоритетных» интересов в ущерб иным правомерным стремлениям субъектов права.

Лоббистская деятельность является весьма эффективной формой представительства интересов различных групп, объединений, да и отдельных граждан в политической системе общества и, выступая в качестве специфической формы проявления политического плюрализма, создает возможности для обеспечения интересов не столько большинства, сколько меньшинства [Субочев 2014: 33]. Вместе с тем она же может блокировать действительно нужные управленческие решения и способствовать превращению правотворческих органов в инструмент отстаивания интересов влиятельных организаций.

Эффективная правовая политика в сфере лоббизма будет способствовать минимизации его негативных проявлений. К наиболее значимым из них следует отнести манипуляцию как общественным мнением в целом, так и интересами отдельных субъектов права, что и является отправной точкой для дальнейшего манипулятивного использования юридических целей и средств в правовом регулировании.

Следующим механизмом противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании является оптимизация правоприменительной деятельности. Она должна осуществляться по двум ключевым направлениям.

Прежде всего необходимо минимизировать количество случаев (полностью исключить их не представляется возможным),

когда сам правоприменитель манипулирует юридическими целями и средствами в процессе осуществления профессиональной деятельности. Реализация данного направления представляется весьма непростой задачей, ведь манипулирование юридическими целями и средствами зачастую не является настолько очевидным, как, к примеру, злоупотребление правом или коррупционное поведение управомоченных лиц.

Так, издание приказа о переводе сотрудника на вышестоящую должность исключительно в целях возложения на него дополнительных обязанностей и лишения прежнего функционала, вряд ли может быть идентифицировано даже самим сотрудником как манипулирование юридическим инструментарием (ведь если манипулятивные технологии распознаются, то они перестают быть таковыми), не говоря уже о квалификации подобных действий как манипулятивного воздействия вышестоящих инстанций на подчиненных.

Сказанное и объясняет тот факт, что противодействовать манипулированию в правовом регулировании достаточно сложно именно в силу отсутствия возможности во многих случаях идентифицировать данную манипуляцию. Более того, даже идентификация в поведении должностного лица квалифицирующих признаков манипулирования юридическими целями и средствами не переводит эти деяния в разряд противоправных, что тоже существенно ограничивает инструментарий, которым можно противодействовать субъекту манипулятивного воздействия. Тем не менее полагаем, что в качестве способов такого противодействия можно предложить следующие:

обжалование действий руководства, которые, хотя и являются правомерными, ущемляют законные интересы участников правоотношений. Подчеркнем, что судебной защите подлежат не только субъективные права и свободы как гарантированные правовые дозволения, но и законные интересы [Малько, Субочев 2014: 84–85];

самозащита субъективных прав, свобод и законных интересов, которая предполагает самый широкий спектр действий участников правоотношений. Это действия могут быть направлены, в том числе, на предотвращение нарушения обозначенных правовых дозволений [Лаврова 2018; Кузнецов 2017];

мониторинг эффективности управленческой деятельности вышестоящими инстанциями, создание кодексов профессиональной этики, повышение правового сознания и правовой культуры правоприменителей всех уровней.

Далее, манипулирование юридическими целями и средствами в процессе правоприменительной деятельности осуществляется не только ее субъектами, обладающими властными полномочиями, но и теми участниками правоотношений, которые обращаются в правоприменительные инстанции за помощью в реализации своих правомерных стремлений. В данном случае речь идет о том, что правоприменитель сам становится объектом манипулятивного воздействия и, осуществляя предоставленные ему законом властные полномочия, содействует реализации интересов субъекта манипулирования. Так, компетентные органы не всегда могут распознать то, что их законные решения становятся лишь средством в затягивании споров при, например, очередном переносе судебного заседания по уважительной причине [Вагантов 2020], в манипулировании родительскими правами [Зыков 2022], в манипулятивном использовании норм антимонопольного законодательства [Федоров 2021] и ряде иных случаев.

Здесь важным средством противодействия манипулированию выступают предложенные выше критерии идентификации манипулятивного использования юридических целей и средств в процессе правового регулирования. Их использование должно содействовать гармонизации интересов личности, общества и государства в правореализационном процессе в целом. Для его оптимизации, помимо правоприменительной деятельности, весьма важными представляются и иные формы правомерного поведения участников правоотношений – соблюдение, исполнение и использование права.

В противодействие манипулированию юридическими целями и средствами свою лепту должен внести и правоинтерпретационный процесс. Так, разъяснение не только смысла действующих правовых норм, но и нестандартных способов использования предусмотренных в них юридических средств может способствовать идентификации их манипулятивного применения.

Необходимо понимать, что реализация проанализированных выше механизмов противо-

действия манипулированию юридическими целями и средствами не может автоматически искоренить данную форму правомерного поведения или свести на нет ее многочисленные негативные последствия. Не в последнюю очередь это обусловлено и тем, что исследуемые способы противодействия манипулированию юридическими целями и средствами зависят от следующих факторов:

уровня правосознания и правовой культуры населения, который и является, по сути, ключевым препятствием на пути использования участника правоотношения как средства в реализации интересов его контрагентов;

эффективности правового обучения и правового воспитания;

использования внеправовых способов противодействия манипулятивным технологиям

в процессе правового регулирования. В указанном контексте речь идет о том, что опыт распознавания манипулятивных технологий в информационной, политической, финансово-экономической и иных сферах и противодействия им может и должен учитываться при разработке правовой стратегии борьбы с рассматриваемым явлением.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что разработка механизмов противодействия манипулированию целями и средствами в правовом регулировании – комплексное направление деятельности, от успешного осуществления которого зависит как полноценная реализация субъективных прав, свобод и законных интересов участников правоотношений, так и качество правовой жизни современного российского общества.

Список литературы

Адиньяев С. И. К вопросу об объекте неправомерного использования инсайдерской информации и манипулирования рынком // Российская юстиция. 2019. № 4. С. 23–26.

Альбицкая И., Косяков А. Манипуляции и эмоциональный шантаж: вскрыть, пресечь, блокировать // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2022. № 3. С. 75–83.

Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Киров, 2014. 195 с.

Богатырев Д. В. Причины злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2022. № 3. С. 29–32.

Вагантов В. Судебный процесс: как прервать «игру на отложение» // Практическая бухгалтерия. 2020. № 12. С. 66–71.

Головина А. А. О концепции правотворческой политики Российской Федерации в XXI веке // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 20–34.

Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита: моногр. М.: Изд-во МГУ, 1997. 344 с.

Зыков С. В. Родительские права отца: эволюция в отечественном праве // Семейное и жилищное право. 2022. № 1. С. 7–10.

Иванова А. КС РФ запретил манипуляции со срочными трудовыми договорами // Практическая бухгалтерия. 2020. № 6. С. 14–16.

Кара-Мурза С. Г. Власть манипуляции: моногр. М.: Акад. проект, 2020. 358 с.

Кузнецов Е. Н. Самозащита права на добровольное исполнение обязательств // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 152–156.

Куликов М. А. Манипулирование юридическими целями и средствами в правотворческом процессе и его результаты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3. С. 6–14.

Лавров С. В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. № 4. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20.

Лаврова С. В. Правовые основания и юридические средства механизма реализации права на самозащиту // Гражданское право. 2018. № 6. С. 36–38.

Любимов А. П. История лоббизма в России. М.: Либеральная миссия, 2005. 204 с.

Мазуренко А. П. Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 51 с.

Малиновский А. А. Злоупотребление правом как юридический феномен: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 404 с.

Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2. С. 84–98.

Малько А. В., Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория // Психология и право. 2021. Т. 11. № 1. С. 163–180.

Нечкин А. В., Истомин М. А. Теоретико-правовые основы борьбы с манипулированием массовым сознанием в сети Интернет на примере Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1. С. 90–104.

Противодействие злоупотреблению правом: теория, практика, техника: сб. ст. / под ред. В. А. Толстика, В. М. Баранова, П. В. Васильева. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД, 2019. 553 с.

Ревина И. В., Пашутина О. С., Чеботарева И. Н. Манипулирование правом на защиту с позиции обеспечения права обвиняемого на свободу выбора адвоката // Адвокатская практика. 2021. № 1. С. 33–39.

Субочев В. В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. 2014. № 2. С. 28–37.

Субочев В. В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.

Субочев В. В. Формы и методы лоббистской деятельности в правовой действительности Российского государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2002. № 4. С. 35–47.

Федоров Ю. В. Проблемы применения отдельных антимонопольных запретов при осуществлении деятельности торговых сетей // Российское конкурентное право и экономика. 2021. № 4. С. 18–25.

Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций: моногр. СПб.: Питер, 2022. 384 с.

Михаил Алексеевич Куликов – кандидат юридических наук, заместитель руководителя международного бюро по кибербезопасности «КИБЕРПОЛ», докторант Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. E-mail: mikhail.a.kulikov@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0978-0141

Counteraction to the Manipulation of Goals and Means in Legal Regulation: Concept and Mechanisms

The manipulation of legal means and goals is now extremely widespread, and has turned into an almost indispensable attribute of the legal regulation of social relations. At the same time, it has not become the subject of proper scientific research, both from the standpoint of the general theory of law and branches of legal science. The analysis of the essence and key features of the manipulation of legal goals and means presented in the article was done in order to develop effective ways and mechanisms to counter this behavior, as well as to minimize its negative consequences. The author proposes to apply a set of measures in law-making, law enforcement, law interpretation and other areas of the legal life of modern Russian society that can counteract the manipulative use of legal goals and means. The successful implementation of these measures contributes to the full realization of subjective rights, freedoms and legitimate interests of participants in legal relations, and the quality of the legal life of society itself.

Keywords: manipulation, legal goal, legal means, legal regulation, interest, legal relationship, lawful behavior

Recommended citation

Kulikov M. A. Protivodeistvie manipulirovaniyu tselyami i sredstvami v pravovom regulirovanii: kontseptsiya i mekhanizmy [Counteraction to the Manipulation of Goals and Means in Legal Regulation: Concept and Mechanisms], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 38–48, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_38.

References

Adin'yaev S. I. K voprosu ob ob'ekte nepravomernogo ispol'zovaniya insaiderskoi informatsii i manipulirovaniya rynkom [On the Issue of the Object of Illegal Use of Insider Information and Market Manipulation], *Rossiiskaya yustitsiya*, 2019, no. 4, pp. 23–26.

Al'bitskaya I., Kosyakov A. Manipulyatsii i emotsional'nyi shantazh: vskryt', presech', blokirovat' [Manipulation and Emotional Blackmail: Open, Stop, Block], *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*, 2022, no. 3, pp. 75–83.

Barmina O. N. *Zloupotreblenie pravom kak obshchepравovaya kategoriya: teoretiko-pravovoi analiz* [Abuse of Law as a General Legal Category: Theoretical and Legal Analysis]: cand. jur. sc. thesis, Kirov, 2014, 195 p.

Bogatyrev D. V. Prichiny zloupotrebleniya pravom v ugolovnom sudoproizvodstve [Reasons for the Abuse of Law in Criminal Proceedings], *Rossiiskii sledovatel'*, 2022, no. 3, pp. 29–32, DOI: 10.18572/1812-3783-2022-3-29-32.

Dotsenko E. L. *Psikhologiya manipuliyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita* [Psychology of Manipulation: Phenomena, Mechanisms and Protection], Moscow, Izd-vo MGU, 1997, 344 p.

Fedorov Yu. V. Problemy primeneniya otdel'nykh antimonopol'nykh zapretov pri osushchestvlenii deyatel'nosti torgovykh setei [Problems of Application of Certain Antimonopoly Prohibitions in the Implementation of the Activities of Retail Chains], *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, 2021, no. 4, pp. 18–25, DOI: 10.47361/2542-0259-2021-4-28-18-25.

Golovina A. A. O kontseptsii pravotvorcheskoi politiki Rossiiskoi Federatsii v XXI veke [On the Concept of Law-Making Policy of the Russian Federation in the XXI Century], *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2019, no. 4, pp. 20–34, DOI: 10.12737/art201942.

Ivanova A. KS RF zapretil manipuliyatsii so srochnymi trudovymi dogovorami [The Constitutional Court of the Russian Federation Banned Manipulations with Fixed-Term Employment Contracts], *Prakticheskaya bukhgalteriya*, 2020, no. 6, pp. 14–16.

Kara-Murza S. G. *Vlast' manipuliyatsii* [The Power of Manipulation], Moscow, Akad. Proekt Publ., 2020, 358 p.

Kulikov M. A. Manipulirovanie yuridicheskimi tselyami i sredstvami v pravotvorcheskom protsesse i ego rezul'taty [Manipulation by Means of Legal Goals and Instruments in the Law-Making Process and its Results], *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, 2022, no. 3, pp. 6–14.

Kuznetsov E. N. Samozashchita prava na dobrovol'noe ispolnenie obyazatel'stv [Self-Defense of the Right to Voluntary Fulfillment of Obligations], *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, 2017, no. 5, pp. 152–156.

Lavrov S. V. O prave, pravakh i pravilakh [About Law, Rights and Rules], *Rossiya v global'noi politike*, 2021, no. 4, DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-4-8-20

Lavrova S. V. Pravovye osnovaniya i yuridicheskie sredstva mekhanizma realizatsii prava na samozashchitu [Legal Grounds and Legal Means of the Mechanism for Exercising the Right to Self-Defense], *Grazhdanskoe pravo*, 2018, no. 6, pp. 36–38, DOI: 10.18572/2070-2140-2018-6-36-38.

Lyubimov A. P. *Istoriya lobbizma v Rossii* [History of Lobbying in Russia], Moscow, Liberal'naya missiya, 2005, 204 p.

Malinovskii A. A. *Zloupotreblenie pravom kak yuridicheskii fenomen* [Abuse of the Right as a Legal Phenomenon]: doct. jur. sc. thesis, Moscow, 2009, 404 p.

Mal'ko A. V., Subochev V. V. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak psikhologicheskii fenomen i nauchnaya kategoriya [Political and Legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and

a Scientific Category], *Psikhologiya i pravo*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 163–180, DOI: 10.17759/psylaw.2021110113.

Mal'ko A. V., Subochev V. V. Zakonnye interesy v pravovoi zhizni obshchestva: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Legitimate Interests in the Legal Life of Society: Topical Issues of Theory and Practice], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, 2014, no. 2, pp. 84–98.

Mazurenko A. P. *Pravotvorcheskaya politika kak faktor modernizatsii pravotvorchestva v Rossii* [Law-Making Policy as a Factor in the Modernization of Law-Making in Russia]: autoabstr. of cand. jur. sc. thesis, Saratov, 2011, 51 p.

Nechkin A. V., Istomin M. A. Teoretiko-pravovye osnovy bor'by s manipulirovaniem massovym soznaniem v seti Internet na primere Rossiiskoi Federatsii [Theoretical and Legal Foundations of the Fight against the Manipulation of Mass Consciousness on the Internet on the Example of the Russian Federation], *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2022, no. 1, pp. 90–104, DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.090-104.

Revina I. V., Pashutina O. S., Chebotareva I. N. Manipulirovanie pravom na zashchitu s pozitsii obespecheniya prava obvinyaemogo na svobodu vybora advokata [Manipulation of the Right to Defense from the Standpoint of Ensuring the Right of the Accused to Freedom of Choice of a Lawyer], *Advokatskaya praktika*, 2021, no. 1, pp. 33–39, DOI: 10.18572/1999-4826-2021-1-33-39.

Sheinov V. P. *Manipulirovanie i zashchita ot manipulyatsii* [Manipulation and Protection against Manipulation], Saint Petersburg, Piter, 2022, 384 p.

Subochev V. V. Formy i metody lobbistskoi deyatelnosti v pravovoi deistvitelnosti rossiiskogo gosudarstva [Forms and Methods of Lobbying Activity in the Legal Reality of the Russian State], *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2002, no. 4, pp. 35–47.

Subochev V. V. Lobbizm v Rossii: priroda, spetsifika, problemy pravovogo regulirovaniya [Lobbying in Russia: Nature, Specifics, Problems of Legal Regulation], *Pravo i upravlenie. XXI vek*, 2014, no. 2, pp. 28–37.

Subochev V. V. Politiko-pravovoe manipulirovanie kak osnova upravleniya obshchestvom v epokhu postpravdy [Political and Legal Manipulation as a Basis for Social Management in the Era of Post-Truth], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2019, no. 34, pp. 29–43, DOI: 10.17223/22253513/34/3.

Tolstik V. A., Baranov V. M., Vasil'ev P. V. (eds.) *Protivodeistvie zloupotrebleniyu pravom: teoriya, praktika, tekhnika* [Counteraction to the Abuse of Law: Theory, Practice, Technique]: collection of articles, Nizhnii Novgorod, Nizhegorod. akad. MVD, 2019, 553 p.

Vagantov V. Sudebnyi protsess: kak prervat' «igru na otlozhenie» [Litigation: how to Interrupt the «Deposit Game»], *Prakticheskaya bukhalteriya*, 2020, no. 12, pp. 66–71.

Zykov S. V. Roditel'skie prava ottsa: evolyutsiya v otechestvennom prave [Father's Parental Rights: Evolution in Domestic Law], *Semeinoe i zhilishchnoe pravo*, 2022, no. 1, pp. 7–10, DOI: 10.18572/1999-477X-2022-1-7-10.

Mikhail Kulikov – candidate of juridical sciences, deputy head of the International Bureau for Cybersecurity «CYBERPOL», doctoral student, Moscow State University of International Relations. 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadskogo ave., 76. E-mail: mikhail.a.kulikov@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0978-0141

Дата поступления в редакцию / Received: 06.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 07.11.2022

А. А. Лунёв

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ЛИЦА: ПАРАДОКС РЕАЛИЗАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Настоящая работа посвящена концепции corporate human rights. Не только физические, но и юридические лица являются носителями прав человека. Автор исследует историю разработки Европейской конвенции по правам человека, анализирует положения документа и уделяет особое внимание практике Европейского Суда по правам человека. Тем не менее реализация юридическими лицами собственных прав человека пока что ограничивается европейским уровнем. Другие аналогичные международные правозащитные институты, африканские и межамериканские, а также Комитет по ликвидации расовой дискриминации предоставляют юридическим лицам лишь право на обращение (locus standi) в защиту третьих лиц, но не собственные права человека. Делается вывод, что европейская система защиты прав человека является уникальной в данной сфере. При этом даже на европейском уровне юридические лица не обладают всеми конвенционными правами, как физические лица. Автор не исключает того, что в дальнейшем Европейский Суд по правам человека путем эволютивного толкования расширит объем прав юридических лиц.

Ключевые слова: corporate human rights, Европейский Суд по правам человека, Европейская конвенция по правам человека, юридические лица, право на обращение в суд, судебная практика

Для цитирования

Лунёв А. А. Права человека и юридические лица: парадокс реализации в международном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 49–60. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_49.

УДК 341

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_49

Введение

Права человека, казалось бы, существуют исключительно для человека, поскольку в них заложена идея ценности человеческой жизни и достоинства. Без этих двух ключевых составляющих невозможно нормальное существование человека. Защита фундаментальных прав является прерогативой государства¹, однако зачастую национальных механизмов недостаточно для эффективного обеспечения таких прав. В этих случаях на помощь приходят международные правозащитные органы, и на европейском уровне роль блюстителя

прав человека выполняет Европейский Суд по правам человека (далее – Суд, Европейский Суд, ЕСПЧ).

Европейская конвенция по правам человека 1950 г. (далее – ЕКПЧ, Конвенция), на которой основывается работа Суда, предоставляет физическим лицам возможность напрямую обращаться в ЕСПЧ для защиты своих прав, как индивидуально, так и коллективно. Тем не менее согласно ст. 34 Конвенции, помимо физических лиц, возможностью обращаться в Суд обладают неправительственные организации. К ним относятся различные виды юридических лиц, будь то коммерческие предприятия [см. подробнее: Karski, Ziemblicki 2021], некоммерческие объединения², сред-

¹ Преамбула Европейской конвенции по правам человека 1950 г. гласит: «...Высокие Договаривающиеся Стороны несут основную ответственность за соблюдение прав и свобод, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней...».

² См., например, дело «Общественная организация „Центр правовых ресурсов“ в интересах Валентина

ства массовой информации [см. подробнее: Voorhoof et al. 2017], религиозные учреждения [см. подробнее: Cismas 2014: 85–152]. Несмотря на то что понятие неправительственной организации довольно близко к понятию юридического лица, их следует отличать друг от друга. Тем не менее оба термина используются в ЕКПЧ.

Согласно практике Европейского Суда, неправительственные организации обращаются в Суд по различным основаниям: например, в связи с нарушениями справедливого судебного разбирательства (ст. 6 Конвенции)¹, права на жилище (ст. 8)² или свободы выражения мнений (ст. 10)³. Возникает логическая путаница: как абстрактные юридические лица могут обращаться в Суд с целью защиты прав, принадлежащих человеку? Отсюда возникает ряд других вопросов: защищают ли таким образом юридические лица собственные права или действуют в интересах своих участников? Могут ли они как физические лица обращаться в связи с нарушением любых конвенционных прав или же существуют какие-то пределы? Имеются ли особенные требования (так называемые условия приемлемости) к юридическим лицам для обращения в Суд?

История вопроса

С начала разработки Европейской конвенции по правам человека доступ юридических лиц в судебные органы и их статус в качестве потенциальных жертв не подвергались сомнению и даже не обсуждались [Spielmann 2016: 406]. В первоначальном проекте ЕКПЧ, подготовленном международно-правовой секцией Европейского движения⁴, юридическим

лицам наряду с физическими лицами и государствами-участниками Конвенции предоставлялось право на обращение в Совет Европы [Schabas 2015: 732]. Разработчики документа таким образом стремились не только создать возможности для защиты западных демократических идеалов, но и показать преимущества экономических и социальных аспектов демократического общества, чтобы не допустить развития коммунистических идей [Steininger, Bernstorff 2021: 258].

Впоследствии проект документа был отредактирован, и термин «юридические лица» в Конвенции заменили на термин «неправительственные организации» [Schabas 2015: 732]. Такие редакторские правки имели особый смысл.

Во-первых, создание юридического лица, как правило, требует определенной формальной регистрации с целью предоставления ему конкретного юридического статуса согласно национальному праву. Задумка составителей ЕКПЧ заключалась в том, чтобы предоставить доступ к Суду объединениям вне зависимости от соответствующего юридического статуса [Schabas 2015: 736].

Во-вторых, юридические лица могут быть как частными, так и публичными и квазипубличными. Если первые создаются по воле частных лиц на основании частноправового акта (например, частные компании или общественные организации), то два последних чаще всего образуются по воле государства на основании публично-правового акта либо административного акта органа государственной власти (различные государственные учреждения и корпорации) [Козлова 2003: 200–208]. Логика разработчиков состояла в том, чтобы не допустить обращения в Суд юридических лиц, находящихся под прямым контролем государства. Как позже указал Суд, «идея, лежащая в основе этого принципа, заключается в том, чтобы не позволить Договаривающейся стороне выступать одновременно в качестве заявителя и ответчика в Суде»⁵.

Однако термин «юридическое лицо» все же присутствует в Конвенции, но не в основном тексте, а в Протоколе № 1, который был

Кэмпану против Румынии» (European Court of Human Rights« (далее – ECtHR). Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania. Application № 47848/08. Judgment of 17 July 2014).

¹ См., например, дело «ОАО „Нефтяная компания „ЮКОС““ против России» (ECtHR. ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia. Application № 14902/04. Judgment of 20 September 2011. § 527–551).

² См., например, дело «Компания „Сосьете Кола эст“ и другие против Франции» (ECtHR. Société Colas Est and Others v. France. Application № 37971/97. Judgment of 16 April 2002).

³ См., например, дело «Компания „Делфи АС“ против Эстонии» (ECtHR. Delfi AS v. Estonia. Application № 64569/09. Judgment of 16 June 2015).

⁴ Европейское движение объединяло различных активистов, выступающих за тесную интеграцию европейских стран после Второй мировой войны. В мае 1949 г. Европейское движение сыграло значительную

роль в создании Совета Европы и в работе над Европейской конвенцией по правам человека.

⁵ ECtHR. Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Turkey. Application № 40998/98. Judgment of 13 December 2007. § 81.

принят через полтора года после основной части. Статья 1 Протокола № 1 закрепляет право каждого физического и юридического лица на уважение своей собственности. Это единственное положение Конвенции, в котором право гарантируется напрямую юридическому лицу.

Отсутствие права собственности в основном тексте Конвенции не было случайным. Первоначально разработчики планировали включить его в документ, но этого не произошло из-за позиции Соединенного Королевства, которое по причине слабого экономического положения после Второй мировой войны опасалось, что его собственные транснациональные компании обратятся в Суд в связи с ущербом, нанесенным имуществу британскими вооруженными силами в ходе боевых действий. Например, в 1942 г. в результате наступательной операции британских войск в Бирме был разрушен промышленный завод Бирманской нефтяной компании. Перенос права собственности в Протокол гарантировал, что это право официально не будет относиться к основным правам и свободам, а сам Протокол будет требовать отдельной ратификации, давая тем самым Великобритании больше возможностей для маневра [Steininger, Bernstorff 2021: 287].

Соединенное Королевство и в целом выступало против доступа юридических лиц к ЕСПЧ. Проводимая по решению правительства в послевоенные годы реструктуризация британской сталелитейной промышленности могла быть оспорена в Европейскую комиссию по правам человека [Ibid]. Великобритания признала право подачи частных жалоб против себя в ЕСПЧ только в 1966 г. [Simmonds 1966: 539–541]¹.

Опасения Великобритании впоследствии оправдались. Так, в деле «А, В, С и D против Соединенного Королевства» заявителями выступили акционеры сталелитейной компании, обратившиеся в соответствии со ст. 1 Протокола № 1 к ЕСПЧ в связи с принятием Закона о черной металлургии 1967 г., который был частью упомянутой реструктуризации. Тем не менее Европейская комиссия по правам человека не согласилась с доводами заявителей и встала на сторону государства-ответчика [Steininger, Bernstorff 2021: 288].

¹ До вступления в силу Протокола № 11 в 1998 г. право частных лиц на подачу обращений имело факультативный характер.

В дальнейшем юридические лица еще не раз пытались взять реванш за «антикорпоративную» позицию Великобритании, и многие дела против этого государства развивали прецедентное право Суда. Так, первым случаем обращения в ЕСПЧ компании против зарубежного государства стало дело «АГОСИ против Соединенного Королевства», в котором немецкая компания жаловалась на незаконность конфискации британской таможенной монеты, ранее купленной компанией у гражданина Великобритании². Интересно, что первым случаем нарушения государством ст. 10 Конвенции (свобода выражения мнения) в отношении юридического лица стало также дело против Соединенного Королевства: Европейский Суд признал неправомерным судебный запрет британской газете *Sunday Times* публиковать материалы, освещающие скандал вокруг лекарственного препарата «талидомид»³.

Однако далеко не каждое юридическое лицо может обратиться в ЕСПЧ. В своей практике Суд предусмотрел для них определенные критерии приемлемости.

Право юридических лиц на обращение в ЕСПЧ

Хотя в Европейский Суд не могут обращаться юридические лица, находящиеся под прямым контролем государства, некоторые коммерческие организации, полностью или частично принадлежащие государству, все же могут быть заявителями в Суде. ЕСПЧ установил, что компании-заявители могут иметь статус неправительственной организации в той мере, в какой они не осуществляют правительственные полномочия, не были созданы для целей государственного управления и полностью независимы от государства⁴.

Так, в деле «Судоходные линии Исламской Республики Иран против Турции» компания-заявитель и значительная часть ее акций принадлежали государству, которое к тому же на-

² ECtHR. *AGOSI v. The United Kingdom*. Application № 9118/80. Judgment of 24 October 1986.

³ ECtHR. *Sunday Times v. The United Kingdom*. Application № 6538/74. Judgment of 26 April 1979.

⁴ ECtHR. *Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Turkey*. Application № 40998/98. Judgment of 13 December 2007. § 80–81; *The Holy Monasteries v. Greece*. Applications № 13092/87, 13984/88. Judgment of 9 December 1994. § 49.

значало большинство членов совета директоров. Однако ЕСПЧ установил, что компания была финансово и юридически независима от государства, управлялась как обычное коммерческое предприятие и, следовательно, обладала *locus standi*. Иное дело – органы государственной власти и государственные корпорации: поскольку эти образования прямо подконтрольны государству, то подавать заявления в Суд по ст. 34 Конвенции они не могут¹.

Не могут обратиться в ЕСПЧ и децентрализованные органы власти, выполняющие публичные функции, независимо от степени их автономии. К ним, например, относятся различные муниципальные и территориальные учреждения, а также национальные железнодорожные компании-монополисты [Schabas 2015: 737].

Отсутствие прямой подконтрольности организации государству является особым критерием приемлемости для жалоб юридических лиц в ЕСПЧ

Подход Европейского Суда по правам человека обоснован, но противоположен подходу его регионального коллеги – Суда ЕС [Spielmann 2016: 407]. В решении по делу «Банк Меллат против Совета ЕС», в котором иранский банк оспаривал введенные против него санкции², Суд Евросоюза указал следующее: «Ни в Хартии основных прав Европейского союза, ни в первичном праве Европейского союза нет никаких положений, в которых утверждается, что юридические лица, образованные государствами, не имеют права на защиту основных прав. Напротив, по-

¹ ECtHR. Islamic Republic of Iran Shipping Lines v. Turkey. Application № 40998/98. Judgment of 13 December 2007. § 80–81.

² По мнению Совета ЕС, частный банк *Mellat* являлся фактически иранским государственным банком, который поддерживал ядерную и ракетную программы Ирана и содействовал их развитию. Банк был добавлен в список организаций, причастных к распространению иранского ядерного оружия, и в результате его денежные средства и финансовые ресурсы были заморожены. Банк обратился в Суд ЕС, однако Совет ЕС *inter alia* оспаривал его статус заявителя, указав, что юридические лица, образованные государством, не могут рассчитывать на защиту и гарантии основных прав (EU General Court. Bank Mellat v. Council of the European Union. Case T-496/10. Judgment of 29 January 2013. § 1–17).

ложения Хартии, которые имеют отношение к обращениям заявителя, и, в частности, статьи 17, 41 и 47, гарантируют права „каждого лица“ – формулировка, которая включает в себя юридических лиц...»³.

Таким образом, отсутствие прямой подконтрольности организации государству является особым критерием приемлемости для жалоб юридических лиц в ЕСПЧ. При этом признание компании жертвой нарушения Конвенции не означает, что акционеры этой компании автоматически становятся жертвами [Schabas 2015: 741]. Придерживаясь логики Международного суда ООН по делу *Barcelona Traction*⁴, ЕСПЧ в деле «Ольжак против Польши» указал, что действия, нарушающие только права компании, не влекут за собой ответственность перед акционерами, даже если затрагиваются их интересы. Подобная ответственность может возникнуть только в том случае, если действия, ставшие причиной обращения в Суд, направлены на права акционера как такового или если компания была ликвидирована⁵.

Тем не менее когда у компании есть единственный владелец, понесший ущерб из-за действий, направленных против компании, он может обратиться в Европейский Суд. ЕСПЧ отметил, что в таких случаях нет риска разногласий между акционерами или между акционерами и советом директоров относительно реальности нарушения прав, предусмотренных Конвенцией, или наиболее подходящего способа реагирования на это нарушение [Ibid: 737]. Для Суда также не имеет значения ни местонахождение, ни юридическая регистрация неправитель-

³ EU General Court. Bank Mellat v. Council of the European Union. Case T-496/10. Judgment of 29 January 2013. § 36.

⁴ Канадская компания *Barcelona Traction* осуществляла свою деятельность в Испании, а её акционерами были граждане Бельгии. После банкротства и ареста имущества компании Бельгия обратилась против Испании в Международный суд ООН. Однако он указал, что действия, нарушившие права компании, не влекут ответственности перед акционерами, даже если пострадали их интересы. Следовательно, Бельгия не обладала *locus standi*, поскольку являлась государством гражданства акционеров, а не государством национальности компании. См. подробнее: International Court of Justice (далее – ICJ). *Barcelona Traction, Light and Power Company, Limited (Belgium v. Spain)*. Judgment of 5 February 1970.

⁵ ECtHR. *Olczak v. Poland*. Application № 30417/96. Judgment of 7 November 2002. § 59.

ственной организации. Лишение неправительственной организации юридической регистрации и корпоративного статуса не влечет каких-либо последствий для обращения организации в Суд [Ibid: 736].

Право юридических лиц на обращение в другие международные правозащитные институты

Вышеуказанные требования Европейского Суда к юридическим лицам отличают европейскую систему защиты прав человека от американской системы. Так, в соответствии со ст. 44 Американской конвенции о правах человека 1969 г. любая неправительственная организация может обращаться в Межамериканскую комиссию по правам человека, только если она законно признана в одном или нескольких государствах-членах Организации американских государств.

Более того, в рамках европейской системы юридические лица при обращении в Суд защищают собственные права. Статья 34 Конвенции требует от заявителя подтверждения того, что он является жертвой нарушения Конвенции, т. е. непосредственно затронут оспариваемой мерой. ЕКПЧ, таким образом, не дает заявителю возможности действовать в порядке *actio popularis*.

Следует добавить, что концепция *actio popularis* в международном праве является спорной и используется в разных контекстах. У международных органов нет единой позиции по этой проблеме. Международный суд ООН определяет *actio popularis* как право любого члена общества предпринимать юридические действия в защиту общественных интересов. Первоначально МС ООН отрицательно относился к этой концепции и в делах о Юго-Западной Африке указал, что *actio popularis* неизвестно международному праву¹. Однако, по мнению Ф. Ахмадова, впоследствии позиция МС ООН изменилась на противоположную в деле «Бельгия против Сенегала»². Автор также считает, что ЕСПЧ, на первый взгляд, не допускает обращений частных лиц в порядке *actio popularis*, по-

скольку в Суд могут обращаться лишь жертвы нарушения ЕКПЧ. Тем не менее в некоторых случаях современная судебная практика демонстрирует снисходительность Европейского Суда в этом вопросе [Ahmadov 2018: 199-204; см. также Gattini 2019].

Иной механизм предусмотрен в американской и африканской системах защиты прав человека. Межамериканский суд по правам человека (МСПЧ) в Консультативном заключении от 26 февраля 2016 г. ОС-22/16 указал, что права человека принадлежат главным образом физическим лицам. Названные права применяются к юридическому лицу в той мере, в какой это необходимо для реализации прав физических лиц, являющихся участниками такого юридического лица. Исключениями следует считать общины коренных и племенных народов, а также профсоюзные организации, которые могут защищать собственные права, выступая, однако, в качестве коллективных субъектов. Следовательно, юридические лица не обладают «правами человека» и соответственно не могут претендовать на статус «предполагаемых жертв» в соответствии с Американской конвенцией о правах человека³.

Межамериканский суд дал оценку практике африканских и универсальных органов по правам человека. По его мнению, в африканской системе неправительственные организации так же, как и в американской системе, могут представлять сообщения в Африканскую комиссию по правам человека и народов и подавать жалобы в Африканский суд, действуя в порядке *actio popularis*⁴. В свою очередь, практика договорных органов в рамках универсальной системы разнится. Так, если Комитет по правам человека указал, что в него могут обращаться лишь физические лица⁵, то Комитет по ликвидации

³ См. подробнее: Corte Interamericana de Derechos Humanos. Opinión consultiva OC-22/16 de 26 de febrero de 2016 solicitada por la República de Panamá. § 34–120.

⁴ Ibid. § 58. Африканская комиссия по правам человека и народов в деле «Правозащитная организация „Статья 19“ против Эритреи» указала, что частные лица могут обращаться в порядке *actio popularis*, «в соответствии с которым автор сообщения необязательно должен знать о жертве предполагаемого нарушения или иметь какую-либо связь с ней» (African Commission on Human and People's Rights. Article 19 v. Eritrea. Communication № 275/2003. Decision of 30 May 2007. § 65).

⁵ Human Rights Committee. V. S. v. Belarus. Communication № 1749/2008. Decision of 31 October 2011. § 7.3.

¹ ICJ. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa, Liberia v. South Africa). Judgment of 18 July 1966. § 88.

² См. подробнее: ICJ. Questions relating to the Obligation to Prosecute or Extradite (Belgium v. Senegal). Judgment of 20 July 2012.

расовой дискриминации установил такое право и для юридических лиц¹. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам не вынес решения по данному вопросу. В Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин сообщений от юридических лиц не поступало². МСПЧ пришел к выводу, что в настоящее время в международном праве прав человека отсутствует четкая тенденция к предоставлению юридическим лицам прав человека как условия их *locus standi*³.

Однако несмотря на то что Европейская конвенция по правам человека предоставляет юридическим лицам собственные права, они не обладают всеми соответствующими конвенционными правами, как физические лица.

Перечень прав, предоставляемых юридическим лицам в соответствии с ЕКПЧ

Как уже говорилось, в некоторых положениях Конвенции юридические лица напрямую указаны как носители прав. Это ст. 10 («Свобода выражения мнения»), ст. 34 («Индивидуальные жалобы»), а также ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ («Защита собственности»).

Статья 34 ЕКПЧ предоставляет юридическим лицам в лице неправительственных организаций право на обращение в ЕСПЧ в защиту собственных прав. Эта норма – пример прогрессивного развития международного права по сравнению с традиционным принципом дипломатической защиты, в соответствии с которым только государство может представлять интересы частных лиц на международной арене [Сучкова 2011: 87].

Право на защиту собственности, очевидно, является важнейшим правом для многих юридических лиц, особенно коммерческих предприятий, поскольку их деятельность связана с экономическими факторами. Практика Суда по этому положению достаточно обширна [См. подробнее: Dopplinger 2021]

¹ The Committee on the Elimination of Racial Discrimination. TBB-Turkish Union in Berlin/Brandenburg v. Germany. Communication № 48/2010. Opinion of 26 February 2013. § 11.2–11.4.

² По состоянию на 22 сентября 2022 г. сообщений от юридических лиц в Комитет также не поступало.

³ Corte Interamericana de Derechos Humanos. Opinión consultiva OC-22/16 de 26 de febrero de 2016 solicitada por la República de Panamá. § 59–62.

и не ограничивается обращениями о нарушении лишь материальной собственности⁴. В ст. 10 ЕКПЧ термин «юридические лица» напрямую не используется⁵, однако третье предложение п. 1 гласит, что статья не препятствует государствам-участникам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных и кинематографических предприятий. К тому же Суд указал, что ст. 10 Конвенции применима к «любому» – будь то физическое или юридическое лицо⁶.

Статья 10 служит важной гарантией свободы выражения мнения в первую очередь для средств массовой информации, но представляет интерес и для юридических лиц других видов, например коммерческих предприятий, поскольку «коммерческая речь»⁷ подпадает под действие ст. 10.

Так, в деле «Маркт Интерн Ферлаг ГмбХ и Клаус Беерман против Федеративной Республики Германия» заявителем выступило небольшое издательство, привлеченное к ответственности по Закону от 7 июня 1909 г. «О недобросовестной конкуренции» за объявление бойкота фирме «Косметик Клуб Интернешнл», которая, по мнению издательства, не выполняла обещания возратить товар, если покупатель остался им недоволен. В Суде государство-ответчик утверждало, что публикация издательства имела чисто коммерческую направленность на продвижение товаров мелких ритейлеров и устранение конкурента. К тому же, по мнению германского правительства, в сфере конкуренции национальные власти должны обладать большей свободой усмотрения, поскольку только они могут принять во внимание конкретную ситуацию на национальном рынке и учесть понимание добросовестности в деловом обороте. Суд согласился с доводами государства-ответчика и признал, что нарушения ст. 10 Конвенции не было [Соболева 2011: 54–58].

⁴ Так, в деле «Компания „Анхойзер-Буш инк“ против Португалии» в отношении ст. 1 Протокола № 1 Суд указал: «...Интеллектуальная собственность как таковая, бесспорно, пользуется защитой этого положения» (ECtHR. Anheuser-Busch Inc. v. Portugal. Application № 73049/01. Judgment of 11 January 2007. § 47).

⁵ В п. 1 ст. 10 Конвенции используется термин «каждый».

⁶ ECtHR. Autronic AG v. Switzerland. Application № 12726/87. Judgment of 22 May 1990. § 47.

⁷ «Коммерческая речь» – устное или письменное обращение в качестве рекламы, предлагающее коммерческую сделку.

Отдельные положения ЕКПЧ можно применить лишь к физическим лицам [Emberland 2006: 33]. Это ст. 12, где прямо указано, что правом вступать в брак и создавать семью обладают мужчины и женщины. Сюда же следует включить ст. 5 Протокола № 7, гарантирующую равноправие супругов, а также положения ст. 4 Протокола № 4 и ст. 1 Протокола № 7, относящиеся к высылке иностранцев. Неприменимо к юридическим лицам и второе предложение ст. 2 Протокола № 1, касающееся права родителей обеспечивать такое образование и обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям¹. Едва ли Суд будет рассматривать юридических лиц в контексте прав супругов, родителей или иностранцев.

Некоторые положения Конвенции не указывают конкретного получателя прав. Статья 1 ЕКПЧ гласит, что государства-участники обеспечивают каждому (*everyone*), находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, закрепленные в разделе I ЕКПЧ. Термин «каждый» используется также в ст. 2, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13 Конвенции и в ст. 1 Протокола № 1, ст. 2 Протокола № 4 и ст. 2 Протокола № 7. Иногда в ЕКПЧ формулируются негативные права². Например, «никто не может быть умышленно лишен жизни» (ст. 2), «никто не должен содержаться в рабстве» (ст. 4), «никто не может быть осужден за совершение какого-либо деяния» (ст. 7). У. Шабас пишет, что позитивный и негативный указатель на получателя прав следует сочетать со ст. 34, в которой право на доступ к Суду закреплено за любым физическим лицом, неправительственной организацией или группой лиц [Schabas 2015: 92]. Однако, с учетом практики ЕСПЧ, далеко не все обозначенные статьи применяются к юридическим лицам. Следовательно, можно выделить категории прав, в которых термины «каждый» или «никто» включают в себя, помимо физических лиц, также юридические лица, и – наоборот – которые включают в себя лишь физических лиц.

¹ Тем не менее первое предложение ст. 2 Протокола № 1 можно применить к юридическим лицам. Об этом будет написано далее.

² Статьи 2, 3, 4, 5, 7 Конвенции, ст. 1 и 2 Протокола № 1, ст. 1 и 3 Протокола № 4, ст. 1 Протокола № 6, ст. 4 Протокола № 7, ст. 1 Протокола № 12 и ст. 1 Протокола № 13.

К положениям Конвенции, которые не могут быть применимы к юридическим лицам в силу характера субъективного права, относятся ст. 2 («Право на жизнь»), ст. 3 («Запрещение пыток»), ст. 5 («Право на свободу и личную неприкосновенность»), а также ст. 9 («Свобода мысли, совести и религии»³).

Суд указал, что право на жизнь является не только высшей ценностью в иерархии прав человека, но и неотъемлемым атрибутом человека⁴. Тем не менее некоторые зарубежные юристы не исключают, что в дальнейшем ЕСПЧ может изменить свою позицию и признать за юридическими лицами право на существование, что подразумевает запрет на произвольную ликвидацию юридического лица [Karski, Ziemblicki 2021: 523; см. также: Muijsenbergh, Rezai 2012: 59–60]. Однако пока что Суд продолжает рассматривать право на жизнь как право физического лица на существование. Соответственно, положения Протоколов № 6 и 13 к Конвенции (отмена смертной казни) к юридическим лицам не применяются.

Правозащитные органы занимают аналогичную позицию по ст. 3 и 9 Конвенции. Бывшая Европейская комиссия по правам человека отмечала, что эти положения «по самой своей природе не могут быть осуществлены юридическим лицом»⁵. При этом Комиссия отграничила свободу совести от свободы мысли и религии (ст. 9). Последние могут принадлежать церквям, как было отмечено в делах «Церковь сайентологии против Швеции»⁶ и «Церковь сайентологии Парижа против Франции»⁷, но не коммерческим компаниям, о чем Комиссия указала в деле «Компания X против Швейцарии»⁸. Однако впоследствии Комиссия и Суд, по всей видимости, оставили открытым вопрос

³ Только свобода совести.

⁴ ECtHR. K-HW v. Germany. Application № 37201/97. Judgment of 22 March 2001. § 97.

⁵ European Commission of Human Rights. Verein «Kontakt-Information-Therapie» (KIT) and Siegfried Hagen against Austria. Application № 11921/86. Judgment of 12 October 1988. § 1.

⁶ European Commission of Human Rights. X and Church of Scientology v. Sweden. Application № 7805/77. Decision of 5 May 1979. P. 68.

⁷ European Commission of Human Rights. Church of Scientology of Paris v. France. Application № 19509/92. Decision of 9 January 1995. § 2.

⁸ European Commission of Human Rights. Company X v. Switzerland. Application № 7865/77. Decision of 27 February 1979. P. 87.

о том, применяется ли ст. 9 к коммерческой деятельности, осуществляемой религиозной организацией¹.

По мнению Комиссии, в ст. 5 Конвенции право на свободу необходимо рассматривать как «индивидуальную свободу в ее классическом смысле, т. е. физическую свободу личности»². Таким образом, ни п. 1 ст. 5, ни другие положения ст. 5 к юридическим лицам применимы быть не могут. Отсюда можно сделать вывод в отношении прав, закрепленных в Протоколе № 4, разработанном для усиления гарантий ст. 5 ЕКПЧ, – это ст. 1 («Запрещение лишения свободы за долги»), ст. 2 («Свобода передвижения») и ст. 3 (Запрещение высылки граждан) [Wilcox 2016: 41, 52].

К положениям, которые могут реализовывать юридические лица, относятся ст. 6 («Право на справедливое судебное разбирательство»), ст. 7 («Наказание исключительно на основании закона»), ст. 8 («Право на уважение частной и семейной жизни»³), ст. 9 («Свобода мысли совести и религии»)⁴ и ст. 11 («Свобода собраний и объединений»). Кроме того, при обращении в Суд юридические лица могут ссылаться на ст. 13 («Право на эффективное средство правовой защиты») и ст. 14 («Запрещение дискриминации»)⁵, а также на ст. 3 Протокола № 1 («Право на свободные выборы»)⁶. К тому же юридические лица могут требовать справедливую компенсацию в соответствии со ст. 41 ЕКПЧ («Справедливая компенсация»).

Право на справедливое судебное разбирательство наиболее часто оспаривается юридическими лицами наряду с положениями ст. 10 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 [Emberland 2006: 14]. Тем не менее

¹ European Commission of Human Rights. *Association Sivananda de Yoga Vedanta v. France*. Application № 30260/96. Decision of 21 February 1996; ECtHR. *Cumhuriyetçi Eğitim ve Kültür Merkezi Vakfı v. Turkey*. Application № 32093/10. Judgment of 2 December 2014.

² European Commission of Human Rights. *Engel and Others v. The Netherlands*. Applications № 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72, 5370/72. Decision of 8 June 1976. § 58.

³ Только право на уважение жилища и корреспонденции.

⁴ Реализация церквями положений, касающихся свободы мысли и религии (European Commission of Human Rights. *Company X v. Switzerland; Church of Scientology of Paris v. France*).

⁵ Соответственно ст. 1 Протокола № 12 («Общее запрещение дискриминации») тоже к ним применима.

⁶ Право политических партий на свободные выборы.

это не означает, что юридические лица обладают теми же правами, что и физические лица. Например, отказ в предоставлении бесплатной юридической помощи иностранным юридическим лицам не будет противоречить ст. 6 ЕКПЧ, о чем Суд указал в деле «Гранос Органикос Националис С. А. против Германии»⁷.

Поскольку Суд дает юридическим лицам возможность обращаться в соответствии со ст. 6 и 13, то очевидно, что и ст. 2 («Право на обжалование приговоров по уголовным делам во второй инстанции»), ст. 3 («Право на получение компенсации в случае судебной ошибки») и ст. 4 («Право не быть судимым или наказанным дважды») Протокола № 7 также могут быть к ним применимы [Wilcox 2016: 53]⁸.

Статья 7 Конвенции отражает принцип *Nulla poena sine lege* («Нет наказания без устанавливающего его закона»). Для юридических лиц данное положение актуально особенно в тех национальных юрисдикциях, где предусмотрена корпоративная уголовная ответственность (Бельгия, Великобритания, Грузия, Испания, Италия, Литва, Украина и др.). По этой причине неудивительно, что ЕСПЧ с недавних пор предоставил юридическим лицам возможность обращаться в Суд в соответствии с указанным положением [Spielmann 2016: 408].

В силу ст. 8 ЕКПЧ каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции. На первый взгляд кажется, что эта норма Конвенции вряд ли может быть применима к юридическим лицам, и первоначально Европейская комиссия по правам человека придерживалась такой позиции. Так, в упомянутом ранее деле «Церковь сайентологии Парижа против Франции» Комиссия указывала, что «в отличие от статьи 9, статья 8 Конвенции носит скорее индивидуальный, чем коллективный характер, причем основной целью статьи 8 Конвенции является защита личности от произвольных действий со стороны государ-

⁷ ECtHR. *Granos Organicos Nacionales S. A. v. Germany*. Application № 19508/07. Judgment of 22 March 2012. § 48–53. См. также: Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (гражданско-правовой аспект) 2013. С. 19–20 // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_6_rus.pdf.

⁸ См. также позицию Суда по ст. 4 Протокола № 7 в деле: ECtHR. *Grande Stevens v. Italy*. Application № 18640/10. Judgment of 4 March 2014. § 228.

ственных властей»¹. Однако в последующие годы ЕСПЧ значительно изменил свой подход к применению ст. 8 ЕКПЧ.

Например, Суд включил в понятие «жилище» офис компании, управляемой частным лицом, зарегистрированный офис юридического лица, филиалы и другие коммерческие помещения², а также помещения газетного издания³ и нотариальной конторы⁴. В этом случае ЕСПЧ отталкивается не от английского слова *home*, а от французского *domicile*, которое, по мнению Суда, имеет более широкую коннотацию⁵.

В деле «Визер и компания „Бикос бетейлигунген ГмбХ“ против Австрии» ЕСПЧ признал, что юридические лица тоже обладают правом на уважение корреспонденции. Суд указал следующее: «Принимая во внимание приведенную выше прецедентную практику, распространяющую понятие „жилище“ на коммерческие помещения компании, Суд не видит причин проводить различие между первым заявителем, физическим лицом, и вторым заявителем, юридическим лицом, в отношении понятия „корреспонденция“»⁶.

Что касается свободы собраний и объединений в соответствии со ст. 11, то Комиссия указывала, что это положение может быть использовано организатором собрания, даже если им является юридическое лицо⁷.

Право на свободные выборы согласно ст. 3 Протокола № 1 было успешно реализовано, например, политической партией в деле «Российская консервативная партия предпринимателей против России»⁸, однако

до сих пор не ясно, могут ли юридические лица других видов обращаться в соответствии с этим положением [Wilcox 2016: 52].

Наконец, юридические лица вправе заявить требование о справедливой компенсации на основании ст. 41 ЕКПЧ, причем речь идет не только о материальной компенсации, но и о моральной. Так, в деле «Партия свободы и демократии против Турции» Суд указал, что политическая партия-заявитель может требовать возмещения морального вреда в качестве компенсации ее членам, считавшим себя потерпевшими от гонений на партию⁹. Некоторое время спустя Суд предоставил такую возможность и юридическим лицам. В деле «Комингерсол С. А. против Португалии» ЕСПЧ отметил, что компания-заявитель, ее директора и акционеры столкнулись со значительными неудобствами и находились в состоянии длительной неопределенности из-за национального судебного разбирательства, продолжавшегося сверх разумного срока – более 17 лет¹⁰ [см. также: Нешатаева, Старженецкий 2000].

На этом перечень прав, предоставляемых юридическим лицам Конвенцией, заканчивается. Однако о применимости к юридическим лицам некоторых положений ЕКПЧ Европейский Суд еще не высказал свою позицию. Это ст. 4 («Запрещение рабства и принудительного труда»), ст. 8 («Право на уважение частной и семейной жизни»), ст. 2 Протокола № 1 («Право на образование»).

В связи с этим интересна точка зрения В. Уилкокса. По ее мнению, нормы ст. 4 вряд ли будут применимы к юридическим лицам в связи с человеко-ориентированной позицией Суда по ст. 2 и 3 ЕКПЧ. То же относится и к праву на уважение частной и семейной жизни. Несмотря на то что ни одна компания еще не обращалась в Суд в связи с нарушением права на семейную жизнь, маловероятно, что данное положение ст. 8 применимо к юридическим лицам [Wilcox 2016: 41, 45].

В деле «Ассоциация за европейскую интеграцию и права человека и Экимджиев против Болгарии» Суд также с сомнением высказывался по поводу того, может ли быть

¹ European Commission of Human Rights. *Church of Scientology of Paris v. France*. § 2.

² ECtHR. *Niemietz v. Germany*. Application № 13710/88. Judgment of 16 December 1992. § 29–31; *Société Colas Est and Others v. France*. Application № 37971/97. Judgment of 16 April 2002. § 41; *Buck v. Germany*. Application № 41604/98. Judgment of 28 April 2005. § 31.

³ ECtHR. *Popovi v. Bulgaria*. Application № 39651/11. Judgment of 9 June 2016. § 103.

⁴ ECtHR. *Saint-Paul Luxembourg S. A. v. Luxembourg*. Application № 26419/10. Judgment of 18 April 2013. § 37.

⁵ ECtHR. *Niemietz v. Germany*. § 30.

⁶ ECtHR. *Wieser and Bicos Beteiligungen GmbH v. Austria*. Application № 74336/01. Judgment of 16 October 2007. § 45.

⁷ European Commission of Human Rights. *Association and H. v. Austria*. Application № 9905/82. Decision of 15 March 1984. P. 191.

⁸ ECtHR. *Russian Conservative Party of Entrepreneurs and Others v. Russia*. Applications № 55066/00 and 55638/00. Judgment of 11 January 2007. § 67.

⁹ ECtHR. *Freedom and Democracy Party (ÖZDEP) v. Turkey*. Application № 23885/94. Judgment of 8 December 1999.

¹⁰ ECtHR. *Comingersoll S. A. v. Portugal*. Application № 35382/97. Judgment of 6 April 2000.

чистая жизнь у юридических лиц¹. Следовательно, ЕСПЧ оставил открытым вопрос о том, существует ли в соответствии со ст. 8 Конвенции право юридических лиц на репутацию² – довольно важный элемент деятельности многих организаций³.

Статья 2 Протокола № 1 гарантирует не только доступ к образованию, но и право открывать частную школу и управлять ей. В этих случаях, как считает В. Уилкос, юридические лица могут обращаться в Суд, если было нарушено их право на предоставление образования [Wilcox 2016: 51–52; другую позицию см.: Сучкова 2011: 91].

Таким образом, юридические лица могут реализовать лишь часть конвенционных прав. Тем не менее нельзя исключать, что

в дальнейшем Европейский Суд расширит перечень их прав.

Заключение

Европейский Суд по правам человека работал обширную практику предоставления юридическим лицам собственных прав человека. В этом смысле позиция Суда является уникальной и расходится с позициями других международных правозащитных институтов. И хотя европейская система защиты прав человека не предоставляет юридическим лицам полного перечня конвенционных прав, все же нельзя утверждать, что права человека принадлежат лишь физическим лицам.

В то же время в современном международном правопорядке наблюдается своего рода парадокс: юридические лица обладают правами человека, могут защищать их на международном уровне, однако не могут быть привлечены к ответственности за их нарушение в отношении физических лиц. Инициативы ООН в сфере бизнеса и прав человека, согласно которым коммерческие предприятия несут ответственность за соблюдение прав человека, даже если государства не выполняют свои обязательства, сохраняются пока что на уровне мягкого права. Сегодня эта проблема остается малоизученной, особенно в российской науке, и нуждается в дальнейшем исследовании.

¹ ECtHR. *Association for European Integration and Human Rights and Ekimdzhev v. Bulgaria*. Application № 62540/00. Judgment of 28 June 2007. § 60.

² В деле «Радио Франции и другие против Франции» Суд указал: «Право на защиту своей репутации, безусловно, является одним из прав, гарантированных статьей 8 Конвенции, как один из элементов права на уважение частной жизни» (ECtHR. *Radio France and Others v. France*. Application № 53984/00. Judgment of 30 March 2004. § 31).

³ *Acheson D. Do Companies Have a Right to Reputation under the European Convention on Human Rights*. 2018 // URL: <https://inform.org/2018/06/19/do-companies-have-a-right-to-reputation-under-the-european-convention-on-human-rights-part-1-david-acheson/> (дата обращения: 22.09.2022).

Список литературы

- Ahmadov F.* The Right of Actio Popularis before International Courts and Tribunals. Leiden: Brill Nijhoff, 2018. 232 p.
- Cismas I.* Religious Organizations Under the European Convention Regime // *Religious Actors and International Law*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 378 p.
- Dopplinger L.* Legal Persons as Bearers of Rights Under the ECHR // *University of Vienna Law Review*. 2021. Vol. 5. № 1. P. 1–46.
- Emberland M.* The Human Rights of Companies. Oxford: Oxford University Press, 2006. 268 p.
- Gattini A.* Actio Popularis // *Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law*. 2019.
- Karski K., Ziemblicki B.* Commercial Companies as Applicants before the European Court of Human Rights // *International Community Law Review*. 2021. № 23. P. 503–525.
- Muijsenbergh W., Rezai S.* Corporations and the European Convention on Human Rights // *Global Business & Development Law Journal*. 2012. Vol. 25 Iss. 1. Art. 5. P. 43–68.
- Schabas W.* The European Convention on Human Rights: A Commentary. Oxford: Oxford University Press, 2015. 1308 p.
- Simmonds K.* The United Kingdom and the European Convention on Human Rights // *The International and Comparative Law Quarterly*. Vol 15. № 2. 1966. P. 539–541.
- Spielmann D.* Companies in the Strasbourg Courtroom // *Cambridge Journal of International and Comparative Law*. 2016. Vol 5. № 3. P. 404–417.

Steininger S., Bernstorff J. Who Turned Multinational Corporations into Bears of Human Rights? // *Contingency in International Law* / ed. by I. Venzke, K. Heller. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 281–296.

Voorhoof D. et al. Freedom of Expression, the Media and Journalists: Case-Law of the European Court of Human Rights. Strasbourg, 2017. 524 p.

Wilcox V. Company's Right to Damages for Non-Pecuniary Loss. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 288 p.

Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М.: Статут, 2003. 318 с.

Нешатаева Т. Н., Старженецкий В. В. Возмещение нематериального ущерба в пользу юридического лица в деле компании Комингерсоль против Португалии (решение Европейского Суда по правам человека от 6 апреля 2000 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 2.

Соболева А. К. Свобода выражения мнения, предпринимательство и недобросовестная конкуренция // Цивилист. 2011. № 4. С. 54–58.

Сучкова М. Есть ли у юридических лиц права человека: практика Европейского Суда по правам человека и других международных органов // Международное правосудие. 2011. № 1. С. 87–97.

Андрей Алексеевич Лунёв – аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: lunefff@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8714-5146

Human Rights and Legal Entities: the Paradox of Implementation in International Law

This paper is devoted to the concept of corporate human rights. It is argued that not only individuals, but also legal entities, are carriers of human rights. The author explores the history of the European Convention on Human Rights, analyzes the provisions of the document and focuses on the jurisprudence of the European Court of Human Rights. Nevertheless, the implementation by legal entities of their own human rights is limited so far to the European level. Other similar international human rights institutions – African and Inter-American, as well as the Committee on the Elimination of Racial Discrimination – take a different position, granting legal entities only the right to lodge an application (locus standi) in defense of third parties rather than protect their own human rights. In this regard, the European system of human rights protection is unique in this area. At the same time, however, even at the European level, legal entities do not enjoy all conventional rights as individuals. The author does not exclude that in the future, the European Court of Human Rights, under the doctrine of evolutionary interpretation, will expand the scope of the rights of legal entities.

Keywords: corporate human rights, the European Court of Human Rights, the European Convention on Human Rights, legal entities, the right to apply to a court, judicial practice

Recommended citation

Lunev A. A. Prava cheloveka i yuridicheskie litsa: paradoks realizatsii v mezhdunarodnom prave [Human Rights and Legal Entities: the Paradox of Implementation in International Law], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 49–60, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_49.

References

- Ahmadov F. *The Right of Actio Popularis before International Courts and Tribunals*, Leiden, Brill Nijhoff, 2018, 232 p.
- Cismas I. *Religious Organizations Under the European Convention Regime, Religious Actors and International Law*, Oxford, Oxford University Press, 2014, 378 p.
- Dopplinger L. Legal Persons as Bearers of Rights Under the ECHR, *University of Vienna Law Review*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 1–46.
- Emberland M. *The Human Rights of Companies*, Oxford, Oxford University Press, 2006, 268 p.
- Gattini A. *Actio Popularis*, *Max Planck Encyclopedia of International Procedural Law*, 2019.
- Karski K., Ziemblicki B. Commercial Companies as Applicants before the European Court of Human Rights, *International Community Law Review*, 2021, no. 23, pp. 503–525.
- Kozlova N. V. *Ponyatie i sushchnost' yuridicheskogo litsa. Ocherk istorii i teorii* [The Concept and Essence of a Legal Entity. Sketch of History and Theory], Moscow, Statut, 2003, 318 p.
- Muijsenbergh W., Rezai S. Corporations and the European Convention on Human Rights, *Global Business & Development Law Journal*, 2012, vol. 25, iss. 1, art. 5, pp. 43–68.
- Neshataeva T. N., Starzhenetskii V. V. *Vozmeshchenie nematerial'nogo ushcherba v pol'zu yuridicheskogo litsa v dele kompanii Komingersol' protiv Portugalii (reshenie Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 6 aprelya 2000 g.)* [Compensation for Non-Material Damage in Favor of a Legal Entity in the Case of Comingersol v. Portugal (Judgment of the European Court of Human Rights of April 6, 2000)], *Vestnik Vyshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, 2001, no. 2.
- Schabas W. *The European Convention on Human Rights: A Commentary*, Oxford, Oxford University Press, 2015, 1308 p.
- Soboleva A. K. *Svoboda vyrazheniya mneniya, predprinimatel'stvo i nedobrosovestnaya konkurentsia* [Freedom of Expression, Entrepreneurship and Unfair Competition], *Tsivilist*, 2011, no. 4, pp. 54–58.
- Spielmann D. Companies in the Strasbourg Courtroom, *Cambridge Journal of International and Comparative Law*, 2016, vol. 5, no. 3, pp. 404–417.
- Steininger S., Bernstorff J. *Who Turned Multinational Corporations into Bears of Human Rights?* Venzke I., Heller K. (eds.) *Contingency in International Law*, Oxford, Oxford University Press, 2021, pp. 281–296.
- Suchkova M. *Est' li u yuridicheskikh lits prava cheloveka: praktika Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka i drugih mezhdunarodnykh organov* [Do Legal Persons Have Human Rights: Practice of the European Court of Human Rights and Other International Bodies], *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2011, no. 1, pp. 87–97.
- Voorhoof D. et al. *Freedom of Expression, the Media and Journalists: Case-Law of the European Court of Human Rights*, Strasbourg, 2017, 524 p.
- Wilcox V. *Company's Right to Damages for Non-Pecuniary Loss*, Cambridge, Cambridge University Press, 2016, 228 p.

Andrey Lunev – postgraduate student of the Department of international law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: lunefff@yandex.ru.

ORCID: 0000-0001-8714-5146

Дата поступления в редакцию / Received: 23.09.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.10.2022

А. А. Костин

*Исследовательский центр частного права при Президенте РФ
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД Российской Федерации
(Москва)*

ИЗВЕЩЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОТВЕТЧИКА ПО ЭЛЕКТРОННОЙ ПОЧТЕ В РАМКАХ ИНОСТРАННОГО СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА*

В статье анализируется постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 23 декабря 2019 г. № Ф06-55840/2019 по делу № А12-20691/2019, в котором рассматривался вопрос о возможности извещения российского ответчика по электронной почте в рамках признания и приведения в исполнение решения кипрского суда. Автор отмечает, что вручение судебного извещения с учетом положений доктрины и правоприменительной практики надлежит считать актом суверенитета иностранного государства. Следовательно, государство вправе по своему усмотрению исключить использование определенных способов вручения судебного извещения в пределах собственной территории. Если международный договор допускает вручение согласно законодательству государства вынесения решения, то извещение иностранного ответчика (для целей признания и исполнения решения) должно осуществляться в порядке международной правовой помощи, а не в порядке, установленном национальным законодательством. В связи с этим подход к порядку извещения российского ответчика, сформулированный в указанном постановлении Арбитражного суда Поволжского округа, сложно признать до конца обоснованным.

Ключевые слова: *извещение иностранного ответчика, договор о правовой помощи, международный гражданский процесс*

Для цитирования

Костин А. А. Извещение российского ответчика по электронной почте в рамках иностранного судебного разбирательства // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 61–68. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_61.

УДК 347.9

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_61

Как известно, Российская Федерация при присоединении к Гаагской конвенции 1965 г. сделала оговорку, согласно которой на ее территории не допускается извещение сторон посредством: а) почтовых каналов; б) обращения судебных и должностных лиц к судебным, должностным или иным компетентным лицам государства вручения; в) обращения любых лиц, участвующих в судебном разбирательстве, к судебным, должностным или иным компетентным лицам государ-

ства вручения. Очевидно, что при ратификации указанного международного документа российский законодатель ориентировался на консервативный подход к регулированию порядка извещения [Шиминова 1971; Ginsburgs 1988], ранее сформулированный СССР при присоединении к Гаагской конвенции 1954 г.

В то же время в одном из действующих международных договоров с участием Российской Федерации – в Договоре между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам 1984 г. (далее – Договор между СССР и Кипром) – указывается, что иностранное судебное ре-

* Настоящее исследование подготовлено в рамках выполнения государственного задания, утвержденного Исследовательским центром частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации в ЕГИСУ НИОКТР 122032900039-1.

шение подлежит признанию в том случае, если сторона, против которой было вынесено судебное решение, была извещена в порядке, предусмотренном законодательством государства вынесения решения (подп. 2 ст. 24). Поскольку кипрское процессуальное законодательство в отдельных случаях допускает извещение стороны, находящейся в иностранном государстве, по электронной почте, возникает вопрос о соотношении указанных положений Договора и оговорки, сделанной Российской Федерацией применительно к ст. 10 Гаагской конвенции 1965 г. Подобная ситуация, в частности, возникла в практике Арбитражного суда Поволжского округа. В постановлении от 23 декабря 2019 г. № Ф06-55840/2019 по делу № А12-20691/2019 суд признал в качестве надлежащего извещение ответчика, находящегося в Российской Федерации, по электронной почте. Остановимся подробнее на фактических обстоятельствах данного дела.

В рамках разбирательства в Окружном суде Лимасола появилась необходимость в уведомлении ответчиков, находящихся на территории Российской Федерации. При определении способа извещения Окружной суд Лимасола удовлетворил ходатайство истца об извещении российских ответчиков путем «субститута вручения» – т. е. посредством извещения по известным адресам электронной почты, а одного из ответчиков – путем направления уведомления обычной почтой. Возможность извещения российского ответчика по электронной почте кипрский суд обосновывал ссылкой на раздел 9 Приказа 5 Правил гражданского судопроизводства Кипра: «В любом случае, когда суд сочтет, что по любой причине вручение, предусмотренное Правилом 2 настоящего Приказа, не будет своевременным или эффективным, суд может вынести постановление о субституте личного вручения, или ином вручении, или субституте уведомления о вручении любым способом, который будет признан справедливым и верным в соответствии с обстоятельствами»¹. По итогам рассмотрения дела кипрский суд удовлетворил требования истцов в полном объеме, в связи с чем возник вопрос о признании решения и приведении его в исполнение.

¹ Civil Procedure Rules. 2016 // URL: <http://www.cylaw.org/cpr.html> (дата обращения: 13.09.2022). См. также: [Kyriakides 2016: 2].

Арбитражный суд Поволжского округа отметил, что согласно подп. 2 ст. 24 Договора между СССР и Кипром «сторона, против которой вынесено решение, не явившаяся и не принявшая участия в процессе, была своевременно и надлежащим образом извещена по законам Договаривающейся Стороны, на территории которой вынесено решение». Поскольку разбирательство осуществлялось в Окружном суде Лимасола, российский суд пришел к выводу о том, что порядок извещения должен был регулироваться кипрским процессуальным законодательством (Правилами гражданского судопроизводства Кипра). Исходя из того, что кипрский суд располагал доказательствами извещения ответчика на момент вынесения решения, российский суд заключил, что ответчики были надлежащим образом извещены о времени и месте рассмотрения дела (подп. 2 ч. 1 ст. 244 АПК РФ). На основании изложенного решение кипрского суда было признано и приведено в исполнение в Российской Федерации. Определением Верховного Суда РФ от 23 апреля 2020 г. № 310-ЭС19-4805(2) по делу № А14-9675/2013 указанное постановление Арбитражного суда Поволжского округа было оставлено без изменений.

На первый взгляд может показаться, что логика Арбитражного суда Поволжского округа, а также Верховного Суда Российской Федерации при разрешении данного дела является безупречной. Российский суд буквально применил положения Договора между СССР и Кипром, согласно которым действительность извещения должна оцениваться по законодательству государства рассмотрения дела.

Вместе с тем полагаем, что руководствоваться здесь следовало ст. 4 Договора, согласно которой при оказании правовой помощи учреждения Договаривающихся Сторон сносятся друг с другом в дипломатическом порядке, а также ст. 8 Договора, в силу которой запрашиваемое учреждение вручает документы в соответствии с правилами вручения, действующими в его государстве, если документы, подлежащие вручению, составлены на его языке или снабжены заверенным переводом на этот язык. В связи с этим для целей применения соответствующих правил об извещении, на наш взгляд, необходимо разграничивать случаи, когда лицо находится

в государстве рассмотрения спора и в иностранном государстве. В обоснование данной точки зрения приведем следующие аргументы в пользу квалификации иностранного судебного извещения в качестве акта суверенитета иностранного государства.

Необходимость разработки отдельного свода правил, регулирующих порядок направления и вручения судебных извещений в иностранном государстве (т. е. отличающихся от правил направления и вручения судебных извещений в рамках «внутренних» судебных разбирательств), обосновывалась еще в XIX в.

Голландский ученый Тобиас Карел Ассер, стоявший у истоков создания Гаагской конференции по международному частному праву, писал, что исторически судебные извещения подлежали вручению государственными должностными лицами (фр. *officiers ministériels*), которые были вправе применить меры принуждения в случае отказа в принятии документов [Asser 1901: 144–148]. В силу указанного подхода (отождествление верховенства государства с его монополией на применение мер принуждения) судебное извещение не могло вручаться в отсутствие согласия соответствующего государства [Seresia 1901: 577; Ponsard 1963]. По этой причине передача судебных извещений для целей их вручения в иностранном государстве в XIX в., по общему правилу, осуществлялась в дипломатическом порядке [Droz, Pelichet, Dyer 1982: 167–168; Caratina 1982: 144].

Основываясь на такой практике, государства-участники Гаагской конференции по международному частному праву подписали Конвенцию о гражданском процессе 1896 г. (далее – Гаагская конвенция 1896 г.). Согласно ст. 1 Конвенции передача судебных извещений осуществляется в дипломатическом порядке (фр. *par la voie diplomatique*) за исключением тех случаев, когда иной порядок предусмотрен между органами двух государств. Наряду с этим в ст. 4 Гаагской конвенции 1896 г. говорилось, что изложенные положения не препятствуют извещению ответчика следующими способами: 1) путем направления документов непосредственно по почте; 2) путем непосредственного обращения к должностным лицам страны, где осу-

ществляется вручение; 3) путем обращения к дипломатическим и консульским агентам для целей вручения. Однако в той же статье специально указывалось, что в каждом конкретном случае передача судебных извещений по почте невозможна за исключением тех случаев, когда законодательство заинтересованных государств или конвенции, заключенные между ними, допускают подобный способ извещения.

В данном случае также нашел проявление подход, согласно которому вручение судебного извещения представляет собой акт территориального верховенства (фр. *porter atteinte*

Для целей применения соответствующих правил об извещении, на наш взгляд, необходимо разграничивать случаи, когда лицо находится в государстве рассмотрения спора и в иностранном государстве

à souveraineté) [Seresia 1901: 577; Cluzel 1911: 72]. Из этого следует, что государство вправе определять порядок извещения ответчика в пределах собственной территории и при необходимости исключить определенные способы извещения.

В целом аналогичный подход был воспроизведен в ст. 1 Гаагской конвенции 1905 г., согласно которой по гражданским или коммерческим делам извещение об актах, подлежащих вручению за границей, осуществляется в договаривающихся государствах по запросу консула запрашивающего государства, адресованному органу, который будет назначен запрашиваемым государством¹. Подобно Гаагской конвенции 1896 г. ст. 6 Гаагской конвенции 1905 г. допускала возможность извещения ответчика непосредственно по почтовым каналам, путем обращения к должностным лицам, а также путем обращения к консульским должностным лицам договаривающегося государства. В то же время, в отличие от Гаагской конвенции 1896 г., Гаагская конвенция 1905 г. устанавливала, что запрашиваемое государство не вправе исключать извещение стороны на его терри-

¹ Convention de La Haye, du 17 juillet 1905, relative à la procédure civile // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/the-old-conventions/1905-civil-procedure-convention> (дата обращения: 13.09.2022).

тории, при условии если его осуществляет консул государства гражданства данного лица без применения мер принуждения. В свою очередь указанные положения, регулирующие порядок передачи извещения для целей вручения иностранному ответчику, были без существенных изменений воспроизведены в Гаагской конвенции 1954 г.¹

Гаагская конвенция 1965 г.² тоже предусматривает в качестве основного способа передачи иностранного судебного извещения его передачу посредством взаимодействия центральных органов. Также был урегулирован порядок извещения консулами государства проведения судебного разбирательства (ст. 8). Наконец, подобно предшествующим международным договорам, Гаагская конвенция 1965 г. допускает направление судебных извещений посредством: а) почтовых каналов; б) возможности непосредственного обращения судебных или должностных лиц государства разрешения спора к судебным или должностным лицам государства вручения; в) путем обращения сторон к судебным или должностным лицам государства вручения. В то же время любое договаривающееся государство вправе заявить возражения против использования способов вручения, предусмотренных ст. 10 Гаагской конвенции 1965 г., что и было сделано Российской Федерацией³.

Анализ положений Гаагских конвенций (в том числе 1965 г.), касающихся гражданского процесса, свидетельствует о том, что квалификация вручения судебного извещения в качестве акта суверенитета является справедливой и сегодня [Magnanini 1988; Hawkins 2007]. В связи с этим обратим внимание на то, что «согласно традиционному германскому подходу вручение [судебных извещений] рассматривается в качестве акта суверенитета [Rasmussen-Bonne 2009: 240]. Аналогично с точки зрения Японского государства отдельные судебные акты иностран-

ных судов, такие как вручение судебных извещений и получение доказательств, рассматриваются как проявление суверенитета [Takeshita 2017].

В практике стран англо-американского права зачастую указывается, что иностранное судебное извещение обладает сугубо информативной функцией, в силу чего его вручение не затрагивает суверенитет соответствующего государства. Так, в решении Высокого суда Сингапура по делу *Pacific Assets Management Ltd and Others v. Chen Lip Keong* (2005 г.) отмечается, что судебное извещение, подлежащее вручению за границей, более не составляется в форме приказа (англ. *command*), поскольку не содержит указания на Президента Республики Сингапур и не заверяется или удостоверяется Верховным судьей Сингапура⁴. Подобный подход получил дальнейшее развитие в решении Верховного суда Великобритании по делу *Abella v. Baadarani* (2013 г.), в котором говорится, что квалификация вручения судебного извещения в качестве проявления суверенитета (англ. *assertion of sovereignty*) была бы внешне правдоподобной в соответствии с более ранней формой приказа о вручении («Мы повелеваем Вам...»)⁵. Однако, по мнению английского суда, данное действие в настоящее время является (и, возможно, являлось ранее) не более чем информированием об инициировании судебного разбирательства и позволяет ответчику решить, каким образом ему действовать в его собственных интересах.

На наш взгляд, подобная квалификация вручения судебного извещения противоречит подходу, согласно которому государство вправе определять порядок совершения определенных действий в пределах собственной территории и / или исключать возможность их совершения. Применительно к иностранным судебным разбирательствам это означает, что государство вправе устанавливать требования, предъявляемые к порядку вручения судебных извещений в пределах собственной территории, и отказывать в признании

¹ Конвенция по вопросам гражданского процесса: заключена в Гааге 1 марта 1954 г. (с изм. от 25 октября 1980 г.).

² Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам: заключена в Гааге 15 ноября 1965 г.

³ Declaration / Reservation / Notification // URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/notifications/?csid=418&disp=resdn> (дата обращения: 13.09.2022).

⁴ *Pacific Assets Management Ltd and Others v. Chen Lip Keong* [2005] SGHC 228 // URL: https://www.elitigation.sg/gdviewer/s/2005_SGHC_228 (дата обращения: 13.09.2022).

⁵ *Abela and others (Appellants) v. Baadarani (Respondent)* UKSC 44. 2013 // URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2012-0023.html> (дата обращения: 13.09.2022).

и (или) исполнении иностранных судебных решений в случае несоблюдения указанного порядка.

В свете изложенного полагаем, что более верным является подход к извещению иностранного ответчика, сформулированный Федеральным судом Швейцарии в решении от 1 июля 2008 г. по делу № 4A_161/2008¹. В данном судебном акте вручение судебного извещения характеризуется в качестве акта публичной власти иностранного государства (фр. *acte de puissance publique*), из чего следует, что извещение, осуществленное в нарушение международного договора, надлежит рассматривать как абсолютно ничтожное. Указанный подход получил поддержку в решении Федерального суда Швейцарии от 13 апреля 2016 г. по делу № 4A_364/2015². В документе говорится, что уведомление, совершенное в нарушение правил государства проживания, нарушает суверенитет этого государства и, следовательно, является недействительным (в отношении несоблюдения правил почтового уведомления, за исключением случаев, предусмотренных конвенцией или договором, ответчика в Швейцарии или ответчика за границу из Швейцарии).

Рассмотрев вопрос о квалификации иностранного судебного извещения в качестве акта суверенитета иностранного государства, проанализируем положения Договора между СССР и Кипром.

Согласно ст. 24 Договора решение, вынесенное судами договаривающихся государств, признается и исполняется при условии, если сторона, против которой вынесено решение, не явившаяся и не принявшая участия в процессе, была своевременно и надлежащим образом извещена по законам Договаривающейся Стороны, на территории которой вынесено решение. Однако означает ли это, что извещение, осуществленное в соответствии с кипрским процессуальным законодательством, должно автоматически признаваться надлежащим для целей при-

знания решения кипрского суда в Российской Федерации?

В связи с этим нужно отметить, что положения Договора одновременно охватывают следующие ситуации: а) когда ответчик находился в государстве вынесения решения; б) когда ответчик находился за пределами государства вынесения решения. Если в первом случае (нахождение стороны на Кипре) извещение должно осуществляться в соответствии с нормами кипрского процессуального законодательства, регулирующего порядок рассмотрения внутренних споров, то во втором случае (нахождение ответчика в Российской Федерации) – в порядке международной правовой помощи (ст. 8). Иной подход, как представляется, означал бы утрату Российской Федерацией части суверенитета в области осуществления правосудия, включая право определять порядок извещения стороны в пределах собственной территории.

Кроме того, признание извещения по электронной почте надлежащим способом извещения (ст. 244 АПК РФ, ст. 412 ГПК РФ) ставит иностранного истца в привилегированное положение по отношению к российским участникам судебного разбирательства, поскольку извещение по электронной почте российским процессуальным законодательством в целом не допускается. Как представляется, в данном случае российскому суду следовало руководствоваться принципом *lex fori*, согласно которому сторона в силу своего национального процессуального законодательства не должна пользоваться большими преимуществами, чем иные истцы в данном государстве (решение Палаты Лордов по делу *De la Vega v. Viana* (1830 г.)³).

Сформулируем основные выводы.

В постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 23 декабря 2019 г. № Ф06-55840/2019 по делу № А12-20691/2019 указывается, что извещение российского ответчика по электронной почте является надлежащим способом, поскольку соответствует подп. 2 ст. 24 Договора между СССР и Кипром 1984 г. Такой подход представляется не в полной мере оправданным, поскольку согласно доктрине и правоприменительной практике (иностранной) су-

¹ BGer 4A_161/2008 vom 01.07.2008 Tribunale federale {T 0/2} 4A_161/2008/ech Arrêt du 1er juillet. 2008 // URL: https://www.servat.unibe.ch/Dfr/bger/2008/080701_4A_161-2008.html (дата обращения: 13.09.2022).

² BGer 4A_364/2015 vom. 13.04.2016 // URL: https://www.servat.unibe.ch/dfr/bger/2016/160413_4A_364-2015.html (дата обращения: 13.09.2022).

³ *De la Vega v. Viana* (1830) 1 B and Ad. 284 (8 L. J. K. B. 388). См. также: [Castel 1970: 603].

дебное извещение рассматривается в качестве акта суверенитета иностранного государства. Полагаем, что в подобном случае извещение российского ответчика должно

осуществляться в порядке правовой помощи. Иное означало бы утрату суверенитета Российской Федерации в области осуществления правосудия.

Список литературы

Asser T. M. La Codification du droit international prive La convention de la Haye du 14 novembre 1896 relative a la procedure civile. Harlem: F. Bohn, 1901, 160 p.

Capatina O. L'entraide judiciaire internationale en matiere civile et commerciale // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1984. Vol. 179. P. 305–412.

Castel J.-G. Procedure and the Conflict of Laws // McGill Law Journal. 1970. Vol. 16. № 4. P. 603–632.

Cluzel G. Commentaire de la Nouvelle Convention de la Haye de 1905 sur la Procedure Civile // Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee. 1911. Vol. 38. № 1-2. P. 72–85.

Droz G. A. L., Pelichet M., Dyer A. La Conférence de La Haye de droit international privé vingt-cinq ans après la création de son Bureau permanent: Bilan et perspectives // The Hague Academy Collected Courses. Brill, Nijhof, 1980. Vol. 168. P. 123–268.

Ginsburgs G. The Soviet Union and International Cooperation in Legal Matters. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1988. Pt. I: Recognition of Arbitral Agreements and Execution of Foreign Commercial Arbitral Awards. 192 p.

Hawkins R. J. Dysfunctional Equivalence: The New Approach to Defining Postal Channels under the Hague Service Convention // UCLA Law Review. 2007. Vol. 55. № 1. P. 205–245.

Kyriakides N. Civil Procedure Reform in Cyprus: Looking to England and Beyond // Oxford University Commonwealth Law Journal. 2016. Vol. 16. № 2. P. 262–291.

Magnarini G. A. Service of Process Abroad under the Hague Convention // Marquette Law Review. 1988. Vol. 71. № 3. P. 649–702.

Rasmussen-Bonne H.-E. The Pendulum Swings Back: The Cooperative Approach of German Courts to International Service of Process // Resolving International Conflicts / ed. by P. Hay, L. Vékás, Y. Elkana, N. Dimitrijevic. Central European University Press, 2009. P. 231–254.

Ponsard A. La Convention de La Haye du 1er mars 1954 relative à la procédure civile // Travaux du Comité français de droit international privé. 1963. № 21-23. P. 39–66.

Seresia A. Convention de la Haye du 14 Novembre 1896 relative a la procedure civile // Revue de Droit International et de Legislation Comparee. Bruxelles, 1901. P. 569–593.

Takeshita K. Sovereignty and National Civil Procedure: An Analysis of State Practice in Japan // Journal of East Asia and International Law. 2016. № 9. P. 361–362.

Шиминова М. Я. Гагская конвенция по вопросам гражданского процесса и ее действие в СССР // Проблемы государства и права на современном этапе: труды аспирантов и молодых ученых / отв. ред. В. Ф. Коток. М.: Ин-т гос-ва и права АН СССР, 1971. Вып. IV. С. 132–139.

Александр Алексеевич Костин – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела сравнительного и международного частного права Исследовательского центра частного права при Президенте РФ. Российская Федерация, 103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2. Доцент кафедры международного частного и гражданского права Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Российская Федерация, Москва, пр-т Вернадского, д. 76. E-mail: a.kostin@k-legal.ru.

ORCID: 0000-0001-7150-1652

Notification of the Russian Defendant by E-mail in Foreign Proceedings

The article analyzes the Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated December 23, 2019 no. Ф06-55840/2019 in case no. A12-20691/2019, which considered the possibility of notifying the Russian defendant by e-mail as a part of the recognition and enforcement of the decision of the Cypriot court. The author notes that the delivery of a judicial notice, taking into account the provisions of the doctrine and law enforcement practice, should be considered as an act of sovereignty of a foreign state. Therefore, a state may, at its discretion, exclude the use of certain methods of notifying within its own territory. If an international treaty allows notifying under the law of the state, where the decision is issued, then notifying the foreign defendant (for the purposes of recognition and enforcement) should be carried out in the manner of international legal assistance, and not in the manner established by the national legislation. Thus, the approach to notifying the Russian defendant, formulated in the said Resolution of the Arbitration Court of the Volga District, is difficult to recognize as fully justified.

Keywords: notifying the defendant, international treaty on assistance in civil and commercial matters, international civil procedure

Recommended citation

Kostin A. A. Izveshchenie rossiiskogo otvetchika po elektronnoi pochte v ramkakh inostrannogo sudebnogo razbiratel'stva [Notification of the Russian Defendant by E-mail in Foreign Proceedings], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 61–68, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_61.

References

Asser T. M. *La Codification du droit international prive La convention de la Haye du 14 novembre 1896 relative a la procedure civile*, Harlem, F. Bohn, 1901, 160 p.

Capatina O. L'entraide judiciaire internationale en matiere civile et commerciale, *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, 1984, vol. 179, pp. 305–412.

Castel J.-G. Procedure and the Conflict of Laws, *McGill Law Journal*, 1970, vol. 16, no. 4, pp. 603–632.

Cluzel G. Commentaire de la Nouvelle Convention de la Haye de 1905 sur la Procedure Civile, *Journal du Droit International Prive et de la Jurisprudence Comparee*, 1911, vol. 38, no. 1-2, pp. 72–85.

Droz G. A. L., Pelichet M., Dyer A. La Conférence de La Haye de droit international privé vingt-cinq ans après la création de son Bureau permanent: Bilan et perspectives, *The Hague Academy Collected Courses*, 1980, vol. 168, pp. 123–268.

Ginsburgs G. *The Soviet Union and International Cooperation in Legal Matters*, Dordrecht, Martinus Nijhoff, 1988, pt. 1, 192 p.

Hawkins R. J. Dysfunctional Equivalence: The New Approach to Defining Postal Channels under the Hague Service Convention, *UCLA Law Review*, 2007, vol. 55, no. 1, pp. 205–245.

Kyriakides N. Civil Procedure Reform in Cyprus: Looking to England and Beyond, *Oxford University Commonwealth Law Journal*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 262–291.

Magnarini G. A. Service of Process Abroad under the Hague Convention, *Marquette Law Review*, 1988, vol. 71, no. 3, pp. 649–702.

Ponsard A. La Convention de La Haye du 1er mars 1954 relative à la procédure civile, *Travaux du Comité français de droit international privé*, 1963, no. 21-23, pp. 39–66.

Rasmussen-Bonne H.-E. *The Pendulum Swings Back: The Cooperative Approach of German Courts to International Service of Process*, Hay P., Vékás L., Elkana Y., Dimitrijevic N. (eds.) *Resolving International Conflicts*, Central European University Press, 2009, pp. 231–254.

Seresia A. Convention de la Haye du 14 Novembre 1896 relative a la procedure civile, *Revue de Droit International et de Legislation Comparee*. Bruxelles, 1901, pp. 569–593.

Shiminova M. Ya. *Gaagskaya konventsiya po voprosam grazhdanskogo protsessa i ee deistvie v SSSR* [The Hague Convention on Civil Procedure and its Operation in the USSR], Kotok V. F. (ed.) *Problemy gosudarstva i prava na sovremennom etape: Trudy aspirantov i molodykh uchenykh* [Problems of State and Law at the Present Stage: Proceedings of Graduate Students and Young Scientists], Moscow, In-t gos-va i prava AN SSSR, 1971, vol. IV, pp. 132–139

Takeshita K. Sovereignty and National Civil Procedure: An Analysis of State Practice in Japan, *Journal of East Asia and International Law*, 2016, no. 9, pp. 361–362.

Alexander Kostin – candidate of juridical sciences, senior researcher of the Department of comparative and international private law, Private Law Research Center. 103132, Russian Federation, Moscow, Ilyinka st. 8, bld. 2. Associate professor of the Department of private international and civil law, Moscow State University of International Relations. 119454, Russian Federation, Moscow, Vernadskogo ave., 76. E-mail: a.kostin@k-legal.ru.

ORCID: 0000-0001-7150-1652

Дата поступления в редакцию / Received: 08.09.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 10.10.2022

М. Тескаро

Университет Вероны
(Верона, Италия)

НАСЛЕДОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ГОСУДАРСТВОМ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РИМСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Проблема невостребованной доли наследственного имущества является актуальной для всех правопорядков, так как ее решению зачастую не способствует даже включение в круг наследников по закону неограниченного числа родственников. В связи с этим важным представляется изучение порядка регулирования выморочного имущества, который, в свою очередь, отличается в зависимости от государства.

Если говорить о наследовании имущества государством, нужно принять во внимание то, что существуют правопорядки, следующие римской правовой традиции. В последнее время они претерпели значительные реформы (как, например, право Бразилии), но остаются верными публично-правовому подходу, зародившемуся в эпоху Средневековья и продолжившему развитие в праве Франции, а впоследствии нашедшему подтверждение, пусть даже лишь с точки зрения международного частного права, в Регламенте ЕС о трансграничном наследовании 2012 г. По мнению автора, в будущем необходимо отдать предпочтение противоположной частноправовой концепции, характерной для права Германии, Испании и Италии (и это только некоторые среди многих других государств романо-германской правовой системы, воспринявших упомянутую концепцию). Данную позицию можно обосновать, если взглянуть на проблему сквозь призму сравнительно-исторического подхода, таким образом отдавая дань положениям римского права и при этом адаптируя их к современным реалиям.

Ключевые слова: наследственное право, наследование по закону, наследование в пользу государства, европейское частное право, традиции римского права

Для цитирования

Тескаро М. Наследование имущества государством сквозь призму римской правовой традиции // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 69–86. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_69.

УДК 347.6

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_69

Введение

В истории права и сравнительного правоведения всегда существовала и остается актуальной проблема невостребованной доли наследственного имущества. Решить ее невозможно даже путем включения в круг наследников по закону неограниченного числа родственников [Zimmerman 2016: 59], так как у наследодателя их может попросту не оказаться или потенциального наследника будет достаточно сложно отыскать [Ibid: 55], даже несмотря на все более и более возрастающую активность «охотников за наследством»¹.

Кроме того, могли бы возникнуть проблемы в связи с возможностью перехода наследства в пользу «смеющихся наследников» (лиц, которые *de jure* являются наследниками по закону, однако находятся в настолько дальнем родстве с умершим, что не имели с ним никакой личной связи и, следовательно, не чувствуют скорби из-за его смерти).

Исследователи говорят о том, что достаточно сложно оценить частотность случаев, в которых имущество остается невостребованным [Comparative Succession Law 2015: 478]. А. Рётель проводит противоположные данные, в соответствии с которыми

¹ См. в судебной практике Италии: Cass., 14 maggio 2014, no. 10397 (Jus civile. 2015. P. 550 ss.). См. также су-

дебную практику Германии: [Olzen, Looschelders 2017: 59; Brox, Walker 2018: 54].

в 2006 г. в Гамбурге из 17 тыс. открывшихся наследств около 100 остались невостребованными [Röthel 2007: 193]. Во Франции в 2015 г. Главное управление государственных финансов зарегистрировало 25 тыс. случаев невостребованного наследниками или выморочного имущества [Housseir 2018: 107]. Так или иначе, вопрос перехода имущества в пользу государства приобретает все большую актуальность, в особенности в условиях экономического кризиса. В Испании в последнее время участились случаи перехода наследственного имущества в пользу государства, так как потенциальные наследники отказываются от наследования во избежание выплаты налога на наследство или ответственности по долгам наследодателя. Например, в 2007–2012 гг. число отказов выросло вдвое, с 11 047 до 23 228, а в 2014 г. и вовсе увеличилось в три раза и составило 34 319 случаев [Cámara Lapuente 2015: 112].

Традиционно применяются два подхода к разрешению указанной ситуации [Cicu 1947: 205]. Первый – публично-правовой, уходящий корнями в эпоху Средневековья и получивший развитие в праве Франции. В соответствии с ним государство получает невостребованное имущество в силу своих суверенных полномочий. Второй подход – частноправовой, характерный для римского права [Catalano 1974]¹ (в котором невостребованное имущество переходило к *heredis loco*) и впоследствии развившийся в праве Германии. Он сосредоточивает внимание на роли государства в качестве наследника.

Современное итальянское законодательство при решении вопроса о невостребованном имуществе в большей степени склоняется к частноправовой концепции, хотя и не в полной мере разграничивает понятия невостребованного и выморочного имущества, что можно прояснить лишь после подробного изучения римской традиции.

В данной статье рассматривается также законодательство Испании, придерживающееся римской традиции и представляющее интерес с точки зрения сравнительно-правового анализа, так как содержит достаточно ценные положения, касающиеся вопроса о соотношении невостребованного и выморочного иму-

щества. Кроме того, проводится анализ бразильского законодательства, которое недавно претерпело реформы (что могло бы означать появление новых подходов к решению исследуемого вопроса) и продолжает демонстрировать приверженность публично-правовой концепции. В последнюю очередь автор обращается к ст. 33 Регламента ЕС № 650/2012 о наследовании. Ее анализ позволит сделать вывод о целесообразности применения к решению проблемы, поставленной в исследовании, частноправового подхода, учитывающего и наследие римского права, и темпы развития современного права.

Римское право и получение наследства в качестве *heredis loco*

В римском праве для распоряжения невостребованным имуществом, в отношении которого не объявилось ни наследников, ни *bonorum possessors* (или имущество так или иначе не было истребовано у них), был учрежден институт *usucapio pro herede*. В силу него обращение невостребованного имущества, считавшегося ничейным (*nullius*), в свое владение каким бы то ни было лицом, даже недобросовестно, не составляло хищения, и спустя год такое лицо приобретало право собственности на соответствующее имущество [Garcia Garrido 1996: 511; Dusi 1891: 386].

В силу наличия многочисленных пробелов в праве в античную эпоху невостребованное имущество, как и ничейное имущество, не защищалось законом. Логично предположить, что в начальный период развития римского права наследственное имущество, по аналогии с *res nullius*, переходило к лицу, которое первым завладело имуществом. Подобная норма соотносилась с присущим римскому обществу индивидуализмом; например, в рамках международного права действовал принцип «Добыча – лучший способ приобретения права собственности» (*Maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent*). Однако в сфере частного права главенствовал принцип общности имущества, если отсутствовало лицо, обеспечивавшее его защиту и сохранность. Со временем отсутствие регулирования способов приобретения права собственности на наследственное имущество было признано несправедливым, и пробелы были устранены. В первую очередь было запре-

¹ При этом отметим, что желательно избегать использования современного понятия «государство» в отношении государства в эпоху действия римского права.

щено приобретение права собственности на наследственное имущество лицом, первым завладевшим имуществом, за исключением случаев, когда такое лицо не было осведомлено о том, что приобрело имущество недобросовестно, и владело им больше года.

В республиканскую эпоху характер способа приобретения права собственности в силу давности фактического владения (*usucapio*) изменился, в связи с чем приобретение всего объема наследственной массы указанным выше путем стало невозможным, и положение сохранило силу только в отношении отдельных предметов имущества. В свою очередь, кредиторам умершего, не оставившего наследников (*cui heres non extabit*), преторский эдикт предоставил право обращения взыскания на невостребованное имущество с целью его реализации путем продажи (*bonorum venditio*). С принятием в XVIII в. до н. э. закона Августа о браке сословий (*Lex Julia de Maritandis Ordinibus*) при отсутствии взыскания со стороны кредиторов и при превышении стоимости имущества над размером долга наследодателя¹ был предусмотрен переход невостребованного наследственного имущества (*bona vacantia*) в государственную казну («эрарий римского народа», *aerarium*), а позднее, в эпоху Каракаллы, – в императорскую казну (фиск, *fiscus*) [Astolfi 1965; Voci 2004: 597].

Данный подход также действовал в классический и постклассический периоды развития римского права за некоторыми исключениями. Невостребованное имущество не всегда переходило в императорскую казну, а могло передаваться определенному сообществу или органу, к которым принадлежал или с которыми был тем или иным образом связан умерший. Например, имущество военного подлежало переходу его военной части, имущество членов городского совета – Сенату (*curia*), а также в зависимости от рода деятельности умершего лица – профессиональным объединениям, к примеру пекарей, моряков и т. п. Имущество священнослужи-

телей, епископов и монахов передавалось соответствующей церкви или монастырю².

Таким образом, в римском праве, во всяком случае в основные периоды его развития, предполагалось, что невостребованное наследственное имущество переходит (согласно известной правовой максиме *Fiscu post omnes* («Государственная казна (в качестве должника) – на последнем месте». – прим. пер.) в государственную казну, а впоследствии – в императорскую [Velo Dalbrenta 2018: 8; Talamanca 1990: 679; Guarino 2001: 490]. При этом в правовой доктрине нет единодушного согласия относительно правовой природы подобного перехода. Причиной сказанному частично может служить тот факт, что наиболее известные источники римского права более поздних периодов, регулирующие наследование по закону, а именно новеллы 118 и 127 Юстиниана I, не предусматривали наследование имущества государством [Zimmerman 2016: 55].

В римском праве, во всяком случае в основные периоды его развития, предполагалось, что невостребованное наследственное имущество переходит в государственную казну, а впоследствии – в императорскую

Точка зрения, к которой склоняются, кроме прочих [Mengoni 1999: 216; Lovato, Puliatto, Solidoro 2017: 746], немецкие правоведы, заключается в том, что государственная казна в Древнем Риме являлась не наследником в истинном смысле, а универсальным правопреемником, к которому имущество переходило «вместо наследника по закону» [Savigny 1898: 319]. Таким образом, в данном случае можно говорить об универсальном правопреемстве согласно нормам частного права, а не о наследовании по закону, поскольку в римском праве в число наследников изначально могли входить лишь строго определенные лица – *domestici heredes*

¹ Государство приобретало только наследство, в котором имущество превышало долги, распределяло завещательные отказы и платило по долгам. В противном случае наследственная масса переходила в пользу кредиторов [Voci 2004: 597]. Если пассивы преобладали над активами, государство уступало наследственное имущество кредиторам, которые реализовывали его путем продажи (*bonorum venditio*) [Guarino 1997: 490].

² О развитии положений римского права в рассматриваемом вопросе см.: [Lovato, Puliatto, Solidoro 2017: 629, 633, 637, 670, 746], где освещается проблема налога на наследство в размере 5 %, который был установлен императором Августом (*lex de vicesima hereditatum*), увеличен до 10 % Каракаллой и упразднен в эпоху Юстиниана.

(т. е. лица, входившие в состав *familia* умершего. – прим. пер.) [Mengoni 1999: 216; Coviello 1937: 273; Lovato, Puliatti, Solidoro 2017: 657]. Позднее вследствие более широкого толкования центральную роль в определении права наследования стало играть кровное родство с наследодателем [Lovato, Puliatti, Solidoro 2017: 660].

Следует также отметить позицию меньшинства правоведов, согласно которой невостребованное имущество (*bona vacantia*) переходило в императорскую казну в случае первоначального приобретения права собственности на вещь, созданную в результате выполнения определенной работы (понятие достаточно противоречивое с формальной точки зрения), в соответствии с принципами публичного права, основанными на суверенитете народа или императорской власти [Barassi 1947: 243].

Подобный подход, представляющийся в какой-то степени некорректным с точки зрения римского права, зародился в эпоху Средневековья и соотносился с принципами феодального общества. Действительно, в этот исторический период невостребованное имущество переходило в пользу суверена, что соотносилось как с публично-правовым пониманием концепции верховенства государственной власти, так и с частноправовым принципом, предусматривающим право государства на отчуждение частной собственности, что рассматривалось как способ увеличения объема государственного имущества в результате прекращения права пользования, временно предоставленного тому или иному лицу [Vagni 2018: 284], и, таким образом, являлось приобретением земли в пользу государства. Строго говоря, указанный принцип должен определяться как *consolidation* [Trabucchi, Rasi Caldugno 1971: 784; Rizzuti 2015: 453] (или *consolidamento*) [Mosconi, Campiglio 2016: 278]. Иногда он называется привилегированным правом оккупации [Mengoni 1999: 217].

В любом случае, анализируя многолетнюю практику употребления понятий привилегированного права оккупации и *consolidatio*, можно сделать вывод о том, что это варианты обозначения одной и той же концепции, в основе которой лежит публично-правовой подход [Mengoni 1999: 237], и

главной его чертой является отличие от частноправового подхода [Vagni 2018: 283].

Л. Менгони утверждает, что понятие приобретения *jus occupationis* (захват ничейной вещи. – прим. пер.) является не чем иным, как вариантом обозначения понятия приобретения с целью объединения (*consolidatio*) имущества, находившегося во владении частных лиц с государственным имуществом [Mengoni 1999: 237].

Л. Вагни разграничивает два подхода так: «Согласно первой теории невостребованное имущество переходит в пользу государства в случае отсутствия иных наследников. Подобный переход осуществляется в рамках частноправовых отношений и в силу действия норм наследственного права, если иное не предусмотрено законом. Напротив, вторая теория основывается на том, что в случае отсутствия наследников невостребованное имущество приобретает государство в силу его права отчуждения имущества частных лиц, находящегося на территории данного государства. Таким образом, государство приобретает первоначальный титул на имущество, что выступает проявлением суверенной власти государства» [Vagni 2018: 283].

П. Вотелет и М. Сальвадори пишут, что в соответствии с одним из подходов к наследованию невостребованного имущества государство может считаться наследником *sui generis* и в подобном случае наследовать наравне с другими наследниками в качестве конечного бенефициара. В иных правовых порядках право государства на приобретение невостребованного имущества не относится к институту наследственного права, а, напротив, считается преимущественным правом государства и, соответственно, рассматривается в качестве института публичного права. Таким образом, государство приобретает наследственное имущество в силу своего государственного суверенитета [Wautelet, Salvadori 2015: 435].

Также можно процитировать труды германских правоведов, указывающих, что «международное частное право различает два подхода – приобретение невостребованного имущества в соответствии с положениями наследственного права государства, а также в силу права государства на присвоение имущества» [Lange, Tischer 2017: 196].

Публично-правовой подход в праве Франции

Публично-правовой подход к решению рассматриваемого вопроса и отрицание того факта, что государство может считаться наследником умершего лица, продолжили распространяться в эпоху Нового времени, в особенности в результате публикации соответствующих трудов юристов Ж. Дома и Р.-Ж. Потье, главным образом (но не только) во Франции, где традиционно и вплоть до сегодняшнего дня используется формулировка *droit de déshérence* (право государства на выморочное имущество), произошедшая от латинского *deest heres* (отсутствующий наследник) [Baudry-Lacantinerie 1910: 440]. Она означает, что государство присваивает невостребованное наследственное имущество (см. актуальную формулировку в ст. 811 ГК Франции) в силу своих полномочий по охране государственного правопорядка – *droit de police générale* [Planiol, Ripert 1956: 237].

Понятие *droit de déshérence*, возможно, с учетом исторического периода основания французского государства¹, основывается на средневековой идее о праве государства на отчуждение частной собственности [Terré, Lequette, Gaudemet 2013: 209], хотя соответствующая реформа и была проведена в 1958 г., четко разграничив положение государства и всех иных наследников² и более не обозначая государство в качестве правопреемника в случае отсутствия наследников (*successore irregolare*) (при том что подобное обозначение продолжает фигурировать в доктрине) [Houssier 2018: 72, 76; Terré, Lequette, Gaudemet 2013: 211].

Указанный подход был применен уже в первоначальной редакции ст. 539 Гражданского кодекса, предусматривавшей, что все имущество, бесхозное и не имеющее собственника, а также имущество лиц, которые не оставили наследников или чье имущество после смерти осталось невостребованным,

¹ Схожую точку зрения см.: [Mengoni 1999: 237].

² Фактически в результате данной реформы все правопреемники, предусмотренные Гражданским кодексом 1804 г. на случай отсутствия у наследодателя законных наследников, получили статус наследников как таковых, за исключением государства, которое могло бы, однако, впредь считаться единственным правопреемником в случае отсутствия наследников или, что более вероятно, не обладать даже подобной характеристикой [Terré, Lequette, Gaudemet 2013: 209].

принадлежит государству. Статья 713 продолжает отражать названный подход, в том числе в результате внесения в нее последних изменений Законом от 13 августа 2004 г. № 809. Она гласит: «Имущество лиц, которые не оставили наследников или чье имущество осталось невостребованным, принадлежит государству».

Все соответствующие статьи Гражданского кодекса выверены таким образом, чтобы не было ни единой возможности толкования их в пользу роли государства в качестве бенефициара вследствие наследственного правопреемства. Например, ст. 768 до принятия Закона от 23 июня 2006 г. № 728 предусматривала, что «наследственное имущество приобретается (*est acquise*) государством», намеренно не используя слово *dévolue* («переходить в порядке наследственного правопреемства») [Mengoni 1999: 223]. Такая же формулировка присутствует сегодня в ст. 724 (в результате принятия Закона от 3 декабря 2001 г. № 1135). В данной норме тоже четко разграничиваются «наследники по закону» и «наследники по завещанию и дарополучатели в порядке универсального правопреемства» [Ibid].

Таким образом, французское право признает концепцию *succession aux biens*, что в определенном смысле подразумевает универсальное правопреемство со стороны государства, которое, однако, не является наследственным правопреемством и которое зачастую (но не всегда) не влечет за собой решение вопроса о выплате долгов наследодателя [Yildirim 2013]³. Хотя закон и не требует соблюдения подобной последовательности (что позволило бы государству незамедлительно, а точнее, в соответствии со ст. 771 Гражданского кодекса как минимум по прошествии четырех месяцев с момента открытия наследства, объявить имущество выморочным) [Yildirim 2013], по общему правилу наслед-

³ Г. Йилдирим уточняет, что государство может быть призвано в качестве должника по обязательствам наследодателя в пределах стоимости приобретенного имущества (без необходимости каких-либо заявлений или процедур для уменьшения объема своих обязательств *intra vires*, так как соответствующие ограничения проистекают из факта приобретения наследственного имущества в качестве суверена, а не наследника). Автор, однако, добавляет, что вопроса о выплате долгов наследодателя государством часто не возникает, поскольку имущество переходит в его пользу в результате процедуры признания имущества выморочным, в рамках которой и решается вопрос о долгах наследодателя.

ственное имущество, не востребованное наследниками умершего, подвергается процедуре признания такого имущества выморочным.

Данная процедура проводится государством с 1940 г., после реформы по лишению частных агентов соответствующего права, с тем чтобы государство могло управлять не востребованным наследственным имуществом и удовлетворить требования кредиторов умершего (речь, очевидно, идет о временном управлении, что является действием, входящим в компетенцию государства, – *intra vires*) [Leroyer 2020: 138; Yildirim 2013]. Если по итогам такой процедуры в наследственном имуществе останутся активы [Grimaldi 2017: 185]¹, они признаются выморочным имуществом [Yildirim 2013]. Таким образом, государство не обладает правом на так называемую сезину², напротив, оно в судебном порядке вступает во владение и окончательно приобретает права на оставшиеся активы [Ibid].

Исключения составляют случаи, при которых в течение 10 лет с момента открытия наследства (срок исковой давности, который может быть прерван или приостановлен) наследник принимает наследство в соответствии со ст. 811-2 Гражданского кодекса, и государство обязано вернуть наследнику (или наследникам) имущество, полученное им в результате процедуры обращения в свою пользу не востребованного наследственного имущества [Ibid]. Однако в результате реформы, проведенной Законом от 23 июня 2006 г. № 728, государство может прибегнуть к *actio interrogatoria* (иск, основывающийся на признании ответчиком или противником известных фактов или обстоятельств. – прим. пер.) в отношении наследников, не определившихся в вопросе принятия наследства или отказе от него (согласно ст. 771 Гражданского кодекса).

¹ Процедуру объявления имущества выморочным нельзя путать с процедурой приобретения государством не востребованного наследственного имущества, так как процедура объявления имущества выморочным подразумевает возможность управления им, а процедура приобретения государством не востребованного имущества – это окончательное закрепление прав государства на такое имущество.

² *Saisine* – автоматический переход наследственного имущества в собственность наследника. Об этом ключевом для французского права понятии см.: [Houssier 2018: 110], где уточняется, что право на сезину включает в себя набор прав, принадлежащих определенным наследникам, – *successieurs saisis*. Так, наследники могут принять наследственное имущество, получая права владения, управления и распоряжения им.

Традиционный для французского права подход был еще раз подчеркнут и подтвержден в Законе от 23 июня 2006 г. № 728, который закрепил понятия «невостребованное имущество» и «выморочное имущество» в разных статьях (ст. 809–811-3) одной и той же главы Гражданского кодекса.

Частноправовой подход в праве Германии

В результате упразднения системы феодализма с присущим ей правом государства на отчуждение частной собственности прежняя роль государства в анализируемом нами вопросе могла рассматриваться только сквозь призму понятия привилегированного права оккупации. Так как для осуществления подобного права наследственная масса не должна быть обременена долгами, представляется, что государство может стать наследником в результате процедуры ликвидации наследства (она заключается в призывании к наследству наследников по закону и по завещанию, определении состава наследственной массы и выплате долгов. – прим. пер.). Данный подход, который, как мы говорили, предусмотрен, в частности, правом Франции, был изучен, но отвергнут еще на стадии подготовки Германского гражданского уложения (ГГУ), поскольку он может быть связан с определенными рисками, например с обнаружением иного наследственного имущества после завершения процедуры ликвидации [Mengoni 1999: 224].

Надо сказать, что в рассматриваемом вопросе важную роль сыграли пандектисты, первыми [Vagni 2018: 285] разработавшие частноправовой подход, соответствующим образом истолковав положения римского права [Zimmerman 2015: 194]³. Кроме того, произошел отказ от типичного для римского права строгого подхода к квалификации лица в качестве наследника (которым в Новое время уже является любое лицо, наследующее в рамках универсального правопреемства) [Mengoni 1999: 216; Cicu 1927: 160]. Это позволило устранить препятствия к восприятию государства в качестве наследника в случае приобретения им не востребованного имущества.

³ Р. Циммерман излагает позицию Готфрида фон Шмитта при подготовительных работах к принятию ГГУ и подчеркивает, что выбор, сделанный германским законодателем, соответствовал исторически сложившейся традиции.

Таким образом, германское право, как и право многих других стран¹, недвусмысленно указывает на то, что государство является наследником. Основным положением, подтверждающим данное утверждение, является § 1936 ГГУ, в первоначальной редакции которого говорилось о государственной казне (*Fiskus*) как о законном наследнике (*gesetzlicher Erbe*) – формулировка, которая и сегодня фигурирует в § 1964, 1966, 2011, а также в § 2104 и 2149, предусматривающих, однако, определенные исключения. В последней редакции (с изменениями, внесенными Законом от 24 сентября 2009 г.) [Olzen, Looschelders, Erbrecht 2017: 57; Zimmerman 2015: 195] § 1936 использует иную формулировку, впрочем, сохранившую прежний смысл (применяя также глагол *erben* – «наследовать»), и гласит, что если у лица отсутствуют родственники, супруг или партнер, в случае смерти его имущество подлежит переходу в порядке наследования в пользу государства.

Как в доктрине, так и в законодательстве тот факт, что согласно ГГУ государство выступает наследником [Zimmerman 2016: 56], не подвергается оспариванию. Утверждается, что с правовой точки зрения право наследования государства имеет частноправовую природу и не является суверенным правом на присвоение имущества [Bierhenke 2016: 18, 22].

Следует отметить, что существуют определенные особенности наследования имущества государством. Согласно § 1922 ГГУ в отношении самих наследников действует принцип *Vonselbsterwerb* (автоматическое вступление в наследство. – прим. пер.). В силу него все имущество и обязательства умершего переходят к наследникам *ipso iure*, без необходимости проведения процедуры вступления в наследственные права [Lange, Tischer 2017: 84]². Подобные особенности, в частности, касаются процессуальных

аспектов и заключаются в необходимости установить отсутствие наследников в суде по наследственным делам (§ 1964 ГГУ). Данная процедура проводится после истечения срока для принятия наследства, и если ни один наследник не заявил о своих правах, государство вступает в права официального и законного наследника (§ 1966 ГГУ) [Krug 2018: 231; Kroib 2018: 124].

Германское право, как и право многих других стран, недвусмысленно указывает на то, что государство является наследником

Приведенная нами выше особенность хотя и является значимой, однако существенным образом не влияет на традиционный механизм перехода наследственного имущества, предусмотренный ГГУ, если учесть также то, что государство в любом случае выступает правопреемником в силу наследования по закону [Kroib 2018: 124].

Вопрос о выморочном имуществе в праве Италии

В ст. 721 Гражданского кодекса Италии 1865 г. говорилось, что в соответствии с законом наследственное имущество переходит к нисходящим наследодателя, к его родственникам по восходящей и боковой линиям, детям и супругу в порядке и согласно правилам, указанным в законе; в случае же отсутствия перечисленных лиц – в пользу государства. Статья 758 гласила, что при отсутствии лиц, которые могут быть призваны к наследованию в соответствии с правилами, изложенными в Кодексе, наследственное имущество отходит государству. Обе статьи содержались в книге III «О способах приобретения и передачи права собственности и других вещных прав» главы II «Наследственное право».

Указанный подход широко поддерживался, особенно в более ранних трудах [Gabba 1914: 191, 193]. Это вполне объяснимо, если учесть тесную связь между правом Италии и Франции, проявлявшуюся не только в области наследственных правоотношений. Сохранившееся влияние французского права на Гражданский кодекс 1942 г. [Fusaro 2017: 305; Kindler 2015: 362], возможно, является причиной того, что вплоть до сего дня

¹ См., например, ст. 2152–2155 Гражданского кодекса Португалии в части, посвященной наследованию государством. Кроме того, «государство рассматривается в качестве настоящего наследника» в законодательстве Гватемалы, Чили, Колумбии и Эквадора [Schmidt 2018: 158].

² См. также: [Kindler 2015: 363], где изучается вопрос о том, как законодатель избрал подобный путь, приняв решение отойти от подхода, принятого первоначальными авторами ГГУ, и, соответственно, избежать неопределенности, которая могла в результате подобного подхода возникнуть.

в некоторой степени отстаивается позиция о приобретении государством невестребованного наследственного имущества в силу его суверенных прав (*jure imperii*) [Gazzoni 2017: 496]. Несмотря на это в итальянской доктрине [Trabucchi 2019: 591; Vagni 2018: 291] и в особенности в судебной практике¹ все же преобладает частноправовой подход, в соответствии с которым государство воспринимается в качестве наследника в силу универсального правопреемства.

Для того чтобы продолжать отстаивать публично-правовой подход к решению рассматриваемого вопроса при том, что мнение о праве государства на принудительное отчуждение частной собственности полностью потеряло актуальность, единственной точкой опоры остается ссылка на первоначальное приобретение права собственности в силу суверенного права оккупации. Тем не менее с формальной точки зрения подобное обоснование представляется неубедительным. Во-первых, оккупация предполагает наличие бесхозной вещи – *res nullius* (которую теоретически может обратить в свою собственность любое лицо), что сложно себе представить, так как закон предусматривает приобретение в пользу конкретного субъекта (ст. 586 ГК Италии) [Santoro-Passarelli 1931: 619; Cicu 1947: 206; Trabucchi, Rasi Coldogno 1971: 784]. Во-вторых, право оккупации не затрагивает долги и обязательства умершего [Coviello 1937: 272; Santoro-Passarelli 1931: 619; Trabucchi, Rasi Coldogno 1971: 784], которые, однако, в соответствии с итальянским законодательством также переходят государству, пусть и в рамках ответственности *intra vires* (ст. 586 ГК Италии).

Тот факт, что ст. 586 ГК Италии устанавливает право государства на приобретение невестребованного имущества без возможности отказа, не лишает государство характеристики наследника, а, напротив, подчеркивает ее. Как мы отмечали в части, посвященной подходу, принятому в праве Германии, в современном понимании публично-правовой подход подразумевает правопреемство государства в результате процедуры ликвидации, исключая при этом приобретение в силу суве-

ренных полномочий государства. Несомненно, данная особенность, положительно выраженная в законодательстве, в свою очередь, является источником определенного несоответствия в отношении регулирования, касающегося иных наследников (которые в праве Италии считаются таковыми в случае принятия наследственного имущества). Однако подобное несоответствие вполне обоснованно с точки зрения наследственных правоотношений в свете необходимости закрытия наследственного дела [Trabucchi 2019: 591; Mengoni 1999: 224] и, следовательно, обязательного наличия наследника [Pollaco 1937: 141; Allara 1954: 96; Ciatti 2013: 629].

Принимая во внимание все сказанное, можно сделать вывод о том, что согласно действующему итальянскому законодательству и доминирующей точке зрения, принятой итальянской доктриной с 1942 г. [Natoli 1968: 70; Grosso, Burdese 1977: 70; Tamburino 1990: 1337], государство получает невестребованное имущество в качестве наследника. Это (при отсутствии иных наследников, предусмотренных ст. 586 ГК Италии) также подчеркивает связь гражданина с государством и ограничивает круг лиц, призываемых к наследованию, гражданами Италии [Mengoni 1999: 209; Ciatti 2013: 630; Bonilini 2018: 247; Coviello 1937: 280].

Вместе с тем в рамках указанного подхода существует и более расширительное толкование, согласно которому речь должна идти не о связи лица с государством посредством института гражданства, а о принадлежности лица к так называемой *comunità generale* [Bianca 2015: 248; Trabucchi, Rasi Coldogno 1971: 785]. Она включает в себя всех лиц, проживающих на территории государства [Spotti 2009: 879] (что, как мы увидим позже, является достаточно важным уточнением в свете положений международного частного права, нашедших отражение в Регламенте ЕС № 650/2012).

Необходимо отметить, что ГК Италии не отвечает на важный с практической точки зрения вопрос о соотношении между наследованием со стороны государства и выморочным имуществом [Di Lorenzo 2009: 1177; Bianca 2015: 101]. Какой должна быть стратегия кредиторов для того, чтобы взыскать долги с имущества, которое не было унаследовано членами семьи покойного? Есть два

¹ Cass., 26 gennaio 2010, № 1549 // Foro it. 2010. I. C. 2132; Cass., 4 marzo 2008, № 5794 // Fam. pers. e succ. 2008. P. 463; Cass., 11 marzo 1995, № 2862 // Not. 1996.

противоположных подхода к решению обозначенного вопроса, и оба они, по нашему мнению, вызывают определенные сомнения.

Первый подход состоит в учреждении управления над неостребованным имуществом, проведении процедуры ликвидации и передаче в пользу государства оставшегося после выплаты всех долгов имущества [Cicu 1947: 207; Azzariti, Iannaccone 1997: 450, 454]. Очевидно, что подобная позиция противоречит нормам действующего итальянского законодательства и соотносится, скорее, с публично-правовым подходом [Mengoni 1999: 219], идя вразрез с частноправовой теорией, согласно которой, как мы выяснили, государство может в качестве наследника отвечать по долгам и обязательствам умершего.

Соответственно, можем предположить, что необходим кардинально иной подход, предписывающий то, что во всех случаях наличия неостребованного наследственного имущества к наследованию призывается государство, к которому и должны обратиться требования кредиторы. Данная точка зрения воспринята городским судом Вероны¹ и прямо противоречит решению Кассационного суда Италии². С одной стороны, она теоретически соотносится с частноправовой позицией, но с другой – чрезмерно ограничивает возможности учреждения управления над имуществом и создает некую неопределенность, так как законодательством не предусмотрена специальная процедура, в результате которой утверждается отсутствие наследников.

Право Испании сквозь призму сравнительно-правового подхода

Законодательство Испании также придерживается подхода, в соответствии с которым в отсутствие иных наследников государство (или в отдельных ситуациях³ уполномоченные автономные области, в любом случае являющиеся представителями публичной власти) получает неостребованное имущество в качестве наследника, а не в силу сво-

их суверенных полномочий (*jure imperii*). Действительно, ст. 956 Гражданского кодекса Испании утверждает, что государство выступает наследником, а ст. 957 уточняет, что государство приобретает те же права и обязанности, что и наследники. Хотя в Гражданском кодексе и нет соответствующих прямых формулировок [Sanchez Calero 2019: 394; Mandrian Vazquez 2016: 160, 169], право Испании предусматривает институт выморочного имущества [Diez Picazo, Gullon 2017: 225]. Он может использоваться в случае неосведомленности потенциальных наследников об открывшемся наследстве [Diez Picazo, Gullon 2017: 166], и вступление государства в наследство происходит не автоматически, а в результате проведения процедуры, подтверждающей отсутствие наследников (действительно, ст. 958 ГК Испании подтверждает необходимость официального утверждения государства в качестве наследника) [Ysas Solanes 2016: 98].

Речь идет об административной процедуре, предусмотренной Законом 33/2003 «Об имуществе публичной администрации». Государство вступает во владение наследственным имуществом исключительно после проведения соответствующей процедуры и принимает на себя обязательство по ликвидации имущества. Более того, по общему правилу, государство не может отказаться от наследования⁴, однако обязательства по долгам умершего являются всегда *intra vires hereditatis*, т. е. в пределах стоимости полученного имущества (ст. 957 ГК Испании) [Tarabal Bosch 2019: 717; Diez-Picazo, Gullon 2017: 218].

В прошлом процедура вступления государства во владение наследственным имуществом являлась судебной [Cámara Lapuente 2015: 122; Nieto Alonso 2016: 297]. Однако Закон 15/2015 «О добровольной юрисдикции» с целью упрощения процедуры и изъятия ее из судебного ведения отнес ее к ведению административной власти [Galizia Aizpurua 2019: 569].

В рамках данного исследования мы не будем останавливаться на правилах решения рассматриваемого вопроса в автономных областях Испании (среди которых, надо ска-

¹ Trib. Verona (ord.) 26 ottobre 2017 // Studium iuris. 2019. P. 240 s.

² См. Cass., 31 marzo 1987, № 3087 (Giur. it. 1988. I. P. 1404), где утверждается, что управление над неостребованным имуществом может быть учреждено в ситуациях, когда есть сомнения в наличии потенциальных наследников.

³ За исключением Балеарских островов, о которых см.: [Nieto Alonso 2016: 296].

⁴ Данная точка зрения является доминирующей, однако некоторые ученые оспаривают ее [Madriñán Vázquez 2016: 183; Nieto Alonso 2016: 301].

зать, примечательными особенностями обладает каталонская система¹), однако отметим, что право Испании представляет значительный интерес с точки зрения сравнительно-правового анализа. В некоторых автономных областях действуют четкие положения о переходе наследственной массы в пользу государства [Zimmerman 2016: 56]², а также о формальной процедуре, утверждающей переход имущества и обязательство государства по выплате долгов умершего. Данный подход не противоречит статусу государства (что находит подтверждение в испанской доктрине³) в качестве наследника *ipso jure*, которым оно наделяется в законодательстве многих стран. Представляется целесообразным, чтобы и итальянское законодательство восприняло указанный подход и таким образом разрешило проблему противоречивого соотношения между выморочным имуществом и наследованием со стороны государства, при этом оставаясь верным частноправовой позиции, но устранив неточности.

Гражданский кодекс Бразилии 2002 г. как пример публично-правового подхода

Частноправовая точка зрения, согласно которой государство является наследником и которой мы придерживаемся в данной работе, для права Бразилии не характерна.

Несмотря на проведенную недавно реформу (принятие нового Гражданского кодекса в 2002 г. и нового Гражданско-процессуального кодекса в 2015 г.), право Бразилии фак-

¹ В ст. 442-12 и 442-13 ГК Каталонии приведены положения, регулирующие наследование в пользу Женералитета Каталонии. Для того чтобы не допустить превращения наследственного имущества в бесхозяйное, Женералитет не может отказаться от наследования, вступая в наследство в ходе специальной административной процедуры [Ysas Solanes 2016: 208].

² Подобные решения, предусмотренные испанским законодательством, в основном все еще не восприняты на международном уровне. Итальянская доктрина с недавних пор допустила точку зрения, схожую с принятой в Испании [Padovini 2007], хотя схожая позиция высказывалась в Италии и в более раннюю эпоху [Coviello 1937: 270].

³ В Каталонии приобретение *ipso jure* Женералитетом наследственного имущества осуществляется ретроспективно с учетом судебной (а ныне административной) процедуры объявления государства наследником и согласно ст. 442-12.2 ГК Каталонии является способом принятия государством наследства [Ysas Solanes 2016: 209].

тически продолжает придерживаться публично-правовой концепции, принятой в праве Франции. Доктрина склоняется к тому, что государство не является наследником [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 292]. Это также ясно следует из ст. 1819 ГК Бразилии: в данной норме понятия выморочного и невостребованного имущества (в случае наличия которого государство приобретает наследственную массу) связаны с ситуацией, в которой отсутствуют наследники, и таким образом подчеркивается, что государство таковым не является. Согласно используемой формулировке, исключающей любую отсылку к правопреемству *mortis causa*, наследственное имущество в зависимости от его местонахождения переходит в пользу муниципалитета или федерального округа, становясь имуществом государства.

Итак, право Бразилии разграничивает выморочное и невостребованное имущество, причем считая эти два понятия достаточно близкими по сути и рассматривая их, как правило (за исключением случаев, при которых все наследники прямо отказываются от принятия наследства, согласно ст. 1823 ГК Бразилии), в свете двух этапов неисконного производства [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 292]. Первый этап, заключающийся во временном управлении имуществом, осуществляется в присутствии управляющего имуществом, которым, по общему правилу, является государственный защитник⁴. На втором этапе происходит утверждение государства на приобретение оставшихся активов наследственной массы (ст. 1820 ГК Бразилии и ст. 743 ГПК Бразилии).

Может сложиться впечатление о том, что в Бразилии, как и во Франции и в правовых системах, воспринявших публично-правовой подход, государство присваивает невостребованное наследственное имущество в результате процедуры ликвидации [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 295]. Однако право Бразилии не исключает обязательства государства по выплате долгов умершего, пусть и *intra vires*. Это вытекает из ст. 1821 ГК

⁴ Управляющий является представителем адвокатуры в соответствии со ст. 4, VI Закона 80/94 об адвокатуре. Если в конкретном округе нет государственного защитника, управляющего назначает суд. При этом не обязательно, чтобы управляющий обладал статусом адвоката, т. е. был зарегистрирован в адвокатской палате Бразилии.

Бразилии, в соответствии с которой кредиторы могут требовать выплаты по долгам в пределах стоимости активов наследственной массы.

Следуя той же логике, что и французский законодатель, придерживающийся публично-правового подхода в рассматриваемом вопросе, право Бразилии не признает автоматического перехода невостребованного имущества в пользу государства, а лишь после объявления наследственной массы невостребованной в судебном порядке [Chaves de Farias, Rosenvald 2019: 297]. Это означает, что принцип сесины в отношении государства не действует, хотя, по общему правилу, применяется для всех других наследников [De Oliveira Milagres 2019: 695].

Поскольку автор данного исследования не является специалистом в области бразильского права, это не позволяет ему высказывать существенную критику относительно положений, регулирующих наследственные правоотношения¹. Тем не менее как минимум на основании рассмотренного выше правила можно выразить сомнение в рациональности принятия бразильским законодателем подобных норм о наследовании государством. Вместо того, чтобы ограничиться сугубо французской традицией, ее вполне можно было обойти, не создавая норм, в значительной степени контрастирующих с наследственным правом Бразилии в целом.

Регламент ЕС № 650/2012

Статья 21 Регламента ЕС № 650/2012 предусматривает критерий (с некоторыми исключениями), согласно которому в отношении наследования применяется право страны, в которой наследодатель на момент смерти имел обычное место жительства. Это свело традиционный для итальянского законодательства принцип [Calò 2013: 549] (и сегодня действующий согласно ст. 46 Закона от 1995 г. № 218), предусматривающий привязку, связанную с гражданством лица, к исключительным случаям соответствующего прямо выраженного выбора со стороны наследодателя (ст. 22 Регламента) [Barel, Armellini 2017: 236].

¹ При этом в бразильской доктрине есть множество соответствующих критических работ. См., например, критику положений, касающихся прав супруга и фактического сожителя: [De Carvalho Gomes 2019: 725].

Закон, принимаемый в соответствии с вышеупомянутым правилом, должен учитывать принцип сохранения единства наследства². Однако ст. 33 Регламента («Невостребованное наследственное имущество») представляет собой исключение из указанного принципа. Она гласит: «В ситуации, когда, в соответствии с правом, применимым к наследованию в соответствии с настоящим Регламентом, после смерти владельца какое-либо имущество не находит наследника или отказополучателя и ни одно физическое лицо по закону не является наследником, применение соответствующих правовых норм не лишает государство-члена Европейского союза или назначенный им с этой целью орган их права обратиться в свою собственность имущество, находящееся на его территории, при условии что кредиторы имеют право добиваться удовлетворения своих требований за счет всего имущества в целом».

Право Бразилии не признает автоматического перехода невостребованного имущества в пользу государства, а лишь после объявления наследственной массы невостребованной в судебном порядке

В первую очередь приведенная выше статья предполагает необходимость определить факт наличия невостребованного имущества (т. е. отсутствие наследников по закону и по завещанию, а также иных лиц, имеющих право наследования в соответствии с законом) согласно праву страны, применимому к конкретным наследственным правоотношениям [Wautelet, Salvadori 2015: 439]. В данном случае ст. 33 допускает преобладание *lex rei sitae* над правом, применимым к наследственным правоотношениям, т. е. позволяет государству, которое приняло Регламент и законодательство которого предусматривает соответствующие положения, приобретать наследственное

² В судебной практике см.: Corte giust. UE, 21 giugno 2018, causa C-20/17 // Not. 2019. P. 79 ss. В доктрине подчеркивается, что данный принцип является традиционным для Италии, но не для многих других стран, например, не для Соединенного Королевства, где движимое и недвижимое имущество, входящее в состав наследственной массы, регулируется по-разному [Ballarino, Ballarino, Petrelli 2016: 232]. Подобный подход применялся и во Франции до вступления Регламента в силу [Houssier 2018: 59].

имущество, расположенное на его территории, таким образом, создавая норму материального права [Vagni 2018: 294].

Иными словами, согласно ст. 33 право, применимое к наследственным правоотношениям, сохраняет свое действие в отношении невостребованного имущества, а государство, имеющее право на приобретение такого имущества в соответствии со своим законодательством, может воспользоваться данным правом применительно к любому имуществу, даже тому, которое находится за пределами этого государства [Damascelli 2013: 110; Mosconi, Campiglio 2016: 278]. Исключения составляют случаи, в которых имущество находится на территории государства, где оно подлежит присвоению в силу *jus imperii*. Согласно Регламенту подобная коллизия будет разрешена в пользу государства, в котором расположено имущество.

Заметим также, что Регламент предусматривает положение в защиту кредиторов, на которую не может повлиять применение принципа *lex rei sitae* [Lagarde 2015: 170]. Речь идет о норме материального права, согласно которой обязательства по долгам являются одной из основных характеристик наследования в силу универсального правопреемства [Damascelli 2013: 110]. Данная норма, несомненно, заслуживает положительной оценки [Davi, Zanobetti 2014: 188], так как она выводит на первый план проблему эффективной защиты интересов кредиторов, а также обеспечивает точность в вопросе перехода наследственного имущества.

Несмотря на достаточно эффективное вышеупомянутое положение, ст. 33, обуславливающая, кроме прочего, и возникновение

достаточно сложных проблем в силу разнообразия вариантов ее толкования, преследует цель уравновесить привилегированное, в соответствии с *communis opinio* [Vagni 2018: 284, 290; Brox, Walker 2018: 52], положение государств, придерживающихся частнопроводного подхода, с положением государств, следующих публично-правовой точке зрения [Vagni 2018: 296; Mosconi, Campiglio 2016: 278].

Заключение

Частнопроводная концепция, применяемая во многих правовых системах, а также рекомендуемая к применению, в том числе, в Италии, постепенно приобретает значимую роль, как минимум, в государствах, следующих римской правовой традиции, и преобладает в большинстве государств-членов Европейского союза [Nikolaou 2017: 393]. Тем не менее некоторые правовые системы, придерживающиеся римской традиции и претерпевшие в недавнее время значительное реформирование (например, в Бразилии), остаются верны публично-правовому подходу, происшедшему из Средневековья. Он и сегодня в некоторой степени поддерживается, хотя и сугубо с точки зрения международного частного права, что нашло отражение в Регламенте ЕС № 650/2012, посвященном трансграничному наследованию.

По нашему мнению, позиции, принятой в законодательстве Германии, Испании и Италии, должно быть отдано предпочтение в будущем, в целесообразности чего можно убедиться путем рассмотрения данного вопроса с использованием сравнительно-исторического подхода.

Список литературы

- Allara M. La successione familiare suppletiva. Torino, 1954. 300 p.
- Astolfi R. I beni vacanti e la legislazione caducaria // *Bullettino dell'Istituto di Diritto Romano* «Vittorio Scialoja». 1965. № 7. P. 323–336.
- Azzariti G., Iannaccone A. Successioni dei legittimari e successioni dei legittimi. 3a ed. Torino, 1997. 509 p.
- Ballarino T., Ballarino E., Petrelli I. *Diritto internazionale privato italiano*. 8a ed. Milano, 2016.
- Barassi L. *Le successioni per causa di morte*. 3a ed. Milano, 1947. 466 p.
- Barel B., Armellini S. *Manuale breve. Diritto internazionale privato*. 12a ed. Milano, 2017. 458 p.
- Baudry-Lacantinerie G. *Précis de droit civil*. 10a ed. Paris, 1910. Vol. III. 614 p.
- Bianca C. M. *Diritto civile. Le successioni* 2.2. Milano, 2015. 427 p.
- Bierhenke M. *Aspects de droit successoral allemande // Les successions en droit comparé / a cura di Z. Ancel-Liojer, E. Calò*. Napoli, 2016. 336 p.

- Bonilini G.* Manuale di diritto ereditario e delle donazioni. 9a ed. Milano, 2018. 525 p.
- Brox H., Walker W.-D.* Erbrecht. 28a ed. München, 2018. 552 p.
- Calò E. L.* L'inarrestabile declino della cittadinanza altrui: il Regolamento (UE) n. 650/2012 del luglio 2012 // *Il Corriere giuridico*. 2013. P. 549–558.
- Cámara Lapuente S.* Intestate Succession in Spain // *Comparative Succession Law*. Vol. II: Intestate Succession / ed. by K. G. C. Reid, M. J. De Waal, R. Zimmermann. Oxford, 2015. P. 96–117.
- Catalano P.* *Populus Romanus Quirites*. Torino, 1974. 175 p.
- Chaves De Farias C., Rosenvald N.* *Curso de Direito Civil. Sucessões*. 5a ed. Salvador, 2019. 656 p.
- Ciatti A.* La successione dello Stato // *Diritto delle successioni e delle donazioni* / a cura di R. Calvo, G. Perlingieri. 2a ed. Napoli, 2013. 724 p.
- Cicu A.* La nozione di erede nel diritto italiano vigente // *Studi dedicati alla memoria di P. P. Zanzucchi*. Milano, 1927. 619 p.
- Cicu A.* Le successioni. Parte generale – Successione legittima e dei legittimari – Testamento. Milano, 1947. 417 p.
- Comparative Succession Law* / ed. by K. G. C. Reid, M. J. De Waal, R. Zimmermann. Oxford: Oxford University Press, 2015. Vol. II: Intestate Succession in Historical and Comparative Perspective. 490 p.
- Coviello L.* Successione legittima e necessaria. Milano, 1937. 357 p.
- Damascelli D.* *Diritto internazionale privato delle successioni a causa di morte*. Milano, 2013. 162 p.
- Davì A., Zanobetti A.* *Il nuovo diritto internazionale privato europeo delle successioni*. Torino, 2014. 308 p.
- De Carvalho Gomes E.* *Il regime successorio del coniuge e del convivente di fatto nel diritto brasiliano // Casi controversi in materia di diritto delle successioni*. Vol. II: Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019.
- De Oliveira Milagres M.* *Nuove tendenze del diritto delle successioni brasiliano con particolare riguardo alla trasmissione mortis causa del possesso e al diritto reale di abitazione // Casi controversi in materia di diritto delle successioni*. Vol. II: Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019. 569 p.
- Di Lorenzo G.* *L'eredità giacente*. Milano, 2009. 1712 p.
- Díez-Picazo L., Gullón A.* *Sistema de derecho civil*. 12a ed. Madrid, 2017. Vol. IV. T. 2: Derecho de sucesiones. 307 p.
- Dusi B.* *La eredità giacente nel diritto romano e moderno (Torino, 1891) // Scritti giuridici*. II / a cura di P. Schlesinger. Torino, 1956. 619 p.
- Fusaro An.* *Tendenze del diritto privato in prospettiva comparatistica*. 2a ed. Torino, 2017. 576 p.
- Gabba C. F.* *Indole del diritto dello Stato sulle successioni vacanti // Nuove questioni di diritto civile*. II. Torino, 1914. 351 p.
- Galicía Aizpurua G.* *Una proposta dottrinale di riforma del sistema successorio nel Codice civile spagnolo // Casi controversi in materia di diritto delle successioni*. Vol. II. Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019. 569 p.
- García Garrido M. J.* *Diritto privato romano*. 2a ed. / a cura di M. Balzarini. Padova, 1996. 650 p.
- Gazzoni F.* *Manuale di diritto privato*. 18a ed. Napoli, 2017. 1696 p.
- Grimaldi M.* *Droit des successions*. 7a ed. Paris, 2017. 852 p.
- Grosso G., Burdese A.* *Le successioni – Parte generale*. Torino: UTET, 1977. 574 p.
- Guarino A.* *Diritto privato romano*. Jovene, 2001. 1110 p.
- Houssier J.* *Droit des successions et des libéralités*. Paris, 2018. 210 p.
- Kindler P.* *Le successioni a causa di morte nel diritto tedesco: profili generali e successione nei beni produttivi // Rivista di diritto civile*. 2015. Vol. 61. № 2. P. 359–384.
- Kroib L.* *Sub § 1936 BGB // NomosKommentar BGB – Erbrecht* / (Hrsg.) L. Kroib, C. Ann, J. Mayer. Baden-Baden, 2018. 272 p.
- Lagarde P.* *Sub art. 33 // Bergquist U., Damascelli D., Frimston R. et al. EU Regulation on Succession and Wills – Commentary*. Koeln, 2015. 400 p.

- Lange K. W., Tischer R. P.* Familien- und Erbrecht. 4 Aufl. München, 2017. 353 p.
- Leroyer A.-M.* Droit des successions. Le Cours Dalloz, 2020. 524 p.
- Lovato A., Puliatti S., Solidoro L.* Diritto privato romano / a cura di G. Giapichelli. Torino, 2017. 800 p.
- Mandriñán Vázquez M.* La herencia yacente // Tratado de derecho se sucesiones / Gete-Alonso Y Calera M. D. C. (dir.), Solé Resina J. (coor.) 2a ed. Cizur Menor (Navarra), 2016. T. II. 2976 p.
- Mengoni L.* Successioni per causa di morte. Parte speciale, Successione legittima. 6a ed. Milano, 1999. 286 p.
- Mosconi F., Campiglio C.* Diritto internazionale privato e processuale. II. Statuto personale e diritti reali. 4a ed. Milano, 2016. 700 p.
- Natoli U.* L'amministrazione dei beni ereditari. I. L'amministrazione durante il periodo antecedente all'accettazione dell'eredità. 2a ed. Milano, 1968. 363 p.
- Nieto Alonso A.* La sucesión intestada en el derecho civil de Galicia // Tratado de derecho se sucesiones / Y. Gete-Alonso, M. D. C. Calera (dir.), J. Sole Resina (coor.). 2a ed. Cizur Menor (Navarra), 2016. T. II.
- Nikolaou E.* Comment to Article 33 // EU Succession Regulation No 650/2012 / ed. by H. P. Pamboukis. Athens; München; Oxford; Baden-Baden, 2017. 741 p.
- Olzen D., Looschelders D.* Erbrecht. 5 Aufl. Berlin; Boston, 2017. 508 p.
- Padovini F.* La successione del coniuge, dei parenti e dello Stato // Tradizione e modernità nel diritto successorio / a cura di S. Delle Monache. Padova, 2007. 113 s.
- Planiol M., Ripert G.* Traité pratique de droit civil français. IV. Successions. 2a ed. Con la collaborazione di J. Maury e H. Vialleton. Paris, 1956. 875 p.
- Riva I.* Certificato successorio europeo. Tutela e vicende acquisitive. Napoli, 2017. 228 p.
- Rizzuti M.* La posizione dello Stato quale erede // Successioni per causa di morte – Esperienze e argomenti / a cura di V. Cuffaro. Torino, 2015. 768 p.
- Röthel A.* Stiftungserbrecht statt Staatserbrecht // Non Profit Law Yearbook. 2007. Vol. 189. 380 p.
- Sánchez Calero F. J.* Conceptos Fundamentales del Derecho de Sucesiones // Curso de Derecho Civil. IV: Derechos de Familia y Sucesiones / a cura di F. J. Sánchez Calero. 9a ed. Valencia: Tirant lo Blanch, 2019. 760 p.
- Santoro-Passarelli F.* Teoria della successione legittima dello Stato. Messina, 1931. 812 p.
- Savigny F. C. von.* Sistema del diritto romano attuale. Trad. di V. Scialoja. Torino, 1898. Vol. VIII. 622 p.
- Schmidt J. P.* Intestate Succession in Latin America // Comparative Succession Law. Vol. II. Intestate Succession / ed. by K. G. C. Reid, M. J. De Waal, R. Zimmerman. Oxford, 2015. P. 118–158.
- Spotti F.* Lo Stato // Trattato di diritto delle successioni e donazioni / dir. da G. Bonilini. III: La successione legittima. Milano, 2009. 1184 p.
- Talamanca M.* Istituzioni di diritto romano. Milano, 1990. 838 p.
- Tamburrino G.* Voce Successione legittima (dir. priv.) // Enciclopedia del diritto. Milano, 1990. XLIII. 1351 p.
- Tarabal Bosch J.* La successione legale in Spagna: approccio classico e recenti sviluppi // Casi controversi in materia di diritto delle successioni. Vol. II. Esperienze straniere / a cura di E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. Napoli, 2019. 569 p.
- Terré F., Lequette Y., Gaudemet S.* Droit civil. Les successions. Les libéralités. Precis, 2013. 1184 p.
- Trabucchi A.* Istituzioni di diritto civile / a cura di G. Trabucchi. 49a ed. Milano, 2019. 1856 p.
- Trabucchi A., Rasi Caldogno A.* Successione legittima // Noviss. Dig. it. 1971. XVIII. 786 p.
- Vagni L.* La successione dello Stato. Profili di diritto comparato ed europeo // Diritto delle successioni e della famiglia. 2018. 1. 1376 p.
- Velo Dalbrenta D.* Introduzione. Quod non capit Christus, rapit fiscus // Imposizione fiscale e libertà. Sottrarre e ridistribuire risorse nella società contemporanea / a cura di D. Velo Dalbrenta. Torino, 2018. 220 p.
- Voci P.* Istituzioni di diritto romano. 6a ed. Milano, 2004. 646 p.

Wautelet P., Salvadori M. Sub art. 33 // Il regolamento europeo sulle successioni / a cura di A. Bonomi, P. Wautelet. Milano: Giuffr  Editore, 2015. 800 p.

Yildirim G. Succession vacante ou en d sh rence // Encyclop die du Juris Classeur: Civil Code. LexisNexis, 2017.

Ys s Solanes M. La sucesi n intestada en catalu a // Tratado de derecho se sucesiones / Y. Ge-te-Alonso, M. D. C. Calera (dir.), J. Sole Resina (coor.). 2a ed. Cizur Menor (Navarra), 2016. T. II.

Zimmerman R. Il diritto ereditario dei parenti in prospettiva storico-comparatistica // Familia. 2016. № 1–2. P. 21–70.

Мауро Тескаро – доктор наук, профессор Университета Вероны. 37122, Италия, Верона, ул. Сантиссима Тринита д. 7, эт. 2, каб. 10. E-mail: mauro.tescaro@univr.it.

ORCID: 0000-0001-8064-9915

Переводчик и автор комментариев: **Фарида Джамаловна Бунятова** – кандидат юридических наук, доцент кафедры английского языка № 8 Московского государственного института международных отношений (университета) МИД Российской Федерации. 119192, Российская Федерация, Москва, Мичуринский проспект, 21/111. E-mail: faridabouniatova@hotmail.com.

ORCID: 0000-0002-4324-5716

State’s Right to Escheat: Roman Law Perspective

The issue of unclaimed property is of vital importance for the legislation of every state. Even in cases where the circle of heirs includes an unlimited number of relatives, the issue might not be resolved properly. With this regard, it is crucial to study the ways various jurisdictions govern the issue of an escheated property.

In terms of state succession of unclaimed property, there are recently reformed jurisdictions upholding the Roman legal tradition (e. g., Brazil), however following a publicist approach which originated in the Middle Ages and developed in France and has so far been reinstated in the 2012 EU Regulation on cross-border succession, albeit from the private international law standpoint. The publicist approach does not consider the state’s rights and obligations to be equal to those of the heirs. The opposite, privatist approach, dominating in Germany, Spain and Italy (to mention just few among many civil law states which have adopted it) recognizes the state as another legal heir. According to the author, this approach should be favored more. This statement is well-grounded if analyzed from a comparative historical perspective, thus paying due attention to the teachings of Roman law and adapting them to the modern reality.

Keywords: inheritance law, legal succession, escheat, unclaimed property, European private law, Roman tradition

Recommended citation

Tescaro M. Nasledovanie imushchestva gosudarstvom skvoz’ prizmu rimskoi pravovoi traditsii [State’s Right to Escheat: Roman Law Perspective], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 69–86, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_69.

References

Allara M. *La successione familiare suppletiva*, Torino, 1954, 300 p.

Astolfi R. I beni vacanti e la legislazione caducaria, *Bullettino dell’Istituto di Diritto Romano «Vittorio Scialoja»*, 1965, no. 7, pp. 323–336.

Azzariti G., Iannaccone A. *Successioni dei legittimari e successioni dei legittimi*, 3a ed., Torino, 1997, 509 p.

Ballarino T., Ballarino E., Petrelli I. *Diritto internazionale privato italiano*, 8a ed., Milano, 2016.

Barassi L. *Le successioni per causa di morte*, 3a ed., Milano, 1947, 466 p.

Barel B., Armellini S. *Manuale breve. Diritto internazionale privato*, 12a ed., Milano, 2017, 458 p.

- Baudry-Lacantinerie G. *Précis de droit civil*, 10a ed., Paris, 1910, vol. III, 614 p.
- Bianca C. M. *Diritto civile*, 2-2, *Le successioni*, Giuffrè, Milano, 2015, 427 p.
- Bierhenke M. *Aspects de droit successoral allemande, Les successions en droit comparé* / a cura di by Z. Ancel-Lioger, E. Calò, Napoli, 2016, 336 p.
- Bonilini G. *Manuale di diritto ereditario e delle donazioni*, 9a ed., Milano, 2018, 525 p.
- Brox H., Walker W.-D. *Erbrecht*, 28a ed., München, 2018, 552 p.
- Calò E. L. L'inarrestabile declino della cittadinanza altrui: il Regolamento (UE) n. 650/2012 del luglio 2012, *Il Corriere giuridico*, 2013, pp. 549–558.
- Cámara Lapuente S. *Intestate Succession in Spain*, Reid K. G. C., De Waal M. J., Zimmermann R. (eds.) *Comparative Succession Law*, vol. II: Intestate Succession, Oxford, 2015, pp. 96–117.
- Catalano P. *Populus Romanus Quirites*, Torino, 1974, 175 p.
- Chaves De Farias C., Rosendal N. *Curso de Direito Civil. Sucessões*, 5a ed., Salvador, 2019, 656 p.
- Ciatti A. *La successione dello Stato* // Calvo R., Perlingieri G. Napoli (eds.) *Diritto delle successioni e delle donazioni*, 2a ed., Napoli, 2013, 724 p.
- Cicu A. *La nozione di erede nel diritto italiano vigente, Studi dedicati alla memoria di P. P. Zanzucchi*, Milano, 1927, 619 p.
- Cicu A. *Le successioni. Parte generale – Successione legittima e dei legittimari – Testamento*, Milano, 1947, 417 p.
- Coviello L. *Successione legittima e necessaria*, Milano, 1937, 357 p.
- Damascelli D. *Diritto internazionale privato delle successioni a causa di morte*, Milano, 2013, 162 p.
- Davì A., Zanobetti A. *Il nuovo diritto internazionale privato europeo delle successioni*, Torino, 2014, 308 p.
- De Carvalho Gomes E. *Il regime successorio del coniuge e del convivente di fatto nel diritto brasiliano*, E. Arroyo Amayuelas, C. Baldus, E. De Carvalho Gomes et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni, vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019.
- De Oliveira Milagres M. *Nuove tendenze del diritto delle successioni brasiliano con particolare riguardo alla trasmissione mortis causa del possesso e al diritto reale di abitazione*, Arroyo Amayuelas E., Baldus C., De Carvalho Gomes E. et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni, vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019, 569 p.
- Di Lorenzo G. *L'eredità giacente*, Milano, 2009, 1712 p.
- Díez-Picazo L., Gullón A. *Sistema de derecho civil*, 12a ed., Madrid, 2017, vol. IV, t. 2: Derecho de sucesiones, 307 p.
- Dusi B. *La eredità giacente nel diritto romano e moderno (Torino, 1891)*, Schlesinger P. (ed.) *Scritti giuridici. II*, Torino, 1956, 619 p.
- Fusaro An. *Tendenze del diritto privato in prospettiva comparatistica*, 2a ed., Torino, 2017, 576 p.
- Gabba C. F. *Indole del diritto dello Stato sulle successioni vacanti, Nuove questioni di diritto civile. II*, Torino, 1914, 351 p.
- Galicía Aizpurua G. *Una proposta dottrinale di riforma del sistema successorio nel Codice civile spagnolo*, Arroyo Amayuelas E., Baldus C., De Carvalho Gomes E. et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni. Vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019, 569 p.
- García Garrido M. J. *Diritto privato romano*, 2a ed., Padova, 1996, 650 p.
- Gazzoni F. *Manuale di diritto privato*, 18a ed., Napoli, 2017, 1696 p.
- Grimaldi M. *Droit des successions*, 7a ed., Paris, 2017, 852 p.
- Grosso G., Burdese A. *Le successioni – Parte generale*, Torino, UTET, 1977, 574 p.
- Guarino A. *Diritto privato romano*, Jovene, 2001, 1110 p.
- Houssier J. *Droit des successions et des libéralités*, Paris, 2018, 210 p.
- Kindler P. Le successioni a causa di morte nel diritto tedesco: profili generali e successione nei beni produttivi, *Rivista di diritto civile*, 2015, vol. 61, no. 2, pp. 359–384.
- Kroib L. *Sub § 1936 BGB*, Kroib L., Ann C., Mayer J. (Hrsg.) *NomosKommentar BGB – Erbrecht*, 5 Aufl., Baden-Baden, 2018, 272 p.

- Lagarde P. *Sub art. 33*, Bergquist U., Damascelli D., Frimston R. et al. *EU Regulation on Succession and Wills – Commentary*, Koeln, 2015, 400 p.
- Lange K. W., Tischer R. P. *Familien- und Erbrecht*, 4 Aufl., München, 2017, 353 p.
- Leroyer A.-M. *Droit des successions*, Le Cours Dalloz, 2020, 524 p.
- Lovato A., Puliatti S., Solidoro L. *Diritto privato romano*, Torino, 2017, 800 p.
- Mandriñán Vázquez M. *La herencia yacente*, Gete-Alonso Y Calera M. D. C. (dir.), Solé Resina J. (coor.) *Tratado de derecho se sucesiones*, 2a ed., Cizur Menor, (Navarra), 2016, t. II, 2976 p.
- Mengoni L. *Successioni per causa di morte. Parte speciale, Successione legittima*, 6a ed., Milano, 1999, 286 p.
- Mosconi F., Campiglio C. *Diritto internazionale privato e processuale. II. Statuto personale e diritti reali*, 4a ed., Milano, 2016, 700 p.
- Natoli U. *L'amministrazione dei beni ereditari. I. L'amministrazione durante il periodo antecedente all'accettazione dell'eredità*, 2a ed., Milano, 1968, 363 p.
- Nieto Alonso A. *La sucesión intestada en el derecho civil de Galicia // Gete-Alonso Y., Calera M. D. C. (dir.), Sole Resina J. (coor.) Tratado de derecho se sucesiones*, 2a ed., Cizur Menor (Navarra), 2016, t. II.
- Nikolaou E. *Comment to Article 33*, Pamboukis H. P. (ed.) *EU Succession Regulation No 650/2012*, Athens, München, Oxford, Baden-Baden, 2017, 741 p.
- Olzen D., Looschelders D. *Erbrecht*, 5 Aufl., Berlin, Boston, 2017, 508 p.
- Padovini F. *La successione del coniuge, dei parenti e dello Stato*, S. Delle Monache (ed.) *Tradizione e modernità nel diritto successorio*, Padova, 2007, 113 p.
- Planiol M., Ripert G. *Traité pratique de droit civil français. IV. Successions*, 2a ed, con la collaborazione di J. Maury e H. Vialleton, Paris, 1956, 875 p.
- Reid K. G. C., De Waal M. J., Zimmermann R. (eds.) *Comparative Succession Law*, Oxford, Oxford University Press, 2015, vol. II: Intestate Succession in Historical and Comparative Perspective Intestate Succession, 490 p.
- Riva I. *Certificato successorio europeo. Tutela e vicende acquisitive*, Napoli, 2017, 228 p.
- Rizzuti M. *La posizione dello Stato quale erede*, Cuffaro V. (ed.) *Successioni per causa di morte – Esperienze e argomenti*, Torino, 2015, 768 p.
- Röthel A. *Stiftungserbrecht statt Staatserbrecht*, *Non Profit Law Yearbook*, 2007, vol. 189, 380 p.
- Sánchez Calero F. J. *Conceptos Fundamentales del Derecho de Sucesiones*, Sánchez Calero F. J. (ed.) *Curso de Derecho Civil. IV: Derechos de Familia y Sucesiones*, 9a ed., Valencia, Tirant lo Blanch, 2019, 760 p.
- Santoro-Passarelli F. *Teoria della successione legittima dello Stato*, Messina, 1931, 812 p.
- Savigny F. C. Von. *Sistema del diritto romano attuale. Trad. di V. Scialoja*. Torino, 1898, vol. VIII, 622 p.
- Schmidt. J. P. *Intestate Succession in Latin America*, Reid K. G. C., De Waal J. M., Zimmerman R. (eds.) *Comparative Succession Law. Vol. II: Intestate Succession*, Oxford, 2015, pp. 118–158.
- Spotti F. *Lo Stato*, G. Bonilini (dir.) *Trattato di diritto delle successioni e donazioni III: La successione legittima*, Milano, 2009, 1184 p.
- Talamanca M. *Istituzioni di diritto romano*, Milano, 1990, 838 p.
- Tamburrino G. *Voce Successione legittima (dir. priv.)*, *Enciclopedia del diritto*, Milano, 1990, XLIII, 1351 p.
- Tarabal Bosch J. *La successione legale in Spagna: approccio classico e recenti sviluppi*, Arroyo Amayuelas E., Baldus C., De Carvalho Gomes E. et al. (eds.) *Casi controversi in materia di diritto delle successioni. Vol. II: Esperienze straniere*, Napoli, 2019, 569 p.
- Terré F., Lequette Y., Gaudemet S. *Droit civil. Les successions. Les libéralités*, *Precis*, 2013, 1184 p.
- Trabucchi A. *Istituzioni di diritto civile*, 49a ed., Milano, 2019, 1856 p.
- Trabucchi A., Rasi Caldugno A. *Successione legittima*, *Noviss. Dig. it.*, 1971, XVIII, 786 p.
- Vagni L. *La successione dello Stato. Profili di diritto comparato ed europeo*, *Diritto delle successioni e della famiglia*, 2018, 1, 1376 p.

Velo Dalbrenta D. *Introduzione. Quod non capit Christus, rapit fiscus*, Velo Dalbrenta D. (ed.) *Imposizione fiscale e libertà. Sottrarre e ridistribuire risorse nella società contemporanea*, Torino, 2018, 220 p.

Voci P. *Istituzioni di diritto romano*, 6a ed., Milano, 2004, 646 p.

Wautelet P., Salvadori M. *Sub art. 33*, Bonomi A., Wautelet P. (eds.) *Il regolamento europeo sulle successioni*, Milano, Giuffré Editore, 2015, 800 p.

Yildirim G. *Succession vacante ou en déshérence*, *Encyclopédie du JurisClasseur: Civil Code*, LexisNexis, 2017.

Ysàs Solanes M. *La sucesión intestada en cataluña*, Gete-Alonso Y., Calera M. D. C. (dir.), Sole Resina J. (coor.) *Tratado de derecho se sucesiones*, 2a ed., Cizur Menor (Navarra), 2016, t. II.

Zimmerman R. Il diritto ereditario dei parenti in prospettiva storico-comparatistica, *Familia*, 2016, no. 1–2, pp. 21–70.

Mauro Tes caro – doctor of law, associate professor, University of Verona. 37122, Italy, Verona, 7 via Santissima Trinità, floor 2, room 10. E-mail: mauro.tescaro@univr.it.

ORCID: 0000-0001-8064-9915

Translation and comments: **Farida Buniatova** – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of English language no. 8, Moscow State University of International Relations. 119192, Russian Federation, Moscow, Michurinskiy ave., 21/111. E-mail: faridabouniatova@hotmail.com.

ORCID: 0000-0002-4324-5716

Дата поступления в редакцию / Received: 13.09.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 17.10.2022

А. Н. Митин

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ В ВУЗЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ДИСЦИПЛИН С ПРИМЕНЕНИЕМ СИНЕРГИЙНЫХ И ПЕРСУАЗИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Коррупция во всех ее проявлениях признается как система, которой государство вместе с институтами гражданского общества тоже должно противопоставить более эффективную систему, в которой особое значение имеют антикоррупционные технологии, организационные и правовые механизмы. Антикоррупционное образование в этом случае становится ключевым инструментарием при формировании у молодых людей мышления, основанного на безусловном неприятии коррупции при решении профессиональных и личных задач. Использование синергийных и персуазивных технологий многократно обогащает традиционные педагогические практики.

Персуазивная технология означает воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия. В этом случае появляется возможность вести диалог о положительных результатах борьбы с коррупцией в сочетании с критическим мышлением. Синергийные технологии в свою очередь выступают средством интеграции прямых и не прямых участников учебного процесса.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционное образование, педагогическая практика, синергийные технологии, персуазивные технологии

Для цитирования

Митин А. Н. Специфика преподавания в вузе антикоррупционных дисциплин с применением синергийных и персуазивных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 87–92. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_87.

УДК 340

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_87

В обществе постепенно укрепляется понимание того, что угрозы коррупции увеличиваются, а правовые запреты не могут быть единственным средством организационно-правового воздействия на видоизменяющиеся коррупционные практики. Они «мутируют», изобретательно преодолевают запреты, но сама коррупция неизменно выступает следствием дисфункции бюрократической машины государства.

Если коррупционный процесс осуществляется в достаточно крупных масштабах, то он начинает формировать образ жизни, мировоззрение, коррупционную иерархию с наличием определенных полномочий у участников,

имеющих доступ к распределению различных видов ресурсов. Эрик Фромм писал: «Хотя бюрократы вызывают не меньший ужас, чем садисты, они на самом деле страшнее, потому что они даже не ощущают противоречия между совестью и долгом: совесть приказывает им выполнять свой долг, а человек как объект сострадания и доброты для них вообще не существует. В этом случае, действительно, законы – вторичное явление» [Фромм 2006].

Следствия влияния коррупции как системы таковы: на своем уровне управления коррумпированное чиновничество порождает искаженное коррупционными интересами законодательство, позволяющее безнаказан-

но совершать коррупционные преступления, навязывает подчиненность исполнительной власти интересам коррупционеров, обеспечивает покупку судебных решений через механизм административной ренты [Масликов 2015]. Более того, дискредитируются честный труд, традиции и ценности, формируются благоприятные условия для криминальных сообществ, теневой экономики, ухудшается качество жизни населения.

Если коррупция – это система, то для ее слома требуется более сильная система, созданная государством и поддерживаемая обществом. К основным элементам антикоррупционной системы можно отнести: качественное законодательство, практические меры

Антикоррупционное образование становится ключевым инструментарием при формировании у молодых людей мышления, основанного на безусловном неприятии коррупции при решении профессиональных и личных задач

противодействия коррупции, научно-исследовательскую работу и внедрение рекомендаций в практику, полное и точное информационное обеспечение, мониторинг эффективности противодействия коррупции, антикоррупционное образование, просвещение и воспитание, формирование антикоррупционного поведения, повышение нравственности и культурного уровня общества в целом и каждого гражданина в отдельности. Нужно учитывать, что методы «блицкрига» здесь не действуют, одного законодательства недостаточно, силовое влияние властных структур необходимо [Кирпичников 1997], но при этом воспитывать себя и устранять личностные недостатки может только сам человек – через самопознание, самосовершенствование, самоорганизацию и т. п.

Анализ немногочисленных дефиниций антикоррупционного поведения позволяет сделать вывод о том, что оно предполагает активные действия гражданина, должностного лица, направленные на предотвращение коррупционных рисков и проявлений, строгое соблюдение установленных норм и предписаний, отказ от совершения каких-либо действий, имеющих коррупционный характер.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет образование не только как совокупность приобретенных знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенций, но и как общественно значимое благо, осуществляемое в интересах человека, семьи, общества и государства. Целями высшего образования в разных национальных системах объявляются: развитие сущностной природы индивида, составляющей суть человеческого бытия [Маритен 1999]; обучение методам решения проблем с помощью опыта [Дьюти 2000]; формирование личности, трезво и даже прагматично осознающей реалии материального мира [Скиннер 2015]; «снижение уровня невежества» [Baldrige 2003] и т. п.

Здесь уместно вспомнить идеи, изложенные в гегелевской концепции гражданского общества. Она основана на том, что мы называем рыночной экономикой, а сам автор ее именовал «системой потребностей» [Гегель 1990: 234–236], в которой функция образования состоит в воспитании культуры гражданского духа.

Культура как социальный феномен (лат. *cultura* – возделывание, обработка, воспитание) определяет качество деятельности человека во всех областях. В каждой организации присутствует своя культура – как практика, как действие, как асимметричная структура власти, как социальный контроль и возвышение роли знаний [Митин 2007: 18–19]. В контексте антикоррупционной политики культура играет чрезвычайно важную роль, положительно влияет на мораль и нравственность.

Антикоррупционное образование становится ключевым инструментарием при формировании у молодых людей мышления, основанного на безусловном неприятии коррупции при решении профессиональных и личных задач. Вместе с тем только образовательные программы вряд ли смогут сформировать устойчивое антикоррупционное поведение за короткий срок. Требуется еще и широкая просветительская работа. Если при этом используются информационные материалы из других наук, а также синергичные и персуазивные технологии, то достигаются результаты, многократно обогащающие традиционные педагогические практики.

В связи с этим заслуживают внимания исследования, посвященные синергетике в образовании и синергетике образования. Е. Н. Князева, С. П. Курдюмова [Князева, Курдюмова 1999] предлагают ввести понятие «педагогическая синергетика» и рассматривать ее как «область педагогического знания, которая основывается на законах и закономерностях синергетики, то есть законах и закономерностях самоорганизации и саморазвития педагогических, образовательно-воспитательных систем». Педагогическая наука и образовательная практика постепенно выстраивают новое пространство, в котором при формировании у выпускников профессиональных компетенций могли бы не только закрепиться идея о получении знаний, умений и навыков, но и создаваться условия для саморазвития, самоорганизации личности с применением инновационных образовательных технологий.

Синергетические эффекты основаны на том, что качественные характеристики организованного целого выходят далеко за пределы арифметической суммы свойств его элементов. В обозначенной идее особая роль принадлежит когерентности, которая трактуется как согласованное взаимодействие, порождающее макроэффекты, кооперацию отдельных частей системы и приводящее в результате к возникновению нового качества, к возникновению синергии.

Если учесть, что древнегреческое слово *synergos* означает «работать вместе, комбинировать действия», то для преподавания антикоррупционных дисциплин синергетика становится средством интеграции прямых и непрямых участников учебного процесса. Студент решает задачи, опираясь на самоорганизацию, в условиях неопределенности, креативной нелинейности, ориентируясь на творчество в малой учебной группе. Заинтересованные участники внешней среды, от родителей до властных структур, предлагают ценности и информационные ресурсы для того, чтобы обеспечить выбор студентами модели антикоррупционного поведения. В результате создается новое комбинированное информационное поле, с помощью которого осуществляется управление самообразованием индивидуума.

Для рационального обоснования идеи антикоррупционного поведения могут использоваться персуазивные технологии. В трак-

товке В. Е. Чернявской это воздействие автора устного или письменного сообщения на адресата с целью убедить в чем-либо, призвать совершать или не совершать те или иные действия [Чернявская 2006].

Рассуждения Е. В. Зайцевой [Зайцева 2004] подтверждают наш тезис о необходимости усилить коммуникативную направленность юридических дисциплин в вузе, при которой обучение должно строиться на вовлечении студентов в устную (беседы, выступления) и письменную (подготовка процессуальных документов) коммуникацию, в процесс правового общения. Наиболее удачной здесь может быть персуазивная стратегия, направленная на то, чтобы вызвать у адресата положительное или отрицательное отношение к предмету. Идеализировать противодействие коррупции и думать, что оно приведет к полному ее устранению, нет необходимости. Стремление рассказать о положительных результатах борьбы с коррупцией должно сочетаться с критическим мышлением.

При этом, как уже говорилось, поощряются диалог, дискуссия, активная коммуникация участников практического занятия. Важен даже выбор студентов на роли экспертов, которые высказывают суждения о ценности выдвинутых гипотез. В этом случае можно даже получить тот самый синергетический эффект от групповой работы, при котором проявляются ранее не востребованные творческие идеи студентов. Это позволяет многим участникам лучше понять проблему, оценить значимость участия в дискуссии. В дополнение к диалогу студенты хорошо воспринимают задание о подготовке эссе. Его можно рассматривать как поисковый или частично поисковый метод обучения, ориентированный на развитие навыков самостоятельного творческого мышления и письменного изложения собственных мыслей. Требуются понимание проблемы, сущности происходящих событий, способность излагать авторскую гипотезу.

Анализ учебных планов в вузах России свидетельствует о том, что оказывающие воспитательный эффект и касающиеся антикоррупционного поведения дисциплины очень редки. Сегодня в отечественной высшей школе пока не дается необходимый набор компетенций, способствующих формированию у молодежи системы антикоррупционных убеждений и нравственных качеств.

Внедрять эффективные педагогические технологии важно с учетом психологических особенностей юношеского возраста: студенты не примут категорические утверждения о том, что коррупция – это аморально. Формирование у студентов антикоррупционных убеждений может осуществляться преимущественно путем морально-нравственного, духовного, гражданского воспитания, т. е. по сути путем профилактики неэтичного поведения.

Будущим юристам необходимы навыки проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Основная цель этой экспертизы заключается в устранении коррупционных факторов, а также в обеспечении законности и правопорядка. Экспертиза проводится прокурорами в ходе реализации их компетенций, Минюст России осуществляет ее в рамках проведения правовой экспертизы. Важно, чтобы в этом процессе участвовали обучающиеся как представители институтов гражданского общества, а также независимые эксперты, имеющие аккредитацию при Минюсте России.

Особого внимания требуют задания для студентов, отличающиеся высокой сложностью. Это своеобразные учебно-юридические задачи, зачастую выходящие за рамки программы по конкретной юридической дисциплине. Как отмечают некоторые исследователи, требуется привлекать данные из других отраслей права. Решение юридических задач тесно связано с правовым анализом и синтезом, опирается на знание теории государства и права, на общее правовое развитие студента, на понимание значений правовых единиц [Козлова, Козлова 2014].

К таким заданиям мы относим антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Причина в том, что ни в законодательстве, ни в Методике антикоррупционной экспертизы, утвержденной постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96, не дается определения коррупционного фактора. Описываются лишь основные признаки, которые могут свидетельствовать о его наличии.

При изучении учебной дисциплины ставится задача увеличить число участников, способных выявить и другие коррупционные предпосылки (факторы), а при анализе конкретных нормативных правовых актов и их проектов – не только сформулировать свои заключения, но и приобрести навыки по выявлению пробелов и коллизий в праве, что способствует повышению качества принимаемых решений.

Следует согласиться с Д. А. Мохоровым [Мохоров 2018], который приводит убедительные аргументы в пользу того, что необходимы введение в вузах антикоррупционных дисциплин, применение комплексного подхода к этой деятельности и расширение коммуникативных контактов с представителями органов государственной власти.

Кроме того, отметим, что в целом в течение последних 10–12 лет элементы антикоррупционного образования хотя и рассматриваются в исследованиях как нужные и целесообразные, но не предполагают интеграции синергичных и персуазивных стратегий и тактик. Это служит основанием для проведения дальнейших научных разработок и совершенствования педагогических технологий.

Список литературы

- Baldrige V. Internationalization of Universities: A University Culture-Based Framework // Higher Education. 2003. Vol. 45. № 1. P. 43–70.
- Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
- Дьюти Дж. Демократия и образование. Опыт и образование. М.: Педагогика-пресс, 2000. 384 с.
- Зайцева Е. В. Принципы доступности и коммуникативной направленности обучения студентов в условиях применения инфокоммуникационных технологий: дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2004. 184 с.
- Кирпичников А. В. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997. 352 с.
- Князева Е. Н., Курдюмова С. П. Синергетика и новые подходы к процессу обучения // Синергетика и учебный процесс / под ред. В. С. Егорова, В. И. Корниенко. М.: Изд-во РАГС, 1999. С. 8–18.

Козлова В. Н., Козлова М. М. Решение учебных юридических задач как средство формирования профессиональных компетенций студентов-юристов // Грамота. 2014. № 4. Ч. 1. С. 100–107.

Маритен Ж. Знание и мудрость. М.: Науч. мир, 1999. 244 с.

Масликов В. И. Универсум. Общая теория управления. М.: ТД Алгоритм, 2015. 910 с.

Митин А. Н. Психология управления: учеб. Екатеринбург: Пирогов, 2007. 382 с.

Мохоров Д. А. Специфика преподавания дисциплин антикоррупционной направленности в системе высшей школы. 2018 // URL: <https://s.science-education.ru/pdf/2018/6/28169.pdf> (дата обращения: 13.09.2022).

Скиннер Б. Ф. Наука и человеческое поведение. Новосибирск: НГУ, 2015. 461 с.

Фромм Э. «Иметь» или «быть». М.: АСТ, 2006. 283 с.

Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 136 с.

Александр Николаевич Митин – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: sov@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-1788-6736

Specifics of Teaching Anti-Corruption Disciplines in Higher Education with the Use of Synergistic and Persuasive Technologies

Corruption in all its manifestations is recognized as a system against which the state, together with civil society institutions should also offer a more effective system in which anti-corruption technologies, organizational and legal mechanisms are of particular importance. In this case, anti-corruption education becomes a key tool in the formation of young people's thinking based on the principle of unconditional rejection of corruption in solving professional and personal tasks. The use of synergistic and persuasive technologies greatly enriches traditional pedagogical practices.

Persuasive technology is the influence of the author of an oral or written message on the addressee in order to convince of something, to urge to commit or not to commit certain actions. In this case, it becomes possible to conduct a dialogue about the positive results of the fight against corruption, combined with critical thinking. Synergistic technologies, in turn, act as a means of integrating direct and indirect participants in the educational process.

Keywords: corruption, anti-corruption education, pedagogical practice, synergistic technologies, persuasive technologies

Recommended citation

Mitin A. N. Spetsifika prepodavaniya v vuze antikorrupsionnykh distsiplin s primeneniem sinergiinykh i persuzivnykh tekhnologii [Specifics of Teaching Anti-Corruption Disciplines in Higher Education with the Use of Synergistic and Persuasive Technologies], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 87–92, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_87.

References

Baldrige V. Internationalization of Universities: A University Culture-Based Framework, *Higher Education*, 2003, vol. 45, no. 1, pp. 43–70.

Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya* [The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Influence], Moscow, Flinta, 2006, 136 p.

D'yuti Dzh. *Demokratiya i obrazovanie. Opyt i obrazovanie* [Democracy and Education. Experience and Education], Moscow, Pedagogika-press, 2000, 384 p.

Fromm E. «Imet'» ili «byt'» [To «Have» or to «Be»], Moscow, AST, 2006, 283 p.

- Hegel' G. V. F. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Moscow, Mysl', 1990, 524 p.
- Kirpichnikov A. V. *Vzyatka i korrupsiya v Rossii* [Kickback and Corruption in Russia], Saint Petersburg, Al'fa, 1997, 352 p.
- Knyazeva E. N., Kurdyumova S. P. *Sinergetika i novye podkhody k protsessu obucheniya* [Synergetics and New Approaches to the Learning Process], Egorova V. S., Kornienko V. I. (eds.) *Sinergetika i uchebnyi protsess* [Synergy and the Learning Process], Moscow, RAGS, 1999, pp. 8–18.
- Kozlova V. N., Kozlova M. M. Reshenie uchebnykh yuridicheskikh zadach kak sredstvo formirovaniya professional'nykh kompetentsii studentov-yuristov [Solving Educational Legal Problems as a Means of Forming Professional Competencies of Law Students], *Gramota*, 2014, no. 4, pt. 1, pp. 100–107.
- Mariten Zh. *Znanie i mudrost'* [Knowledge and Wisdom], Moscow, Nauch. mir, 1999, 244 p.
- Maslikov V. I. *Universum. Obshchaya teoriya upravleniya* [The Universe. General Management Theory], Moscow, TD Algoritm, 2015, 910 p.
- Mitin A. N. *Psikhologiya upravleniya* [Psychology of Management], Ekaterinburg, Pirogov, 2007, 382 p.
- Mokhorov D. A. *Spetsifika prepodavaniya distsiplin antikorrupcionnoi napravlenosti v sisteme vysshei shkoly* [The Specifics of Teaching Anti-Corruption Disciplines in the Higher School System], 2018, available at: <https://s.science-education.ru/pdf/2018/6/28169.pdf> (accessed: 13.09.2022).
- Skinner B. F. *Nauka i chelovecheskoe povedenie* [Science and Human Behavior], Novosibirsk, NGU, 2015, 461 p.
- Zaitseva E. V. *Printsipy dostupnosti i kommunikativnoi napravlenosti obucheniya studentov v usloviyakh primeneniya infokommunikatsionnykh tekhnologii* [Principles of Accessibility and Communicative Orientation of Students' Education in the Context of the Use of Infocommunication Technologies]: cand. ped. sc. thesis, Stavropol', 2004, 184 p.

Aleksandr Mitin – doctor of economical sciences, professor, head of the Department of socio-humanitarian disciplines, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: sov@usla.ru.

ORCID: 0000-0003-1788-6736

Дата поступления в редакцию / Received: 2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 2022

С. А. Курочкин

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МОНОГРАФИИ М. Ю. СТАРИЛОВА
«МЕРЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ
ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ ИСКУ:
ТЕОРИЯ, СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ»**

Кратко проанализированы основные тезисы, отраженные в монографии М. Ю. Старилова «Меры предварительной защиты по административному иску: теория, судебная практика, проблемы, эффективность». Уделяется внимание научной дискуссии о праве административного судопроизводства, излагаются некоторые замечания критического характера.

Ключевые слова: меры предварительной защиты, эффективность, теория, институт, процессуальное право

Для цитирования

Курочкин С. А. Развитие теории административного судопроизводства: несколько слов о монографии М. Ю. Старилова «Меры предварительной защиты по административному иску: теория, судебная практика, проблемы, эффективность» // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 93–96. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_93.

УДК 342

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_93

В 2022 г. издательством Воронежского государственного университета издана монография, посвященная мерам предварительной защиты по административному иску [Старилов 2022]. Автор книги – Максим Юрьевич Старилов, хорошо известный российским специалистам в области административного права и процессуалистам.

Монография М. Ю. Старилова является одним из первых больших шагов на пути создания полноценной теории в очень дискуссионной области российского правоведения – в сфере административного судопроизводства. Принятие в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации вызвало сдержанную, если не сказать холодную, реакцию российских процессуалистов. А. Т. Боннер категорически утверждает, что «КАС РФ в отсутствие системы административных судов абсолютно не нужен. Более того, по некоторым моментам он еще и вреден, поскольку в ряде случаев этот

Кодекс затрудняет определение необходимой в конкретном случае формы судебной защиты» [Боннер 2016: 42]. Можно по-разному относиться к новому Кодексу, тем не менее он живет, применяется судами и стимулирует ученых искать решения непростых практических проблем.

Отрадно, что автор монографии уделил серьезное внимание основным теоретическим положениям и нормативной рамке мер предварительной защиты по административному иску. Развитие учения об административном судопроизводстве, которое отдельные авторы успели окрестить «правом административного судопроизводства», бесспорно, является важным для современного российского правоведения. Полярные позиции специалисты заняли в вопросах признания правовых норм, закрепленных в Кодексе административного судопроизводства, отраслью российского права. «Можно ли сказать, что для реализации норм административного права, в частности

при осуществлении судебного контроля за законностью действий управленческих органов, непременно нужна своя собственная отрасль права или специализированный Кодекс? Разумеется, нет» [Там же: 22]. Диаметрально противоположного мнения придерживается Р. О. Опалев, не без оснований утверждая, что «в настоящее время невозможно отрицать формирование в России права административного судопроизводства и правовой формы административного судопроизводства, урегулированной КАС РФ» [Опалев 2021: 5].

Надо признать, известные ученые уже включают административное процессуальное право в состав четырех процессуальных отраслей [Решетникова 2020: 33]. Значит, теорию отрасли стоит развивать, возможно, опираясь на доктрину гражданского процессуального права, блестящее знание которой демонстрирует М. Ю. Старилов. Предпринятое им исследование понятия, признаков, задач, функций и значения мер предварительной защиты – это хорошая теоретическая основа для дальнейших практических выводов.

Особое внимание стоит уделить тезисам М. Ю. Старилова, касающимся предварительной защиты по административному иску как новой нормативной юридической конструкции и неотъемлемого элемента административно-процессуальной формы. В теории процессуального права не утихают жаркие дебаты по проблеме признания самостоятельности административно-процессуальной формы. Далеко не все авторы готовы признать ее существование. Новые аргументы в пользу новой процессуальной формы – это неплохое усиление позиций ее сторонников.

Полноценное понимание правовых институтов возможно только в той среде, где они появились, а потому их научное исследование должно учитывать всю совокупность исторических, социальных, правовых и судоустройственных факторов. Неизменно позитивное влияние на выводы ученого оказывают и сравнительно-правовые исследования, не ускользнувшие от внимания М. Ю. Старилова (§ 4 главы I). Практически полезной видится глава II, посвященная видам, основаниям, порядку принятия мер предварительной защиты по административному иску, а также доказыванию необходимости их применения судами общей юрисдикции.

Одной из ключевых проблем, свойственной не только административному, но

и гражданскому, арбитражному и уголовному судопроизводству, является проблема их эффективности. О ней много говорят, но, как ни странно, единого понимания эффективности среди ученых нет. При этом высшие российские судебные инстанции активно применяют категорию эффективности при рассмотрении конкретных дел. Думается, что эффективность судопроизводства может изучаться и как явление комплексное, и как явление частное, характерное для отдельных процессуальных институтов, механизмов и даже процессуальных норм. В этом смысле заслуживает всемерной поддержки предпринятое М. Ю. Стариловым исследование эффективности применения судами общей юрисдикции мер предварительной защиты по административному иску (глава III монографии), а также использование категории эффективности для анализа тех или иных практических либо доктринальных подходов [Старилов 2022: 40].

Вместе с тем, как и любая другая творческая работа, труд М. Ю. Старилова не лишен некоторых спорных моментов, обсуждение которых, мы надеемся, позволит автору продолжать научный поиск и добиваться новых результатов.

Так, преувеличением, пусть и ненамеренным, является тезис о том, что «эффективная правовая защита, эффективность всего судопроизводства, несомненно, находятся в полной зависимости от юридического качества применения обеспечительных мер в гражданском процессе». Автор монографии отмечает, что «институт мер предварительной защиты создавался законодателем для решения всех задач административного судопроизводства и обеспечения эффективности правосудия по административным делам» [Там же: 201]. Было бы прекрасно, если бы один процессуальный институт решал все задачи административного судопроизводства и обеспечивал эффективность правосудия. Пока, наверное, об этом говорить рано. На наш взгляд, каждый институт вносит лепту в достижение целей судопроизводства, а все вместе – обеспечивают его эффективность.

М. Ю. Старилов указывает два вида измерения эффективности института мер предварительной защиты: как института обеспечения формирования юридически качественного административного процессуального законодательства и как института обеспечения надлежащей правоприменительной деятельности судей по рассмотрению адми-

нистративных дел [Там же: 204–206], предлагает три критерия оценки этой эффективности. Возможно, подобный взгляд сужает возможности такой оценки: анализ доктрины свидетельствует, что подходов и методов измерения и оценки эффективности правовых явлений современной наукой выработано больше. Справедливости ради отметим, что проблема оценки эффективности весьма сложна, в поисках ее решения некоторые авторы предлагают довольно необычные, а иногда и совсем необычные методы анализа эффективности судебной деятельности [Алексеевская 2018].

В качестве важнейшей задачи формирования института предварительной правовой защиты автор монографии указывает «достижение быстроты и оперативности такой защиты для лиц, обратившихся в суд» [Старилов 2022: 229]. Зададимся вопросом: всегда ли требуется эта быстрота? Практика российских судов показывает, что можно провести пятнадцатиминутное судебное заседание, одно из мно-

гих в течение судебного дня. Действительно ли такое «быстрое правосудие» обеспечивает правовую защиту? Является ли быстрота идеалом, к которому стоит стремиться? Задумываясь над ответом, стоит учесть мнение тех, кто в суд обращается (подчеркнем, что многие из выводов М. Ю. Старилова подкреплены материалами социологических опросов, а в современных правовых исследованиях это очень большая редкость). На наш взгляд, быстрота и качество судебной защиты не всегда союзники, чаще противники. Оптимизация сроков разрешения административных дел – перспективное направление, механическое сокращение времени судебного разбирательства – напротив.

Высказанные замечания, безусловно, не влияют на общую положительную оценку книги М. Ю. Старилова. Выразим надежду, что она станет солидным вкладом в современную теорию административного судопроизводства, и всемерно рекомендуем ее читателям.

Список литературы

Алексеевская Е. И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 62–78.

Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность? (или спор процессуалиста с административистом) // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 24–51.

Опалев Р. О. Понятия процессуальной формы административного судопроизводства и права административного судопроизводства // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 5–11.

Решетникова И. В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52.

Старилов М. Ю. Меры предварительной защиты по административному иску: теория, судебная практика, проблемы, эффективность: моногр. Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2022. 308 с.

Сергей Анатольевич Курочкин – кандидат юридических наук, заведующий лабораторией социально-правовых исследований Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620000, Российская Федерация, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 136. E-mail: kurochkin@e1.ru.

ORCID: 0000-0003-2148-5273

Administrative Proceedings Theory Development: a Few Words About M. Yu. Starilov's Monograph «Measures of Preliminary Protection for an Administrative Claim: Theory, Court Practice, Problems, Effectiveness»

The review is a brief analysis of the main theses reflected in the monograph «Measures of Preliminary Protection for an Administrative Claim: Theory, Court Practice, Problems, Effectiveness» by

M. Yu. Starilov. Attention is paid to the scientific discussion on the law of administrative proceedings, and some critical comments are presented.

Keywords: preliminary protection measures, effectiveness, theory, institute, procedural law

Recommended citation

Kurochkin S. A. Razvitie teorii administrativnogo sudoproizvodstva: nesko'ko slov o monografii M. Yu. Starilova «Mery predvaritel'noi zashchity po administrativnomu isku: teoriya, sudebnaya praktika, problemy, effektivnost'» [Administrative Proceedings Theory Development: a Few Words About M. Yu. Starilov's Monograph «Measures of Preliminary Protection for an Administrative Claim: Theory, Court Practice, Problems, Effectiveness»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 93–96, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_93.

References

Alekseevskaya E. I. Tselevye pokazateli ustoichivogo razvitiya pravosudiya [Target Indicators of Sustainable Development of Justice], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2018, no. 5, pp. 62–78.

Bonner A. T. Administrativnoe sudoproizvodstvo v Rossiiskoi Federatsii: mif ili real'nost'? (ili spor protsessualista s administrativistom) [Administrative Proceedings in the Russian Federation: Myth or Reality? (or a Dispute Between a Processualist and an Administrativist)], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2016, no. 5, pp. 24–51.

Opalev R. O. Ponyatiya protsessual'noi formy administrativnogo sudoproizvodstva i prava administrativnogo sudoproizvodstva [Concepts of the Procedural Form of Administrative Proceedings and the Law of Administrative Proceedings], *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*, 2021, no. 4, pp. 5–11.

Reshetnikova I. V. Sovremennoe protsessual'noe pravo: unifikatsiya ili differentsiatsiya [Modern Procedural Law: Unification or Differentiation], *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 2020, no. 2, pp. 32–52.

Starilov M. Yu. *Mery predvaritel'noi zashchity po administrativnomu isku: teoriya, sudebnaya praktika, problemy, effektivnost'* [Measures of Preliminary Protection in an Administrative Claim: Theory, Court Practice, Problems, Effectiveness], Voronezh, Izdat. dom VGU, 2022, 308 p.

Sergey Kurochkin – candidate of juridical sciences, head of the Laboratory of social and legal studies, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. 620000, Russian Federation, Ekaterinburg, Lenina ave., 13b. E-mail: kurochkin@e1.ru.

ORCID: 0000-0003-2148-5273

Дата поступления в редакцию / Received: 05.07.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 19.09.2022

К. М. Табаринцева-Романова
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург)

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION.
EXPLORING NEW HORIZONS»**

Дается краткая характеристика коллективной монографии «The Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons» (ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. London; New York: Routledge, 2022. 262 p.). В связи с предполагаемым расширением организации и принятием в сентябре 2022 г. Самаркандской декларации изучение ШОС является крайне актуальным. Основными исследуемыми авторами направлениями стали правовое взаимодействие, безопасность, экономическое и гуманитарное сотрудничество. В монографии также описываются перспективы дальнейшего развития ШОС.

Ключевые слова: ШОС, гуманитарное сотрудничество, право, безопасность, регионализм

Для цитирования

Табаринцева-Романова К. М. Рецензия на коллективную монографию «The Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons» // Российское право: образование, практика, наука. 2022. № 5. С. 97–98. DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_97.

УДК 341.217

DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_97

Коллективная монография «The Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons» («Шанхайская организация сотрудничества. Новые горизонты») посвящена историческим, правовым, гуманитарным и экономическим аспектам формирования и институционализации ШОС.

Сама организация существует уже более двадцати лет, и актуальность ее деятельности, особенно с геополитической точки зрения, постоянно растет. В своем развитии ШОС прошла несколько этапов, при этом сохраняя в качестве важного приоритета своей повестки дня региональную безопасность. В настоящее время ШОС уделяет особое внимание взаимосвязи между индустриализацией и экологическими проблемами, призывая к сотрудничеству с международным сообществом для решения проблем доступа населения к воде или вопросов противодействия изменению климата.

В сентябре 2022 г. в Самарканде прошел саммит ШОС, на котором Иран подписал

меморандум о вступлении, а Египет, Катар, Саудовская Аравия, Бахрейн и Мальдивские острова заявили о своей готовности присоединиться к организации. За всю историю организации было подписано рекордное количество соглашений, концепций, программ и других документов. В Самаркандской декларации подчеркивается, что «государства-члены намерены и далее развивать сотрудничество в сферах политики и безопасности, торговли, экономики, финансов и инвестиций, культурных и гуманитарных связей в целях построения мирной, безопасной, процветающей и экологически чистой планеты Земля, достижения гармоничного сосуществования человека и природы»¹. Основными приоритетами сотрудничества стали усиление потенциала ШОС в сфере обеспечения региональной безопасности и стабильности; повы-

¹ Самаркандская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. 2022 // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5841> (дата обращения: 18.10.2022).

шение глобального профиля ШОС; усиление межпарламентского взаимодействия, экономического вектора в деятельности организации и др.

Авторы коллективной монографии, изучив историю становления и происходящие на данный момент процессы внутри самой организации, пришли к выводу, что изначально направленная на укрепление доверия между приграничными государствами, со временем деятельность ШОС стала расширяться и охватывать, в том числе, другие сферы межгосударственного сотрудничества – культуру, образование, экономику. Такое развитие взаимодействия может являться успешным примером решения задачи регионального сотрудничества на принципах равноправия, партнерства, уважения, поддержки культурно-цивилизационного разнообразия. Однако существует ряд вызовов для органи-

зации. Среди них пассивность в законодательской и геополитической сферах отсутствие конфликтного управления, высокий уровень бюрократизации при подготовке и принятии решений.

В целом можно отметить, что рецензируемая монография представляет собой качественный научный труд, содержащий, кроме прочего, богатый библиографический список. Стоит подчеркнуть междисциплинарный характер монографии, который позволяет сформировать целостное представление о развитии ШОС. Работа выполнена на высоком методологическом уровне. Надеемся, что авторы не остановятся на достигнутом и продолжат исследование поставленных в работе проблем, а также проанализируют интеграцию правовых вопросов в области киберпространства и перспективы научно-исследовательского сотрудничества в рамках ШОС.

Ксения Михайловна Табаринцева-Романова – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. 620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: kmromanova@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0158-8016

Review of the Collective Monograph «Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons»

The proposed work gives a brief description of the monograph «Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons» (ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. London; New York: Routledge, 2022. 262 p.). In connection with the proposed expansion of the organization and the adoption of the Samarkand Declaration in September 2022, the study of the SCO is extremely relevant. The main areas studied by the authors were legal interaction, security, economic and humanitarian cooperation. The paper also describes the prospects for further development of the SCO.

Keywords: SCO, humanitarian cooperation, law, security, regionalism

Recommended citation

Tabarintseva-Romanova K. M. Retsenziya na kollektivnyuyu monografiyu «Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons» [Review of the Collective Monograph «Shanghai Cooperation Organization. Exploring New Horizons»], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2022, no. 5, pp. 97–98, DOI: 10.34076/2410_2709_2022_5_97.

Kseniya Tabarintseva-Romanova – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of theory and history of international relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin. 620002, Russian Federation, Ekaterinburg, Mira str., 19. E-mail: kmromanova@mail.ru.

ORCID: 0000-0002-0158-8016

Дата поступления в редакцию / Received: 10.10.2022

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.10.2022

РОССИЙСКОЕ ПРАВО

ОБРАЗОВАНИЕ ПРАКТИКА НАУКА

Редактор *К. С. Путушкина*
Дизайн обложки *К. О. Хрущева*
Компьютерная верстка *И. В. Яцюк*

Подписано в печать 28.11.2022. Формат 60×84/8.

Бумага писчая. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,62. Уч.-изд. л. 10,71.

Тираж 100 экз. Заказ № 7

Дата выхода в свет 06.12.2022.

Цена свободная

16+

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21